

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 7 (1389) АПРЕЛЬ 1985

Михаил Сергеевич ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на ком-

сомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально - производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года

М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8—11-го созывов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательно проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Централь-

ного Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачиваются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. ГОРБАЧЕВА на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года

Дорогие товарищи!

Всех нас, всю нашу партию и страну постигло тяжелое горе. Ушел из жизни верный ленинец, выдающийся деятель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, международного коммунистического движения, человек чуткой души и большого организаторского таланта — Константин Устинович Черненко.

Большой и славный путь прошел Константин Устинович. На каждом участке, который ему поручала партия, все полнее раскрывались его талант, умение работать с людьми. На посту Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко отдавал все силы и знания развитию экономики страны, росту благосостояния и культуры народа, обеспечению безопасности Родины, сохранению и упрочению мира на земле.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог успехов, преодоления недостатков, залог поступательного движения вперед.

Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК при деятельном участии Юрия Владимировича Андропова и Константина

Устиновича Черненко, была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет и о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика.

Нам предстоит добиться решающего поворота в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития. Мы должны, обязаны в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший мировой уровень производительности общественного труда.

Чтобы успешнее и быстрее решить эту задачу, необходимо и далее настойчиво совершенствовать хозяйственный механизм и всю систему управления. Идя по этому пути, выбирая оптимальные решения, важно творчески применять основополагающие принципы социалистического хозяйствования. Это значит неуклонно осуществлять плановое развитие экономики, укреплять социалистическую собственность, расширять права, повышать самостоятельность и ответственность предприятий, усиливать их заинтересованность в конечных результатах работы. Это значит подчинять все экономическое развитие в конечном счете интересам советских людей.

Партия будет неуклонно проводить

разработанную ею социальную политику. Все во имя человека, на благо человека — это программное положение должно наполняться все более глубоким и конкретным содержанием. Понятно, что улучшение условий жизни человека должно основываться на его возрастающем вкладе в общее дело. Там, где допускаются отклонения от этого принципа, неизбежно нарушается социальная справедливость, представляющая собой важнейший фактор единства и стабильности социалистического общества.

Как одну из коренных задач внутренней политики партия рассматривает дальнейшее совершенствование и развитие демократии, всей системы социалистического самоуправления народа. Задачи здесь многогранны. Немало в этом плане делается. Имеется в виду дальнейшее повышение роли Советов, активизация профсоюзов, комсомола, народного контроля, трудовых коллективов. Впереди настойчивая работа и по уже намеченным, и по новым направлениям.

Углубление социалистической демократии неразрывно связано с повышением общественного сознания. Эффективность воспитательной работы проявляется прежде всего в том, как рабочие, колхозники, интеллигенция участвуют в решении больших и малых проблем, как они трудятся, как борются с недостатками. Повышение трудовой и социальной активности советских людей, укрепление дисциплины, воспитание патриотизма и интернационализма — важные

задачи всей идеологической деятельности.

При этом будут и впредь приниматься решительные меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений, от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности.

Мы и дальше обязаны расширять гласность в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. В. И. Ленин говорил, что государство сильно сознательностью масс. Наша практика полностью подтвердила этот вывод. Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели.

В области внешней политики наш курс ясен и последователен. Это — курс мира и прогресса.

Первая заповедь партии и государства — беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества. Мы будем делать все от нас зависящее для расширения взаимодействия с социалистическими государствами, для повышения роли и влияния социализма в мировых делах. Мы хотели бы серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой и считаем, что при наличии взаимности это вполне возможно.

Советский Союз всегда поддерживал борьбу народов за освобождение от

колониального гнета. И сегодня наши симпатии — на стороне стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по пути укрепления независимости и социального обновления. Они для нас — друзья и партнеры в борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые отношения между народами.

Что же касается отношений с капиталистическими государствами, то хочу сказать следующее. Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда.

Мы ценим успехи разрядки международной напряженности, достигнутые в 70-е годы, и готовы участвовать в продолжении процесса налаживания мирного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами на началах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Новыми шагами в этом направлении можно было бы достойно отметить сорокалетие великой Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе. Договоренность на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. Договоренность, которая поможет всем продвинуться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к полному устранению угрозы ядерной войны. В этом мы твердо убеждены.

Завтра в Женеве начнутся перегово-

ры между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Подход СССР к этим переговорам хорошо известен. Могут лишь еще раз подтвердить: мы не стремимся к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними; мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и поэтому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее разветвление ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле.

Хотелось, чтобы наши партнеры по переговорам в Женеве поняли позицию Советского Союза и ответили взаимностью. Тогда соглашение станет возможным. Народы мира вздохнули бы с облегчением.

КПСС — партия интернациональная по своей природе. Наши единомышленники за рубежом могут быть уверены: в борьбе за мир и социальный прогресс партия Ленина, как всегда, будет тесно сотрудничать с братскими коммунистическими, рабочими, революционно-демократическими партиями, выступать за единство и активное взаимодействие всех революционных сил.

Товарищи! Решение стоящих перед нами сложных задач предполагает дальнейшее укрепление партии, повышение ее организующей и направляющей роли. КПСС всегда исходила и исходит из той ленинской мысли, что принципиальная политика — единственно правильная политика. Такая политика, разрабатываемая коллективно, будет осуществляться последовательно и неуклонно. Партия — именно та сила, которая способна учесть интересы всех классов и социальных групп, всех наций и народностей страны, сплотить их воедино, мобилизовать энергию народа на

общее дело коммунистического созидания.

Политика партии была и будет направлена на упрочение союза рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, на неуклонное укрепление дружбы народов нашей великой многонациональной державы.

КПСС будет всемерно развивать творческую инициативу молодежи, заботиться об улучшении условий труда и быта женщин, о нуждах и запросах ветеранов войны и труда.

В сложной международной обстановке, как никогда, важно поддерживать обороноспособность нашей Родины на таком уровне, чтобы потенциальные агрессоры хорошо знали: посягательство на безопасность Советской страны и ее союзников, на мирную жизнь советских людей будет встречено сокрушающим ответным ударом. Наши славные Вооруженные Силы будут и впредь располагать для этого всем необходимым.

Сейчас широко развернулась подготовка к XXVII съезду КПСС. На нем будет рассмотрена новая редакция Программы партии, определены перспективы развития страны на следующую пятилетку и до 2000 года.

Время требует напряженной, творческой работы всех партийных организаций сверху донизу. На всех участках, везде и повсюду коммунисты должны быть примером выполнения гражданского долга, добросовестного труда на благо общества, повсеместно утверждать ленинский стиль в работе. В первую очередь это относится к кадрам партии, к партийным и государственным руководителям. КПСС будет неуклонно проводить линию на усиление требовательности, на повышение ответственности за порученное дело. После завершения Пленума члены Центрального Комитета, первые секретари обкомов, все его участники разведутся на места с тем, чтобы с новой энергией взяться за

дела. А дел предстоит немало. Прежде всего надо успешно завершить работу по выполнению планов экономического и социального развития нынешнего года и обеспечить тем самым уверенный старт следующей пятилетки.

Суровая зима несколько затормозила реализацию плановых заданий в ряде отраслей. Значит, сейчас надо собраться, мобилизовать резервы, напрячь все силы, чтобы восполнить недоделанное и к концу года выйти на намеченные рубежи.

Товарищи, в эти дни мы еще острее ощущаем, насколько могучи и монолитны ряды коммунистов, насколько сплочен и един наш советский народ. На недавних выборах советские люди вновь выразили единодушную поддержку курсу нашей партии и государства. Эта поддержка вдохновляет и обязывает.

Сегодня Пленум Центрального Комитета возложил на меня сложные и большие обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС. Хорошо понимаю, сколь велико оказанное мне доверие и сколь велика связанная с этим ответственность. В предстоящей работе считаю важным поддержку и активную помощь членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК, Центрального Комитета партии в целом. Ваш многолетний опыт — сгусток исторического опыта нашего народа. Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу.

Разрешите выразить уверенность, что, идя навстречу XXVII съезду КПСС, народ и партия, сплоченные вокруг Центрального Комитета, сделают все, чтобы еще богаче и могущественнее была наша Советская Родина, чтобы еще полнее раскрылись созидательные силы социализма.

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни Константин Устинович Черненко — выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС, в рядах которой состоял более пятидесяти лет.

От комсомольского вожака и парторга пограничной заставы до Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР — таков жизненный путь К. У. Черненко. На высших постах в партии и государстве во всей полноте раскрылся его талант организатора, руководителя ленинского типа. Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК КПСС во главе с К. У. Черненко вели большую и плодотворную работу по мобилизации трудящихся на выполнение реше-

ний XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов Центрального Комитета.

Последовательно проводился курс на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния советского народа, дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы. В центре внимания партии постоянно находились вопросы укрепления дисциплины, законности и порядка, кадровой политики, активизации деятельности Советов, комсомола, народного контроля, школьной реформы, повышения общественной роли литературы и искусства. Ведется активная работа по подготовке к очередному, XXVII съезду КПСС, разработке новой редакции Программы партии.

На международной арене усилия партии концентрировались на дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма. С деятельностью К. У. Черненко связаны переход к новому этапу социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества.

ЦК КПСС, Советское государство твердо и последовательно

**Коммунистическая партия Советского Союза,
Советское государство, весь советский народ
понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни
Константин Устинович ЧЕРНЕНКО —
выдающийся партийный и государственный деятель,
патриот и интернационалист,
последовательный борец за торжество
идеалов коммунизма и мира на земле.**

проводили в жизнь принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, решительно противодействовали агрессивным замыслам и устремлениям наиболее реакционных кругов империализма, неустанно боролись за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

В связи с тяжелой утратой Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обращаются к коммунистам, к советскому народу с призывом еще теснее сплотиться вокруг ленинского Центрального Комитета партии и его Политбюро. В Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся нашей страны с полным основанием видят руководящую и направляющую силу советского общества. Все дела и помыслы партии направлены на беззаветное служение коренным интересам советского народа, делу коммунизма.

КПСС вооружена бессмертным революционным марксистско-ленинским учением. Она неуклонно следует по пути, указанному Лениным, и с этого пути не свернет никогда.

Партия и впредь будет проводить курс на всестороннее совершенствование развитого социализма. Она считает высшим смыслом своей деятельности дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе интенсификации экономики, всемерного ускорения научно-технического прогресса. Со всей настойчивостью будет все более полно осуществляться во всех сферах нашей жизни присущий социализму принцип социальной справедливости, неотступно проводится одобренная и поддержанная трудящимися страны линия на укрепление дисциплины, порядка, организованности. Партия и дальше будет укреплять союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу советских народов, составляющих основу жизнедеятельности нашего общества, будет развивать социалистическую демократию. Партия считала и считает высшими духовными ценностями советских людей марксистско-ленинскую убежденность, коллективизм, патриотизм, пролетарский социалистический интернационализм.

КПСС, Советское государство делали и делают все возможное и необходимое для укрепления социалистического сотрудничества, упрочения позиций социализма на мировой арене, для предотвращения ядерной катастрофы и обеспечения прочного мира. Мы хотим и настойчиво добиваемся прекращения гонки вооружений, предотвращения милитаризации космоса. Наша конечная цель — полное уничтожение ядерного оружия повсюду на планете, полное устранение угрозы ядерной войны. Советский Союз неизменно выступал и выступает за конструктивный диалог, за практические меры, ведущие к снижению международной напряженности, к установлению атмосферы доверия, сотрудничества и взаимопонимания между всеми народами и государствами.

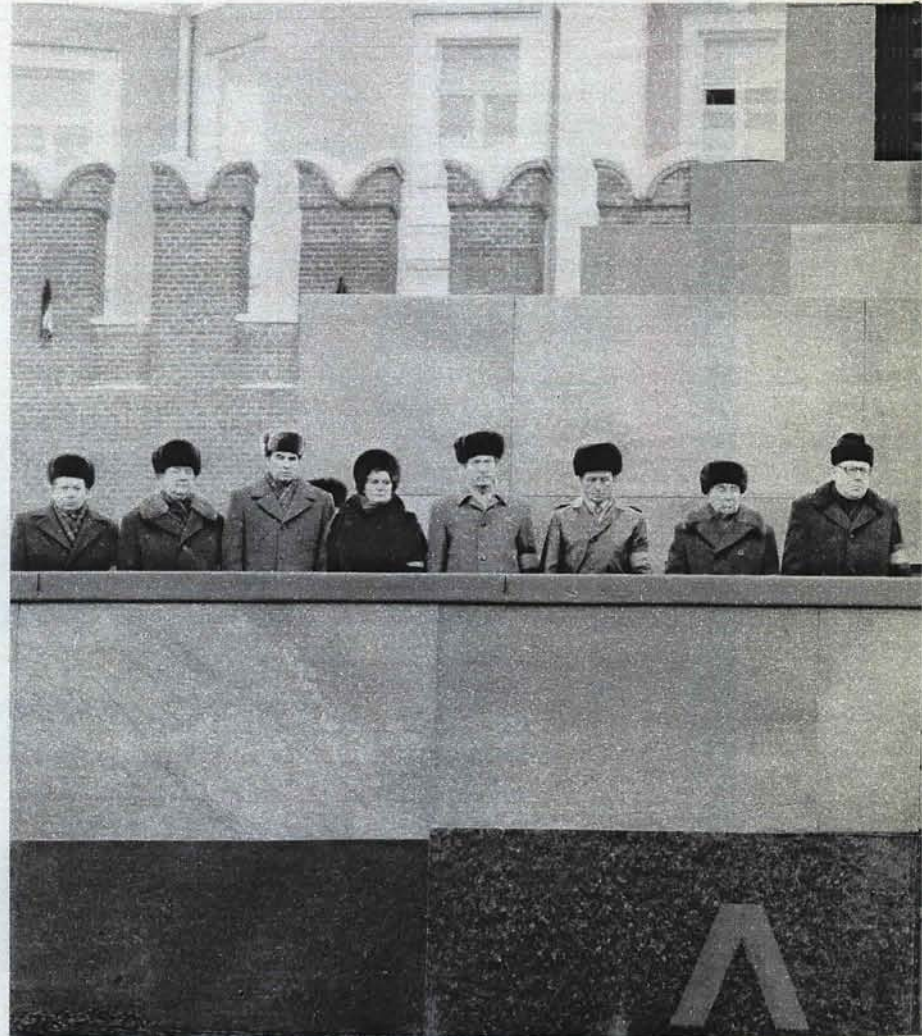
Советский Союз никому не угрожает и не стремится к военному превосходству. Но он не допустит того, чтобы какая-либо другая страна или коалиция государств получили такое превосходство. Вот почему мы и впредь будем неустанно повышать бдительность, крепить обороноспособность нашей социалистической Родины.

Наши симпатии и наша поддержка на стороне народов, борющихся за свободу и национальную независимость. В борьбе за мир и социальный прогресс КПСС неизменно верна последовательному курсу на всемерное сплочение сил международного коммунистического и рабочего движения.

Цели партии ясны и благородны. Они позволили КПСС снискать безграничное доверие трудящихся. В единстве с народом — сила партии. В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа.

Константин Устинович Черненко, посвятивший всю свою жизнь верному служению партии, советскому народу, навсегда останется в памяти коммунистов, всех советских людей. Он останется в нашей памяти как страстный пропагандист марксистско-ленинских идей, как отзывчивый и требовательный руководитель, как человек чуткий и внимательный к нуждам и заботам людей труда.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР твердо уверены в том, что коммунисты, все советские люди, проявляя высокую сознательность и организованность, будут трудиться с еще большим энтузиазмом и самоотверженностью, крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины, достойно нести знамя Великого Октября.

Москва, 13 марта 1985 года. На трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

Во время похорон К. У. Черненко.

Фото ТАСС и Д. Бальтерманца

КОНСТАНТИНА УСТИНОВИЧА ЧЕРНЕНКО

Траурный митинг на Красной площади

Советский народ, все прогрессивное человечество проводили 13 марта в последний путь Константина Устиновича Черненко — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С утра через Колонный зал в скорбном молчании вновь шли рабочие и служащие заводов и фабрик, работники учреждений и научно-исследовательских институтов, деятели науки и культуры, военнослужащие, труженики полей и ферм, учащаяся молодежь. Десятки тысяч советских людей отдали дань глубокого уважения человеку, вся жизнь которого — яркий пример непоколебимой преданности великому делу ленинской партии, самоотверженного труда во имя торжества идеалов коммунизма.

...В почетный караул у гроба покойного встают товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Траурную вахту несли члены комиссии по организации похорон Г. М. Марков, В. М. Мишин, В. В. Терешкова, П. Н. Федосеев, С. А. Шалаев, Ю. А. Прокофьев, С. С. Циглимов.

...12 часов. В зале остаются родные и

близкие К. У. Черненко. Последние минуты прощания.

Звучат траурные мелодии. Гроб с телом К. У. Черненко выносят из Колонного зала и устанавливают на артиллерийский лафет. Кorteж направляется на Красную площадь.

В скорбном молчании за гробом К. У. Черненко в траурной процессии идут руководители Коммунистической партии и Советского государства, члены комиссии по организации похорон, родные и близкие покойного, руководители министерств и ведомств, ответственные работники ЦК КПСС, МГК КПСС и исполкома Моссовета, представители обществственности.

Впереди процессии — множество венков, возложенных в Доме союзов от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзных и автономных республик, краев и областей, министерств и ведомств, партийных, советских и общественных организаций, от трудовых коллективов страны. Здесь же венки от зарубежных делегаций.

На алом атласе — советские ордена и медали, которых К. У. Черненко удостоен за большие заслуги перед Родиной, высшие награды братских стран.

...Красная площадь. В скорбном молчании тысячи москвичей, пришедших сюда на траурный митинг. В четком строю — части войск Московского гарнизона. Над их колоннами склонены боевые знамена.

Траурная процессия приближается к Мавзолею. Гроб с лафета переносится на постамент.

На центральную трибуну Мавзолея

поднимаются товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, члены комиссии по организации похорон.

На трибунах — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, представители партийных, советских и общественных организаций, военачальники, передовики производства.

Здесь же — многочисленные зарубежные гости, прибывшие на похороны К. У. Черненко.

Присутствуют члены дипломатического корпуса.

Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю МГК КПСС В. В. Гришину.

Выступает механизатор совхоза «Легостаевский» Новоселовского района Красноярского края, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда С. С. Циглимов.

Слово предоставляется вице-президенту АН СССР члену ЦК КПСС, депутату Верховного Совета СССР, Герою Социалистического Труда П. Н. Федосееву.

У микрофона — первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин.

Траурный митинг объявляется закрытым. Руководители Коммунистической партии и Советского государства подходят к постаменту с гробом К. У. Черненко. Процессия направляется к Кремлевской стене.

13 часов 40 минут. Гроб с телом покойного опускают в могилу.

Под звуки Государственного гимна СССР гремят орудийные залпы. Одновременно артиллерийский салют производится в столицах союзных республик, в городах-героях Ленинграде, Волгограде, Одессе, Севастополе, Новороссийске, Керчи, Туле, в крепости-герое Бресте, а также в городах Калининграде, Львове, Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Свердловске, Новосибирске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, Красноярске.

Страна замерла в траурной скорби: на пять минут остановилась работа предприятий и организаций. На фабриках, заводах, железных дорогах, на судах морского и речного флота был дан гудками трехминутный салют.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства вновь поднимаются на центральную трибуну.

Перед Мавзолеем в четком строю проходят части войск Московского гарнизона. Они отдают последнюю воинскую почесть руководителю Коммунистической партии и Советского государства.

Светлая память о Константине Устиновиче Черненко навсегда сохранится в сердцах коммунистов, советских людей, всего прогрессивного человечества.

(ТАСС).

Речь М. С. ГОРБАЧЕВА

Дорогие товарищи!

Мы провожаем в последний путь Константина Устиновича Черненко.

В этот скорбный час советские люди воздают дань глубокого уважения верному сыну нашей партии и народа, стойкому борцу за благородные коммунистические идеалы, выдающемуся партийному и государственному деятелю.

С молодых лет Константин Устинович всецело посвящал себя служению делу партии, интересам народа. На каких бы участках партийной и государственной работы он ни находился — на пограничной заставе, в Сибири или Поволжье, в Молдавии или в Москве, — всюду Константин Устинович Черненко трудился с полной отдачей сил, выступал страстным пропагандистом марксизма-ленинизма, воодушевлял и сплачивал людей, умело направлял их усилия на большие, полезные дела. Его всегда отличали высокая идейная убежденность, творческое горение, деловитость, партийная принципиальность, чуткость и внимание к людям.

Богатый политический опыт Константина Устиновича Черненко наиболее полно проявился на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Под его руководством Центральным Комитетом, Политбюро ЦК были приняты и проводились в жизнь важные решения по коренным проблемам экономического и социально-политического развития страны, коммунистического воспитания масс.

Константин Устинович многое сделал для воплощения в жизнь ленинского курса нашей партии — курса, направленного на укрепление могущества нашей Родины, сохранение и упрочение мира на земле.

Сегодня перед лицом советского народа Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, Политбюро ЦК твердо заявляют о своей непоколебимой решимости верно служить великому делу социализма и коммунизма, делу мира, социального прогресса и счастья трудящихся.

При деятельном участии Константина Устиновича Черненко коллективно выработывалась и проводилась линия партии на всемерную интенсификацию производства, дальнейший подъем материального благосостояния и духовной культуры народа, углубление социалистической демократии, совершенствование политической системы общества.

Мы будем и впредь целеустремленно вести борьбу за осуществление решений XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1982 г.) и последующих Пленумов ЦК по ускорению социально-экономического развития страны, укреплению ее экономического и оборонного могущества. Важнейшей заботой партии и государства всегда были и останутся удовлетворение возрастающих запросов советского человека, улучшение условий его труда и быта.

В центре внимания будут и впредь находиться развитие инициативы и творчества масс, строгое соблюдение порядка и законности, укрепление трудовой, государственной и партийной дисциплины.

Мы будем всемерно поддерживать, поощрять и возвышать тех, кто не словами, а делами, практическими резуль-

татами проявляет свое честное и добросовестное отношение к выполнению общественного долга.

Мы будем бороться против любых проявлений парадности и пустословия, чванства и безответственности, против всего, что противоречит социалистическим нормам жизни.

Центральный Комитет будет и в дальнейшем неустанно крепить сплоченность партии, ее связи с массами, совершенствовать стиль партийной, государственной и общественной деятельности.

С именем Константина Устиновича Черненко связаны осуществление внешнеполитического курса Советского государства, крупные миролюбивые инициативы, направленные на прекращение гонки вооружений, устранение угрозы мировой термоядерной катастрофы. Наша партия и государство будут и дальше наращивать усилия в этом направлении, делать все, чтобы сохранить мир. Мы исходим из того, что право жить в условиях мира и свободы — это главное право человека.

Мы вновь подтверждаем свою готовность поддерживать добрососедские отношения со всеми странами на принципах мирного сосуществования, на основе равноправия и взаимовыгодного сотрудничества. Советский Союз никогда и никому не угрожал. Но никому и никогда не удастся диктовать нам свою волю.

Социализм, как учил Ленин, докажет свои преимущества, но докажет не силой оружия, а силой примера во всех областях жизнедеятельности общества — экономической, политической, морально-нравственной.

Делу мира и социального прогресса надежно служат растущая мощь и сплоченность стран социалистического содружества. Центральный Комитет КПСС и Советское правительство делают все необходимое, чтобы еще прочнее становился их братский союз, развивалось и углублялось их политическое и экономическое сотрудничество. Верная принципам социалистического интернационализма, наша партия будет и впредь делать все для расширения взаимодействия братских стран, упрочения их позиций в международных делах.

Мы уверены, что цели, которые ставит партия, идущая навстречу своему XXVII съезду, будут достигнуты. Поручкой тому — самоотверженный труд советских людей, нерушимое единство партии и народа.

От имени Центрального Комитета КПСС и Советского правительства позвольте выразить признательность братским партиям, трудящимся стран социалистического содружества, правительствам и народам других государств, всем, кто почтил светлую память Константина Устиновича Черненко.

В этот час прощания с Константином Устиновичем хочу высказать искренние и глубокие соболезнования его семье и близким.

Склоняя голову перед тобой, наш дорогой товарищ и соратник, мы обещаем неуклонно следовать курсом нашей ленинской партии. Служить ее делу — значит служить делу народа. Этот свой долг мы выполним до конца.

Прощай, наш дорогой Константин Устинович!

Товарищи!

Коммунисты, трудящиеся Москвы вместе с партией, советским народом глубоко скорбят в связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Константина Устиновича Черненко.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, — это яркий образец беззаветной преданности великому делу Ленина, строительству коммунизма. Он был верным сыном советского народа и служению ему посвятил свой талант, все свои силы.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в совершенствование хозяйственной, организационной, идеологической работы партии, развитие трудовой и политической активности советских людей, усиление экономического и оборонного могущества нашей Родины.

Всегда дальновидные и своевременные инициативы Константина Устиновича Черненко были направлены на достижение единой цели — сделать нашу великую страну еще более процветающей и могущественной, сделать жизнь советских людей еще более обеспеченной материально и богатой духовно.

Всему миру известна неустанная забота Константина Устиновича Черненко об устранении нависшей над человечеством угрозы ядерной войны, об укреплении всеобщего мира, развитии плодотворного международного сотрудничества, укреплении единства и сплоченности стран социалистического содружества, братских марксистско-ленинских партий.

Почти 30 лет жизнь и деятельность Константина Устиновича Черненко была непосредственно связана с Москвой. Здесь он работал в аппаратах Центрального Комитета партии и Президиума Верховного Совета СССР, заведующим

Общим отделом ЦК КПСС, секретарем, а затем Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Трудящиеся Москвы хорошо знали Константина Устиновича Черненко. Он много раз бывал на московских предпрятиях, встречался с рабочими, интересовался развитием экономики города, условиями труда, быта и отдыха москвичей, оказывал большую помощь городской партийной организации, советским органам в решении стоящих перед ними задач. Москвичи неоднократно избирали его депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР.

Константину Устиновичу были присущи высокая идейность, большое трудолюбие, принципиальность, демократизм в сочетании с требовательностью, организаторский талант, личная скромность, то есть все те черты, которые определяли его как руководителя ленинского типа.

Через всю свою жизнь Константин Устинович Черненко с честью пронес высокое звание члена великой ленинской партии, в рядах которой он состоял с 1931 года.

Сегодня мы склоняем головы у праха Константина Устиновича Черненко.

Тяжело сознавать, что нет больше среди нас этого пламенного коммуниста, патриота и интернационалиста, человека высокой партийности и целеустремленности.

Глубоко переживая тяжелую утрату, трудящиеся Москвы полны решимости умножить свои усилия в борьбе за осуществление решений XXVI съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, выполнение планов социально-экономического развития, в борьбе за дело коммунизма, которому посвятил всю свою жизнь Константин Устинович Черненко.

Светлую память о славном сыне Коммунистической партии и советского народа Константина Устиновича Черненко мы навсегда сохраним в наших сердцах.

Речь С. С. ЦИГЛИМОВА

Уважаемые товарищи!

Трудно выразить словами горечь тяжелой утраты, нашу великую скорбь в связи с кончиной Константина Устиновича Черненко, выдающегося политического деятеля, верного коммуниста-ленинца.

Занимая высшие посты в партии и государстве, он был в то же время близок и дорог нам, сибирякам-красноярцам, как старший товарищ, как наш земляк.

На енисейских берегах в далекие двадцатые годы началась трудовая биография Константина Устиновича Черненко. Здесь получил он рабочую и политическую закалку. С ранних лет познал он горькую батрацкую долю. В годы коллективизации сельского хозяйства он был в числе тех, кто создавал первые колхозы, активно боролся за претворение в жизнь планов первых пятилеток.

В грозные военные годы Константин Устинович, будучи секретарем краевого комитета партии, отдавал все свои силы и энергию приближению нашей Великой Победы.

Константин Устинович Черненко до последних дней сберег в своем сердце любовь к красноярской земле, к ее суровой и прекрасной природе, никогда не порывал связи с родными местами. Весом его вклад в комплексное развитие производительных сил края, формирование крупных промышленных комплексов. Он проявлял повседневный интерес к тому, как возродится величайшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС,

набирает силу КАТЭК, наращивает свою мощь заполярный Норильск, преобразуется труд и жизнь хляборобов, хорошеют города и поселки.

Красноярцы навсегда сохраняют в памяти незабываемые встречи с Константином Устиновичем. Он неоднократно бывал в крае и в нашем районе. Мы хорошо помним его задушевность, чуткость и внимание к нам, простым труженикам, к нашим нуждам и заботам. Выходец из народа, Константин Устинович всегда был прост, доступен, умел заметить и поддержать инициативу трудящихся. И они отвечали ему искренней любовью, признательностью, стремлением работать с полной отдачей.

Провожая Константина Устиновича в последний путь, трудящиеся края, как и все советские люди, ясно сознают, что лучшей памятью о нем будет наш самоотверженный труд во имя дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества социалистической Родины, во имя мира и счастья на земле.

Коммунисты, все трудящиеся Красноярского края единодушно одобряют и поддерживают решения мартовского Пленума ЦК КПСС и заверяют родную ленинскую партию, что они и впредь будут настойчиво трудиться во имя торжества великого дела коммунизма, которому Константин Устинович Черненко посвятил всю свою замечательную жизнь.

Прощай, наш дорогой Константин Устинович!

Речь П. Н. ФЕДОСЕЕВА

Товарищи! Советские ученые глубоко переживают тяжелую утрату и искренне разделяют всенародную скорбь в связи с кончиной Константина Устиновича Черненко, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного патриота социалистической Родины и интернационалиста, стойкого борца за мирную жизнь на земле и социальный прогресс человечества.

Посвятив всю свою жизнь делу Коммунистической партии и социалистического строительства, на всех ответственных постах он проявлял ленинскую принципиальность и партийность, высокое сознание общественного долга, неустанную заботу о связях с массами, о благе народа. Видный теоретик и неутомимый пропагандист марксизма-ленинизма, он в своей деятельности являл яркий пример органического сочетания революционной теории и практики, организаторской и идеологической работы. Вопросы идейно-политического воспитания и повышения теоретической подготовки кадров всегда были в центре его внимания.

Товарищ Черненко внес крупный вклад в развитие марксистско-ленинской теории, в его выступлениях и статьях выдвинуты и обоснованы принципиальные положения о путях и методах совершенствования развитого социалистического общества, о перспективах его продвижения к коммунизму. Большое значение имеют его выступления по вопросам идеологической работы партии, по проблемам образования и воспитания молодого поколения в духе научного мировоззрения, преданности

социалистической Родине и готовности к созидательной деятельности на благо народа. Много внимания он уделял обобщению опыта социалистических стран, актуальным проблемам укрепления мирового социалистического содружества. обстоятельно разработаны им вопросы теории и практики международных отношений в современной сложной обстановке.

За творческий вклад в развитие марксистско-ленинской теории ему присуждена высшая награда Академии наук СССР в области обществоведения — золотая медаль имени Карла Маркса.

Советские ученые знали и высоко ценили заботу товарища Черненко о развитии науки, о научно-техническом прогрессе как основном звене в совершенствовании социалистических производительных сил и повышении эффективности общественного производства.

Отдавая свои силы и знания на благо нашей Родины, советские ученые сознают, что всестороннее и последовательное совершенствование развитого социалистического общества, дальнейшее развитие теории и практики научного коммунизма явится живым воплощением высоких идеалов ленинской партии, во имя которых жил, трудился и боролся Константин Устинович Черненко.

Деятели советской науки единодушно одобряют и полностью поддерживают решения внеочередного мартовского Пленума ЦК КПСС, продемонстрировавшего последовательность и преемственность политики партии, ее нерушимое единство и монолитную сплоченность под непобедимым знаменем марксизма-ленинизма.

Речь В. М. МИШИНА

Уважаемые товарищи!

В горестный час народной скорби комсомольцы, юноши и девушки глубоко переживают боль тяжелой утраты, постигшей партию и страну. Ушел из жизни выдающийся государственный и политический деятель, самоотверженный борец за мир и коммунизм Константин Устинович Черненко.

Политическая биография Константина Устиновича началась в рядах Ленинского комсомола. Здесь возмужал его характер, окрепла воля, развились организаторские способности. Вышедший из глубин народа, воспитанный Коммунистической партией, нашим советским строем, Константин Устинович на всех постах был верен ленинской традиции отеческого отношения к молодежи, внимания к делам и заботам комсомола и пионерии.

Константин Устинович по-большевистски верил в молодежь, поддерживал ее созидательную энергию и энтузиазм. С его именем неразрывно связан важный этап развития теории и практики партийного руководства комсомолом, в постоянном совершенствовании которого партия видит важнейшую гарантию революционной преемственности поколений в социалистическом обществе.

Под руководством ЦК КПСС принимаются широкомасштабные энергичные меры по перестройке советской школы, улучшению деятельности комсомола, повышению его роли в коммунистическом воспитании молодежи, которые затрагивают интересы миллионов юношей и девушек, окажут благотворное влияние на судьбы нынешнего и будущих поколений.

Считая, что молодежь многое может и должна сделать для предотвращения военной опасности, Константин Устинович активно поддержал инициативу комсомола провести в год 40-летия нашей Великой Победы XII Всемирный

фестиваль молодежи и студентов в Москве. Готовясь к нему, комсомол крепил дружбу с братскими союзами молодежи социалистических стран, с коммунистическими, революционно-демократическими молодежными организациями капиталистических и развивающихся государств, вместе с ними выступает в авангарде антиимпериалистической борьбы всего прогрессивного юношества планеты.

В эти скорбные дни, осознавая всю полноту своей ответственности за коммунистическое воспитание подрастающих поколений, комсомол еще теснее сплачивает свои ряды вокруг родной Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, уверенно ведущего советский народ по пути совершенствования развитого социализма.

Ленинский комсомол безраздельно одобряет и поддерживает итоги внеочередного Пленума ЦК КПСС. Пленум убедительно показал преемственность стратегического курса нашей партии, со всей очевидностью подтвердил, что партия коммунистов — именно та сила, которая способна учесть интересы всех классов и социальных групп, всех наций и народностей страны, сплотить их воедино, мобилизовать энергию народа на общее дело коммунистического созидания.

Комсомольцы, юноши и девушки делают все, чтобы быть на высоте задач, выдвигаемых партией, достойно встретят XXVII съезд КПСС, будут всемерно крепить экономическое и оборонное могущество социалистического Отечества, приумножать славные традиции старших поколений борцов за коммунизм.

Комсомол склоняет свои знамена перед светлой памятью Константина Устиновича Черненко — коммуниста, требовательного и чуткого наставника юношества. Его имя будет жить в памяти и делах советской молодежи.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

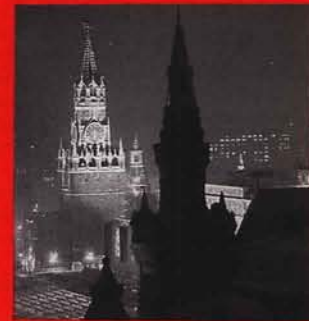
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1389) АПРЕЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Москва.
Красная площадь.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА.

1-7 МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ.

ТРАУРНЫЙ МИТИНГ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

8 СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ. «ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЛЮДИ».

10 НОВОЕ ИМЯ.
Позма Юрия ЧИЧЕВА «УРОКИ».

12 Карем РАШ. «ПОМНИТЬ. ЛЮБИТЬ. ПОДРАЖАТЬ».

15 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
Арсен АЙРУНИ, доктор технических наук. «ОСВОЕНИЕ».

16 НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ.
ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНИ».

18 АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ.
Эдуард ФИЛИМОНОВ. «РАЗОРВАННЫЙ КРУГ».

20 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ.

21 Николай ХЛЕБОДАРОВ. «В ГЛУБИНАХ АРКТИКИ».

23 ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ.
Беата БУШЕЛЕВА. «ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО».

24 Рассказы Аскольда ЯКУБОВСКОГО.

27 Донатас БАНИОНИС, народный артист СССР.
«РАБОТАТЬ НА ЖИЗНЬ».

30 Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА «ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Рабочее самоуправление. Инициатива. Творчество. Для нас эти понятия неразрывно связаны с укреплением социалистической демократии. Каждый на своем месте может и должен участвовать в управлении экономикой, социальной жизнью страны. И это не просто красивые слова. Они находят конкретное выражение в работе многих трудовых коллективов. Встречая XXVII съезд КПСС, мы обращаемся к опыту лучших предприятий, где рабочие, коммунисты и комсомольцы сообща решают важнейшие вопросы производственной жизни.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

— Валерий Владимирович, интерес к опыту вашего предприятия огромен. Поток делегаций с других заводов страны не иссякает уже несколько лет. Но вопрос в том, что они увозят из Калуги? Как внедряют опыт у себя? Судя по письмам читателей, далеко не везде «калужский вариант» внедряется легко, на пути вашего метода встречается немало сложностей, препятствий. Как, по-вашему, нужно перевести коллектив на бригадную форму труда, с чего начинать? Можно ли выделить основные этапы этого процесса? Какую роль здесь могут и должны сыграть комсомол, молодежь?

— Начну пожалуй, с последнего вопроса. Мы перестраивали работу при самом активном участии комсомольской организации. Отличительная черта молодежи — способность чутко улавли-

вать передовое, новое. Комсомольцы, вся молодежь завода были в числе наиболее горячих и последовательных сторонников нового метода.

С одной стороны, молодые творчески участвовали во внедрении бригадной формы, с другой — новый метод сам воспитывал людей, мыслящих категориями коллективного труда, общих интересов.

В общем же плане переход предприятия на бригадный метод представляет собой параллельную перестройку всех без исключения звеньев производственного механизма. Речь идет о целом комплексе взаимосвязанных процессов, идущих синхронно. Надо, например, уточнить специализацию каждого участка и бригады, разработать и закрепить за бригадами их бригадокомплекты, то есть продукцию, которую они

должны производить, или набор определенных операций. Другой параллельный процесс — расчет комплексных норм по технологической трудоемкости бригадокомплектов. Третий — разработка новых форм оплаты труда и материального стимулирования, четвертый процесс — перестройка самой системы управления предприятием. Словом, изменения идут на всех уровнях сверху донизу.

Начинается же все с разъяснительной работы в коллективе. Нужно психологически подготовить людей к переходу на новый метод работы. А это значит — дать каждому работнику определенный минимум теоретических знаний о бригадном методе. Любой рабочий, мастер, инженер или управленец должен ясно представлять, какие именно изменения предстоят в его бригаде, на участке, в цехе, отделе, на что они

Валерий ПРЯХИН,
генеральный директор
производственного объединения
«Калужский турбинный завод»

ОТВЕТАЕТ

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

направлены и в какой срок должны быть проведены. Без этой подготовки внедрять бригадную форму труда нельзя: успеха не будут.

— **Вы говорили о перестройке системы управления предприятием. В чем ее суть?**

— Мы ставили задачу повысить оперативность управления и устранить дублирование и неувязки в работе всех отделов и служб. Для этой цели образовали плано-производственное управление (ППУ), которое ответственно за все основные технико-экономические показатели. Централизация основных управленческих функций в этом звене позволила многим заводским службам — отделам главного механика, энергетика, технолога, металлурга, конструкторскому бюро — в значительной степени освободиться от производственной «текучки».

То есть если раньше управление производством и обеспечение этого управления смешивались в функциях многих различных служб, то теперь мы добились четкой специализации: одна служба (ППУ) управляет производством, дру-

гую эффективно руководить производством сегодня невозможно.

Но как заинтересовать рабочего в том, чтобы его знания всех, даже мельчайших деталей производства шли на пользу всему заводу? Надо добиться положения, при котором он, **во-первых, хотел бы участвовать в управлении, во-вторых, чтобы умел это делать, в-третьих, чтобы у него были реальные, узаконенные возможности для этого.**

Первая задача была решена переводом бригад на оплату труда за конечный результат: заинтересованность в нем автоматически заставляет рабочих контролировать весь процесс производства бригадокомплекта, включая его подготовительные этапы в других бригадах, поставляющих исходные заготовки и детали. Вторую задачу мы решаем с помощью курсов бригадиров и бригадирского резерва, здесь рабочие слушают лекции по экономике, планированию, организации производства, по политическим, социальным и другим вопросам. Третья задача решена образованием советов бригад, цеховых и заводского

уверены, начальник цеха приложит все усилия, чтобы в кратчайший срок исправить недостатки, иначе ему придется отчитываться перед заводским советом бригадиров в присутствии директора.

Приведу конкретные примеры участия рабочих в управлении производством. В один из цехов требовалось направить не менее сорока квалифицированных рабочих. Прежде решение этой проблемы отняло бы немало времени и усилий со стороны администрации — директора, отдела кадров, начальников цехов. Сейчас такого рода вопросы нередко решаются самими рабочими. Так было и в данном случае: я обратился в совет бригадиров объединения, просьбу немедленно довели до бригад и они оперативно выделили добровольцев для помощи отстающему цеху.

А вот более сложная ситуация. Организовывался новый цех; работников в него пришлось набрать, что называется, «с улицы». Получилось так, что цех — наш, а порядки в нем далеко еще не наши: бригадный метод там надо

производство турбины нового типа. При обсуждении проекта на техсовете завода бригады высказали критические замечания по нетехнологичности и большой трудоемкости изготовления отдельных узлов. Дело кончилось тем, что проект пришлось вернуть на доработку и исправление обнаруженных просчетов. Раньше все вскрытые рабочими недостатки обнаружались бы уже только в процессе производства нового изделия. Кстати, высококвалифицированные оценки, высказанные рабочими и заставляющие инженерно-технических работников вносить коррективы в технологические и прочие решения, имеют место и в других случаях. Бывает, например, что проработка месячных, годовых планов советами бригад оказывается более глубокой, нежели инженерно-техническими работниками, поскольку для бригад не существует мелочей при выполнении плановых заданий.

Как видите, участие рабочих в управлении производством охватывает самые различные его стороны.

Надо сказать, организация активно действующих советов бригад и советов

ВЕННЫЕ ЛЮДИ

гие обеспечивают ее всем необходимым.

Поскольку ППУ отвечает за показатели производства, оно может руководствоваться только общими интересами завода, и в его решениях отсутствуют элементы «ведомственного эгоизма», характерные для различных отделов при прежней системе управления заводом. Новое управление координирует и подчиняет их усилия общезаводским интересам.

Перестройка организации производства и планирования, всей системы управления — задача непростая, но решать ее необходимо. Иначе бригадный метод не даст должного эффекта. Однако мы знаем, что на некоторых заводах в связи с созданием бригад не произошло вообще никаких перемен, даже в планировании. В таких случаях рассчитывать на успех не приходится.

— **На предприятии, освоившем бригадный метод, в системе управления производством происходят серьезные изменения: принцип сочетания единоначалия и демократизма получает новое содержание.**

— Рабочий всегда играет важнейшую роль в управлении производством, поскольку именно он управляет конечными процессами создания продукции: обрабатывает материалы, собирает узлы в механизмы и так далее. Но если замыкать рабочего только на этом, так сказать, микроуровне управления, то не стоит ждать от него трудовой активности. Если мастер, начальник участка, начальник цеха ежедневно чуть ли не за ручки расставляют рабочих к станкам, если все вопросы снабжения, обеспечения, организации труда рассматриваются и решаются исключительно «вверх», то рабочие привыкают к пассивности, к безответственности. Есть работа — делают, нет — пусть болит голова у начальства. Когда рабочий человек никак не влияет на организацию труда, он вынужден плыть, как говорится, по воле волн. Нетерпимость этого положения ясна уже только потому, что современный квалифицированный рабочий располагает таким объемом информации о всех сторонах изготовления конкретной продукции, каким не располагает ни один управленец. А без такой информа-

ции эффективно руководить производством сегодня невозможно.

Совет бригады располагает полнотой власти в тех пределах, которые необходимы ему для организации производственного труда бригады. Он участвует в проработке плана бригады на месяц, год, пятилетку, вносит предложения по выполнению заданий, выдвигает условия, которые необходимы для этого. Все фиксируется в протоколе, в трудовом паспорте бригады, и после утверждения начальником цеха это уже документы, обязательные к исполнению всеми: бригадой, руководством цеха, службами и отделами завода. Контроль осуществляется также советом бригады. Совет проверяет, как обеспечен план техникой, документацией, инструментом, оснасткой, заготовками — всеми без исключения элементами производства.

Аналогичными правами располагают — на соответствующем уровне — цеховые советы бригадиров и совет бригадиров завода. Начальник цеха обязан присутствовать на всех заседаниях цехового совета бригадиров, своей подписью он придает решениям совета силу приказа. Точно так же должны присутствовать на заседаниях заводского совета бригадиров генеральный директор, главный инженер, начальники цехов, главные специалисты. Решение совета, утвержденное директором, также имеет силу приказа.

Таким образом, параллельно штатной, административной системе управления действует контролирующая и корректирующая ее система советов бригад и бригадиров. Если в первой системе случается срыв, вовремя не принимается решение или принимается, но не квалифицированное, это в конечном счете неизбежно обнаружится второй системой: от внимания рабочих, на которых замкнута деятельность практически всех заводских подразделений, не ускользнет ничто, будь то нехватка заготовок, некачественный инструмент или изъян в инженерно-технологической подготовке производства. Проблема немедленно выносится на совет бригады, а если этого недостаточно — на совет бригадиров цеха и, будучи

было внедрять как бы заново.

Возникла обычная для такого случая идея: послать сюда наиболее опытных рабочих из других цехов, чтобы они послужили своеобразной «закаской» в новом коллективе. Но, согласно стандарту предприятия, перевести людей без согласия бригад администрация не имеет права. Поэтому вынесли вопрос на совет бригадиров завода. Мы, конечно, были уверены, что бригады людей выделят: народ в совете грамотный, здесь все понимают, что интересы предприятия превыше всего. А на совете мнения разделились. К примеру, бригадир Алексей Круглов особой проблемы тут не видел: разве трудно, сказал он, среди сотен бригад найти молодых, технически подготовленных людей, способных организовать крепкие бригады в новом цехе?

Другой бригадир, Анатолий Петухов, возразил: «Интересно получается: я рашу себе смену, а отдавать должен куда-то. И, кроме того, не получится ли, что на новом месте наш человек «потеряется», не сможет «погоду сделать»?»

Точку в споре поставил молодой бригадир Валерий Волков. Знаете, что он предложил? Давайте, говорит, сделаем наоборот: не в новый цех направим людей, а возьмем их оттуда в свои бригады. Причем возьмем вместе с их производственными заданиями. И новичков обучим, и новому цеху с планом поможем.

Для администрации такое решение проблемы было, надо сказать, неожиданным. Мы ожидали разговоров вокруг вопроса, какой бригаде кого послать в новый цех, просьбу по части корректировки планов в связи с этим и так далее. Вышло же, как видите, совсем по-другому. Предложение Волкова было принято единогласно.

А на деле получилось, что были использованы оба предложения: обмен людьми осуществлялся в двустороннем порядке — и в новый цех посылали рабочих и оттуда брали. Решение о выполнении части производственного задания нового цеха силами бригад из других цехов было выполнено.

Вот так, общими усилиями, новый цех быстро «поставили на ноги».

Расскажу еще о том, как готовилось

бригадиров для большинства предприятий оказалась самой трудноразрешимой проблемой.

— **Видимо, это связано с трудностями перестройки системы управления: если не поднять на более высокий уровень работу заводских служб и отделов, то в общем-то нет смысла предоставлять рабочим более широкие права для участия в управлении производством. Но, наверное, есть и другие причины, чисто психологического порядка?**

— В свое время, когда мы начинали переходить на бригадный метод, то наибольшие трудности испытали, преодолевая инерцию мышления не рабочих, а работников служб управления. Причин тому несколько. Во-первых, работа по новому методу резко поднимает требования к инженерно-техническим работникам и вообще ко всем управленцам: теперь они должны трудиться и больше, и лучше. А контроль над ними к тому же теперь двойной — обычный, со стороны администрации, и рабочий, со стороны советов бригадиров. Две тысячи рабочих, объединенных в советы, систематически продумывают, анализируют, обсуждают ход производства, выявляют «узкие места», ищут резервы — и работа всех подразделений теперь видна как на ладони. Инженерно-технические работники и управленцы должны быть на высоте новых требований. Во-вторых, система материального поощрения ИТР, как известно, еще далека от совершенства, и это нам очень мешало и мешает: одним только жестким контролем и требовательностью многого не добьешься. В-третьих, сказались психологическая инерция. Если конкретнее — боязнь потерять часть своих руководящих прав, ложные опасения за свой авторитет, привычка решать проблемы в приказном порядке. Не сразу и не все руководители поняли, что при бригадном методе «теряют» они именно те права и обязанности, которые отвлекают их от решения главных задач, заставляя их дробить усилия, тонуть в «текучке».

Например, мастер при бригадной системе, кроме исполнения обычных своих обязанностей, выполняет и более сложные, разрабатывает перспективные

планы производства, совместно с инженерами и технологами внедряет прогрессивные методы труда, контролирует состояние микроклимата в коллективе.

Спрашивается: больше теперь прав у мастера или меньше? Конечно, больше. Освобождение же его от многочисленных мелких забот, в том числе и бумажных, существенно повысило норму управляемости, проще говоря, мастер теперь руководит большим количеством рабочих, чем прежде.

Та же самая картина наблюдается практически на всех уровнях лестницы управления, вплоть до генерального директора. Невероятно вроде бы, но факт: передав часть своих управленческих функций «вниз», каждый из руководителей, от мастера до генерального директора, в итоге увеличил свои права. Парадоксально это только на первый взгляд, поскольку за всем этим стоит старая и простая истина: каждый работник в пределах своей ответственности должен обладать полной свободой действий.

Но не сверх того. Мы знаем примеры, как на некоторых предприятиях права советов бригадиров были чрезмерно расширены, и это немедленно внесло перекосы в систему управления производством: «ведомственные» интересы участков и цехов стали довлеть над общезаводскими. Недопустимость такого положения очевидна. Именно поэтому мы всегда подчеркиваем, что принцип единоначалия при бригадном методе ни в малейшей степени не отменяется, а лишь получает новое содержание.

Должен сказать, что резервы, вскрытые за счет создания бригад, используются уже почти полностью. Но заслуга в этом принадлежит в основном рабочим, роль инженерно-технических работников была минимальной. Теперь «эстафета» поисков резервов должна перейти к инженерам и техникам. Вот почему мы начали переводить их тоже на бригадную форму труда. Первые результаты обнадеживают — судя по всему, мы на правильном пути.

Без данных социологических исследований современным производством управлять крайне сложно. Такие данные должны быть столь же привычным рабочим «инструментом» руководителя, как, скажем, телефон или деловое совещание.

В объединении есть своя социально-психологическая служба, которая непрерывно ведет исследовательскую работу.

Получены, в частности, данные, свидетельствующие о высокой оценке рабочими бригадного метода: коэффициент удовлетворенности трудом резко повысился после перехода предприятия на этот метод. Выше сегодня и уровень межличностных трудовых отношений: между рабочими теперь во много раз меньше конфликтов и споров по производственным делам или, скажем, по вопросам распределения премий, подведения итогов соревнования.

Данные социологических исследований используются нами и для контроля за кадрами бригадиров: если выясняется, что бригада недовольна теми или иными качествами, решениями своего руководителя, мы стремимся предотвратить возможный конфликт, помогаем бригадиру скорректировать стиль работы.

Большой интерес представляют для нас данные, характеризующие отношения между членами бригад, между бригадой и бригадиром, между бригадой и администрацией цеха. Понятно, что отношения между рабочими должны быть несколько теснее, чем между бригадой и администрацией цеха. Исследования показывают, что так оно и есть на самом деле. Но вот какие различия здесь укладываются в рамки нормы, а какие выходят за эти рамки? Мы пока определяем это по старинке, методом проб и ошибок. А хотели бы и в этих случаях управлять ситуацией в не меньшей степени, чем при каких-то назревающих трениях между бригадиром и бригадой. То есть мы хотим, чтобы социологиче-

ская служба заблаговременно выявила потенциальные конфликты между работниками.

Кроме того, хотелось бы, чтобы социально-психологическая служба не только поставляла исчерпывающие данные, раскрывающие всю картину отношений в коллективе, но и вырабатывала научно обоснованные методы необходимой коррекции этих отношений, заблаговременного предотвращения возможных и оптимального разрешения уже случившихся конфликтов, недоразумений.

— Для чего на заводе образовано бюро бригадных форм организации труда? Его функции, назначение?

— Необходимость в специальном инженерном подразделении, которое взяло бы на себя повседневную заботу о развитии бригадной системы, мы почувствовали очень скоро. Возникали сотни мелких и крупных проблем, которые требовали оперативного разрешения. Бюро — это своеобразный диспетчерский штаб советов бригад. По мере накопления опыта работы оно перешло к решению задач перспективного порядка. Сейчас, например, бюро занимается отлаживанием внутрицеховых и межцеховых технологических связей.

На наш взгляд, существование такого подразделения на предприятии, работающем по бригадному методу, совершенно необходимо уже только потому, что советы бригадиров, организации общественные, должны все же иметь в штатном расписании завода «свою» службу, и причем обязательно подчиненную непосредственно директору. Это придает участию рабочих в управлении логическую завершенность, это тот последний штрих в системе бригадных форм труда, без которого она неполноценна.

— Ощущаете ли вы необходимость разработки глубокой научной теории, которая обобщила бы в экономическом, социальном, юридическом плане опыт развития бригадного метода?

— Если говорить о нашем объединении, то на сегодня мы располагаем достаточной суммой знаний о закономерностях, о перспективах развития бригадного метода, поскольку исторический материализм, марксистско-ленинская политэкономика, социология, генеральные установки партии дают нам все необходимое для обобщения нашего опыта на достаточно высоком практическом уровне. Но опыт развития бригадного метода не исчерпывается примером Калужского турбинного завода. В стране — десятки тысяч предприятий. На одних работают многие тысячи людей, на других — гораздо меньше, одни выпускают единичную продукцию, другие — крупносерийную, на одних коллектив преимущественно мужской, на других — женский... Видимо, нужна теория, в которой четко были бы разработаны категории общего и частного в этом методе. Должны быть выделены и классифицированы как его общие, универсальные, то есть обязательные для всех, элементы, так и специфические особенности. Тогда директор, коллектив любого предприятия будут точнее знать, что именно необходимо предпринимать, переходя на бригадный метод — как в общем плане, так и исходя из условий данного предприятия: его размеров, типа продукции, характеристик производства, кадрового состава...

Нет-нет да и приходится слышать: бригадная форма труда, мол, временная кампания, и в будущем придется вернуться к «индивидуалке», якобы дающей наибольшую интенсификацию труда. На мой взгляд, это — глубокое заблуждение, вызванное грузом старых привычек. Мы этот этап — этап сомнений — преодолели. Нынешнее поколение молодых рабочих — да и молодых инженеров — выросло у нас в условиях бригадного подряда. Иных методов организации труда они уже не приемлют. Им, молодым, предстоит развивать и совершенствовать «калужский вариант».

Беседу вел Эдуард САМОИЛОВ.

К 40-летию Великой Победы

Юрий ЧИЧЕВ

Небольшая поэма Юрия Чичева «Уроки» вскрывает два пласта одного времени — через сознание мальчишки, узнавшего о гибели на фронте отца, и через осознание военнопленным Гансом страданий, которые принесли фашистские захватчики мирному народу России. Осколок, переданный другом отца («Вложил его Ванюшке в горсть, и горсть горячей стала»), вызывает чувство мести, и потому в Ганса, возвращающегося в Германию, летит камень.

Камень волей поэта становится для мальчишки символом боли военного времени, а для Ганса тот же камень превращается в символ зла, им принесенного, о чем он и напоминает своим детям и внукам. Есть в этой поэме и третье действующее лицо — Память. Она — движитель новой нравственности, обращенная лицом к прошлому. По языку, по настрою, по ритмическому рисунку «Уроки», на мой взгляд, переключаются с поэмами Егора Исаева.

Анатолий ПАРПАРА

ПОЭМА

На запасных путях — банкет,
обед прощальный то бишь.
В домах у вдов такого нет —
колдуи, не приговоришь.
Ножи над белым кочаном,
как бабочки, порхают.
Мальчишка с русым хохолком
за Гансом наблюдает.
Журчит, мурлыкает в ладонь
гармоника губная.
А Ганс кухонный огонь
камин напоминает.
Как в фатерланде он давно
поленя жег в камине,
и пил он рейнское вино,
и водку пил на тмине...
Потом повесил автомат
на жиллисту шею.
Потом притопал в Сталинград
и вмерз с тряпьем в траншею.
Потом он брел через Москву,
глаза в брусчатку пряча...
Потом, грызя свою тоску,
задумываться начал...
И вот пришел тот самый час,
еще чуть-чуть осталось,
когда колеса застучат:
«Нах хауз, Ганс, нах хауз...»
И Ганс, за много лет впервой
почует вкус надежды,
трясет в такт песне головой,
к борщу капусту режет.
Стоят вдоль насыпи столы,
гудит веселья хаос.
Кипят походные котлы:
«Нах хауз, Ганс, нах хауз!..»
И сердцу хочется добра.
И, увидав мальчишку,
Ганс извлекает из ведра
большую кочерыжку.
Встряхнув в ладони сладкий груз
и дернув челкой рыжей,
он крикнул: «Битте! Кушаль, рус!» —
и бросил кочерыжку...

Ванюшка вырос без отца...

Январь сорок второго.

Роддом.

— Веселого мальчика

бог дал тебе, Петрова!

Сказала няня, принеся

басистого младенца.

— Не плачь. Ведь жизнь еще не вся.

— Куда ж мне с ними деться?

Ведь он седьмой!

А мой-то, мой

ушел сам, добровольно...

— Ты, мил-подруга, тут не вой,

и так кричат довольно.

Всех бабьих слез не оботрешь...
А парня как же назовешь?
Малец-то без изъяна!
— Пусть в честь отца — Иваном...

Он вырос в бедности войны
и голода знал страхи.
С блатьев донашивал штаны,
донашивал рубахи...

Случалось, и не раз, хлебать
такую затируху,
что нынче даже вслух назвать —
не то, чтоб съесть, — нет духу.

Едва сумел сойти с крыльца
ступенькою крутою,
а знал уже, что без отца
растет он сиротою.

Иван однажды мать спросил:
— А где отец наш, мама?
— Погиб...

— Неправда!
— Правда, сын...
Не верил. Ждал упрямо.
Встречать ходил все поезда,
веря, стоя у откоса.

Стучало сердце: «Да, да, да...»
«Нет, нет...» — в ответ колеса...
А если окликал: «Сынок!» —
его солдат проезжий,
к нему кидался со всех ног
с отчаянной надеждой.

И снова мчались поезда,
и снова у откоса
стучало сердце: «Да-да-да...»
И нет-нет-нет — колеса...

И получил на свой вопрос
Иван ответ суровый.
Друг бабкин фронтовой привез
известие Петровым.

Все рассказал он про отца,
табак на кухне тратя,
как был до самого конца
с Петровым в медсанбате,
как тот стонал:

«Не выжить мне!..»
И прошептал, слабая:
— С-под сердца вот, свежи семье...
Дают наказ тебе я...

И вынул из тряпицы гость
кривой кусок металла.
Вложил его Ванюшке в горсть,
и горсть горячей стала...

Он рос. И мысль росла одна,
и в ней он укреплялся:
все беды принесла война,
фашисты, фрицы-гансы...

А «гансы» возводили цех,
ходили без конвоя,

УРОКИ

И без войны киноэкран впервые снился тоже...

Живет в одном из городов семейством дружным очень Иван Иванович Петров, потомственный рабочий. Сам пятый — не мала семья по нынешним-то меркам. И в том семействе есть своя для памяти поправка. Когда весна приблизит ход к победному салюту, когда вдова слезу прольет в молчания минуту, выносят внуки на балкон портрет Ивана-деда, чтоб видел он, чтоб слышал он, как вновь трубят Победа! И в День Победы каждый год из недр сервантных полок, всегда волнуясь, достает Иван стальной осколок. И вновь горит его ладонь. Несет, как эстафету, сын вечной памяти огонь к отцовскому портрету. И рюмку, полную вина, перед портретом ставит... Все это память. И она душой Ивана правит.

Мы все поранены войной. Боль-память здесь, у сердца. Нас излечить от боли той нет у науки средства. Но мы не раненый народ. Неодолимы духом! — запомнить надо наперед всем ядерным стряпухам. Я не забуду ничего, до смерти помню буду тоску сиротства своего. И Ганса не забуду. Случился бы реальный шанс, мечту свою исполнил и камень бросил бы сейчас в того, кто бредит бомбой. Эх, вот бы взяли пацаны всего земного шара по камню... Знаю, что смешны мечты, но не мешало б... Война — трагедия для нас. Но предстоит извлечь нам ее из памяти не раз, а память наша вечна. Она не камень, а родник, как взгляд дитя, прозрачный. И кто к нему хоть раз приник — тот человек незряшный. Она не камень, а набат, извечная тревога, с которой женщины глядят солдатам вслед с порога. Она не камень, а звезда, что с сердцем по соседству, она горит во мне всегда, мое второе сердце. Она не камень, а броня, и мужества кристаллы в ней пламя вечного огня с людской слезой спаяло. И повторить могу опять, хоть повторялось часто: нам есть что в жизни защищать и есть чем защищаться!

Стоит на Рейне крепкий дом. Его построил Йоган. Семья живет, конечно, в нем в немецком нраве строгом. Среди хрусталя хранят в дому простой булыжный камень. Не разрешают никому тот камень брать руками. И только старый Ганс порой к виску его приложит и слышит бомб протяжный вой, и дрожь бежит по коже. И видит детские глаза, прислушиваясь к звукам...

Он этот камень приказал и детям чтить, и внукам...

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

и долетал их резкий смех до нашего героя. И с перетянутой струной растущей втайне мести бывал он как глухонемой и цепенел на месте. На первый ряд сажился он в кинотеатре душном, сжимая в кулачке патрон — любимую игрушку. И если погибал герой военного сюжета, рождался у Ивана свой сюжет в ответ на это. И в нем, конечно, был он сам отчаянным героем, и пулемет его чесал фашистов строй за строем... А после пленных видел строй, совсем не страшных «гансов», сжимал патрон в кармане свой и сам в комок сжимался. Шагал в колонне пленных Ганс, худющий — глянуть тошно... И мать Ивана как-то раз дала ему картошки. И бабы с русской простотой, презрев войны разлуки, совали что-то им порой

в протянутые руки. И в детской раненой душе мешалось все, болело. Не знал он, как свершит уже обдуманное дело. И сон, один и тот же сон преследовал Ивана: Ганс, до зубов вооружен, палит в него с экрана. И защищаясь от свинца единственным патроном, он звал, безгласно звал отца, будил полдома стоном.

И наступил тот самый час. Гудит веселья хаос. Колеса скоро застучат: «Нах хауз, Ганс, нах хауз!!!» И вот в приливе добрых чувств увидел он мальчишку и крикнул: «Битте! Кушаль, рус!» — И бросил кочерыжку... Упал у грязных ног босых презент граненый Ганса. Иван нагнулся. Мир затих, когда он поднимался. И Ганса детский взгляд ожег. Он растерялся, замер.

Мелькнуло что-то. И в висок его ударил камень. Иван не бросился в бега. Поддал капустный откуп босой ногой и зашагал отцовскою походкой. А Ганс прижал ладонь к виску, и боль стучала тонко. И вдруг он ощутил тоску, припомнил взгляд ребенка. И вдруг он ощутил вину, пришедшую мгновенно, и стыд, молчавший всю войну, и совесть, что нетленна, пока не умер Человек в тебе, каким бы страхам режим фашистский ни подверг тебя за хлеб и сахар... Тянул на запад паровоз, тревожа ночь гудками. Домой, на Рейн, он Ганса вез, а Ганс домой вез камень. Тот самый камень, что с виска содрал до крови кожу. Тот самый камень, что слегка царапнул душу тоже. Впервые крепко спал Иван, мать стоном не тревожа.

Мы встречаем 40-летие Великой Победы. В эти дни советская молодежь с особой силой понимает: быть готовым к защите Родины — долг, дело совести и чести каждого. Этому учат нас отцы. Этому учит героическая история нашей страны.

мире звездным мушкетером и дважды Героем Советского Союза.

Сколько прославленных полководцев последней войны начинали боевой путь и возмужали в седлах, прекрасно владея клинком! 24 июня 1945 года из ворот Спасской башни Кремля вылетел всадник на белом коне. Сводный оркестр грянул «Славься!». Навстречу ему мимо замерших колонн фронтов, построенных в том порядке, как они стояли грудью к врагу от Белого до Черного моря, скачет всадник на вороном коне. По уверенной посадке знаток сразу бы признал в них бывалых кавалеристов и лихих рубак. На белом коне маршал Жуков, на вороном — маршал Рокоссовский, оба в прошлом кавалеристы, оба георгиевские кавалеры и драгуны, а драгуны — это посаженная на коней пехота. Оба маршала перепоясаны золотым именным оружием. Рокоссовский, как рапортующий, держит шашку обнаженной. Всадники сближаются. Наступает тишина, за которую легли миллионы. Звучат слова рапорта командующего парадом.

А нам с первых лет создания в Сибири мушкетерского клуба «Виктория» не давал покоя другой клинок — мы мечтали о шашке Жукова, полководца, возглавившего оборону Москвы и взявшего Берлин,

ПОМНИТЬ.

Традиции воинской

Карем РАШ

Русски храбрые солдаты, в свете первые бойцы». Эта строка принадлежит мушкетеру Преображенского полка, великому русскому поэту Гавриилу Державину, десять лет, до офицерского чина, прослужившему рядовым солдатом и одинаково хорошо владевшему как пером, так и штыком и шашкой. Нет на свете вида спорта более армейского, чем поединки на холодном оружии, ибо в мирное время только фехтовальщики по традиции вызываются «на поле боя», как официально именуется фехтовальная дорожка.

О чем эти записки, может спросить иной читатель. Если о спорте, то и пишите о спорте. Таково требование специализированного мышления, для которого совокупный взгляд на вещи утерян, а потому соединить однажды расфасованные по отраслям, жанрам и ведомствам знания представляется процессом почти мучительным. Мы напрасно думаем, что межведомственная проблема имеет место только для государственных дел, а не для личности. Здесь, как и всюду, мерилем всех вещей является человек, и мерилом неделимым.

Пусть эта статья будет как некая сумма, к которой так уместно прибегают раньше в научных трудах, излагая в конце то, что начиналось со слова: «Итак...» Мы забываем предостережение Аристотеля, которому еще была дана мудрость целого, совокупный взгляд (теперь говорят «комплексный»): «В гимнастике не должно преобладать животное, но прекрасное». Прекрасное понималось как благо, добро. Тот, кто воспитывал мальчиков, развивая в них не одну функцию, не один специальный навык, а формировал личность, как это, кстати, делает и каждый разумный родитель, тот знает, что «воспитание выше образования», как повторял великий русский военный педагог генерал М. И. Драгомиров. Он знал, что без нравственности все знания — балласт, который не даст того, что творит истинного защитника отечества, что рождает воодушевление. Как это достигается? А вот как. Приведем еще раз полюбившиеся Рылеву строки, пусть они звучат как рефрен в этих записках, как припев к песне. Они не способны надоесть.

«Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых

впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с годами, приготавливая храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета».

Эти строки мог написать только поэт. И далее, вы увидите, поэты будут с вами неразлучны.

Так о чем же эти записки? Об оружии, о памяти, о поэзии или отваге? Обо всем сразу, а значит, о чести смолodu. А еще точнее, они о том, как «сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти». Юный Киреевский однажды провозгласил девиз, которому не изменил до смерти, девиз, ставший каноническим пушкинского круга, оставленный им как завет. «Мы чистоту жизни, — сказал он, — возвысим над чистотой слога». У нас в фехтовании тоже свой слог. Мы даже периоды боя именуем «фразами». Так что поединки на холодном оружии тоже «изящная словесность», только на лезвии клинков.

Фехтовальщиков нередко в газетных отчетах называют мушкетерами, имея в виду героев Дюма, ставших примером отваги, веселья и крепкой мужской дружбы. Однако историческая справедливость требует, чтобы мы произносили «мушкетеры», вкладывая в это слово более высокий смысл. Мушкетерами в пору Румянцева и Суворова, в пору расцвета русского оружия вплоть до нашествия Наполеона называли русскую линейную пехоту, самый «секретный» и неотразимый род русских войск до сегодняшнего дня. Петр Великий первым в мире сделал штыковой удар решающим фактором победы. Он хорошо знал своих солдат, набранных из коренных русских областей. Суворов укрепил за штыком славу особого русского оружия. Ушаков перенес его даже во флот, когда его моряки штурмовали крепости, и он же создал, по существу, лучшую в мире морскую пехоту — «морских мушкетеров».

После революции военный Всеобуч спас фехтование от исчезновения в нашей стране, когда горячие головы требовали запретить этот «дворянский» вид спорта. В войне с фашизмом штык сослужил еще раз службу Родине. Когда у Ельни на смоленской земле эсэсовцы пошли в самую крупную психическую атаку во второй мировой войне при поддержке танков и горизонт был черен от их мундиров, их приняли в штыки сибирские полки и опрокинули. Задолго до войны к четырем видам фехтования прибавился пятый — бой на штыках. Мы были единственной в мире страной, которая культивировала этот вид спорта — он стал как бы национальным. Последний раз первенство СССР «по штыку» проводили в 1958 году. Не так уж и давно. Так недавно, что космонавт Елисеев успел-таки стать мастером спорта по штыку перед тем, как улететь в космос и стать первым в

ЮНАЯ СМЕНА. ЭТО ЕЙ ЗАВЕЩАЮТ СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ И СОЛДАТСКОЕ МУЖЕСТВО.

Фото Сергея ВЕТРОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

тем более, что он наш, он кавалерист, он фехтовальщик, да еще бывший командир казачьей дивизии, той, что была ядром Первой Конной армии. Золотая именная сабля маршала Жукова должна, мне кажется, разыгрываться армейскими мастерами клинка как переходящий и самый почетный приз в мире на турнире Победы, учредить который — долг армейских сабельных бойцов. Не будет нам покоя, решили мы однажды в Сибири, пока не будет шашка Жукова снова в деле. Заслужили ли армейские фехтовальщики такой турнир? Вот в обоснование какой идеи и взялся автор за перо.

Армейские фехтовальщики задают тон еще с довоенных лет, когда полковник В. Вышпольский, уроженец Сибири, начал свой легендарный путь, закончившийся титулом двадцатикратного чемпиона Советского Союза на всех видах оружия и на штыке, разумеется, тоже. И даже ранее, когда после гражданской войны бывшие наставники офицерских училищ распахнули двери спортивных залов и в секции фехтования хлынула с энтузиазмом рабочая молодежь. В 1951 году на последнем году службы в армии Яков Рыльский из Усть-Каменогорска, начав с побед на штыке, стал потом трижды чемпионом мира по сабле. Потом первую олимпийскую медаль по фехто-

ванию завоеует в Мельбурне армеец Лев Кузнецов. Та «бронза» веселее любого «золота». Через четыре года другой армеец, Виктор Жданович, добудет «золото» чистейшей пробы. Вслед за тем команда рапиристов-армейцев в составе В. Ждановича, Ю. Сикина, М. Мидлера и Г. Свешникова на десять лет отняла у всех команд мира шансы на «золото».

После великолепной «бронзы» Л. Кузнецова в Австралии взойшла звезда нашей сабли, и с тех пор она уже не меркла. Но даже виртуозам рапиры не удалось сделать того, что совершили на Олимпийских играх в Канаде наши саблисты. В 1976 году в Монреале перед ошеломленными зрителями на первую ступеньку олимпийского пьедестала радостно запрыгнул младший лейтенант Виктор Кровопусков. Ступенькой ниже взлетел одним прыжком капитан Владимир Назлымов, на третью ступеньку в своей львиной и спокойной манере встал недавний властитель мировой дорожки майор Виктор Сидяк из Белорусского военного округа. Там же, в Монреале, наша сабельная команда выиграла командное «золото».

Для армейца сабля обладает особым обаянием. Это яростный, динамичный и боевой вид фехтования. Бой на саблях — наиболее «мужское» единоборство в фехтовании, где диалог клинков кончается нередко

ЛЮБИТЬ. ПОДДРАЖАТЬ.

славы: как их наследовать?

весьма чувствительным ударом. Русская армия имеет такую традицию сабельного боя, что уступить этот вид оружия мы просто не могли. Как говорил еще генерал-лейтенант Денис Давыдов, лихой саблист: «Я не поэт, я — партизан, казак... военной песни запеваю». Золотым оружием с надписью «За храбрость» награждались и Денис Давыдов, и Павел Катенин, и Петр Вяземский, и Михаил Лермонтов, не говоря уже о «золотой шпаге с алмазами и лавровым венке» шефа Рязанского мушкетерского полка Михаила Илларионовича Кутузова.

Но вернемся к Монреалу. После выступлений в Канаде майор В. Назлымов в 31 год решил уйти из большого спорта и перейти, пожалуй, в еще больший спорт: его назначили главным тренером по фехтованию Вооруженных Сил СССР. Почему руководство сочло возможным возложить на плечи молодого офицера столь ответственные обязанности? Ведь уровень армейского фехтования влияет прямо на фехтование во всей стране. В составе сборной СССР всегда больше половины армейцев и, прямо скажем, лучшей половины. На Московской Олимпиаде мало того, что из 18 фехтовальщиков десять были «мушкетеры»-армейцы, но только они и добыли «золото» нашей команде. Офицеры не просто ядро сборной, офицеры — ее золотая надежда.

С 1956 года ЦСКА участвует в Кубке европейских чемпионов. Сабельная команда ЦСКА за 25 лет уступила «золото» только четырежды и только венграм. В 1979 году перед Олимпийскими играми в Москве Назлымов вернулся из Мельбурна чемпионом мира в личном зачете. Это уже одиннадцатый раз он вернулся чемпионом мира. Впереди была последняя его Олимпиада — Московская. На олимпийском пьедестале в Москве повторилась сцена Монреаля. Сабельный олимпийский пьедестал вновь заняли советские офицеры. Команда завоевала еще одно «золото». Это было для Назлымова третье олимпийское «золото». «В свете первые бойцы» еще раз показали, что единоборство не гимнастика, где даже девочка может поразить виртуозной заготовкой. В бою нужна львиная хватка, а не юношеская прыть, потому чрезмерное омоложение фехтования сегодня — это его закат завтра. Московская Олимпиада подвела итоги. На рапире первенствовал лейтенант из Киева Владимир Смирнов.

Не так давно в Риме трагически оборвалась жизнь лейтенанта Смирнова. Он получил смертельную травму в финальном бою. Смирнов ушел из жизни непобежденным олимпийцем. Он погиб, но погиб в честном бою, как подобает советскому офицеру. Безусловно, задача Всемирной федерации фехтова-

ния найти такие способы защиты спортсменов, которые навсегда исключили бы трагические случаи на дорожке. В наше время это осуществимо. Но жизнь олимпийского чемпиона лейтенанта Смирнова, сына потомственных рабочих, будет примером верности воинской чести.

На чем же зиждется армейское фехтование, а стало быть, и русская школа поединка, что является формообразующим началом их действий, из чего рождается победа в их бою? Кто видел все ставшее на своем пути атаки волжанина Свешникова, выпад лейтенанта Смирнова или рожденный в запрещенных возможностях порыв Назлымова, тот скажет: рождается этот порыв из прямодушия, и имя ему отвага. Невольно вспомнишь современника Пушкина, знаменитого песенного поэта, автора «Среди долины ровныя» Мерзлякова, который писал, что «божество, одушевляющее великих писателей, когда они сочиняют, подобно тому, которое воспламеняет воина в жару сражения. В войнах—сей бог есть смелость, отвага, воспламеняемая самими ужасами предостоящей опасности».

Не одна ли природа у истинных поэтов и у истинных бойцов, не есть ли вдохновение поэта отвага души? Спросите самих фехтовальщиков, они будут смущены, и, чтобы скрыть в себе самое доброе, будут нарочито грубы и даже циничны. Но не верьте им. Каждый в душе помнит, что его привело в детстве на боевую дорожку. Помогаем ли мы им раскрыться, быть самими собой, наводим ли мосты с прошлым, напоминаем ли им об их генетическом родстве с сынами Полтавы, Бородина, Сталинграда, Куликова поля? Нет. Мы не проводим ни одного турнира в стране, посвященного великим победам отечественного оружия. Мы не разыгрываем ни саблю Пожарского, ни шашку Платова, ни саблю Жукова. Мы проводим безликий и анемичный турнир «Московская сабля». В этом не больше смысла, как если бы проводили «Московскую скрипку» или «ракетку». К тому же есть «Киевская рапира» и т. д. Почему Сидяку довелось привезти из Варшавы рыцарскую саблю Володыевского, но никогда ни ему, ни его друзьям не удалось стать обладателями отечественного оружия? Потом мы удивляемся, почему молодежь с такой легкостью обвешивается мецанскими регалиями Запада. А зарабатываем ли мы иммунитет против этого не на словах, а на деле? Чествуем ли мы своих героев?

Почему бы великую «Московскую саблю» не переименовать в «Саблю Платова»? Судите сами. Слава Платова всевропейская. Именем Матвея Платова называли когда-то в Англии новорожденных мальчишек, там же спустили на воду корабли его имени, чеканили медали. На Западе известно свыше восьмидесяти гравированных портретов Платова. Портрет его дочери в русском народном наряде раскупался по всей Европе прямо-таки с энтузиазмом. Портрет отражал широко известные в те годы события и реакцию атамана на пожар белокаменной столицы. Революция, он не вынес зрелища пылающей Москвы, зарыдал и крикнул, обернувшись к казакам: «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку, живого или мертвого, за того выдам дочь свою!» И охота на Наполеона началась.

Оксфордский университет преподнес атаману донцов докторский диплом, город Лондон — золотую саблю, украшенную гербами Великобритании и Ирландии и вензелем самого атамана. Принц-регент велел повесить в королевском дворце портрет Платова и подарил атаману свой портрет, усыпанный драгоценными камнями, «в знак почтения, уважения и удивления к бессмертному подвигам, подвигам для пользы отечества своего и для спасения Европы». Дамы высшего света посещали его и украшали свои медальоны его изображениями. Надо же было так потрясти гордый Альбион, чтобы ему нельзя было и шагу сделать незамеченным.

Казаки Платова в битве за Москву выиграли ряд самостоятельных крупных сражений. После того, как они превзошли грозную кавалерию Мюрата, а под Вязмой вырубали даже тяжелых кирасир, военные специалисты, склонявшиеся к тому, чтобы считать лучшей в мире кавалерией венгерскую, стали решительно отдавать предпочтение казакам, а ведь казаки — конница иррегулярная, это, по сути, отборное народное ополчение. О Платове заговорила вся Европа, когда он с донцами в 1813 году выиграл битву при Альтенбурге, смело отбил Веймар, на который посягал лично Наполеон, дрался под Лейпцигом. В том же году атаман хитроумным военным планом принудил к сдаче в плен четыре тысячи французов. Вы слышите, в тринадцатом году звучат одни немецкие названия. Эти битвы так и именуются в истории: «Война за освобождение Германии». Так что в 1945-м мы не первый раз освобождали Германию и Европу. Остатки разбитой армии Наполеона разнесли по всей Европе весть о невиданно грозных сабельных атаках русских казаков «Вихорь атамана Платова». Слово «казак» до конца первой мировой войны было в Европе синонимом русского воина. Даже в Москве на недавнем международном турнире «Московская сабля» итальянец, получивший слишком чувствительный

удар, с гримасой потирая ушибленное место, ругал своего соперника «казак»!

Быть ли «Сабле Платова» в Москве?

Строго говоря, мушкетерами можно назвать только армейцев. Ведь даже герои Дюма были кадровые военные. Однако хороших офицеров следует растить с детства. Потому ЦСКА решил, что иметь лучший в мире отряд мушкетеров без мальчишек, которые будут учиться у них мужеству, по меньшей мере неразумно. Ветеран обладает капиталом, который намного дороже его олимпийского «золота», капитал вне всякой цены — это его опыт. Лучший в мире клуб (а армейцы не одно десятилетие доказывают это в бою) должен располагать первоклассной школой, решило руководство ЦСКА, и майор Назлымов, «сражающийся тренер», успел между двумя олимпиадами открыть при ЦСКА специализированную юношескую школу олимпийского резерва в 1978 году. Рота юных мушкетеров в триста клинков заявила уже о себе, выиграв общесоюзный турнир школьников. Есть у кого учиться юнармейцам. Каждое утро неукоснительно, как часы, в зале с оружием и в нагруднике появляется патриарх советского фехтования, самый военный из всех армейских мушкетеров Виталий Андреевич Аркадьев. В 83 года он дает каждый день свои четыре гроссмейстерских урока. По учебникам Аркадьева много десятилетий учатся все фехтовальщики страны. Он издал десять книг, сотню статей. Аркадьев — редчайшее соединение практика и теоретика. В начале шестидесяти годов, в пору расцвета и взлета советских мушкетеров, шестидесятилетний Аркадьев давал в день десять уроков на всех видах оружия членам сборной СССР. Он вырастил более тридцати чемпионов мира, этот учитель учителей.

Когда грянула война, кафедра фехтования при Центральном институте физкультуры, как это было с мирными заводами, переходившими с ходу на выпуск оружия, стала именоваться «кафедрой рукопашного боя», заведовать ею стал В. Аркадьев. Через ее инструкторов сотни тысяч советских пехотинцев, разведчиков и десантников, этих воздушных мушкетеров, овладели навыками «русского боя».

Назлымов с таким пониманием и теплотой говорит об Аркадьеве, смело называя его «лучшим в мире учителем фехтования нашего столетия», что можно не сомневаться: армейское фехтование в надежных руках. И в самом деле, как у лучшего в мире фехтовального клуба может не быть такого же ранга учителя? Ученые пришли к единодушному мнению, что на заре истории выжили только те группы первобытных людей, которые не убивали своих стариков, а берегли их. Старики аккумулировали память. Короткая память уводит со столбовой дороги, беспомощность сродни беспутству — без пути. Ни о чем не мечтают наши идеологические враги так жадно, как о том, чтобы укоротить нашу историческую память. Память — это корни. Чем сильнее корни, тем крепче дерево и пышнее крона. Память — это оборонный фактор, фактор несокрушимости. Раз в ЦСКА появились дети, то это ставит перед руководством школы новые задачи, которые еще не были у них на очереди дня. Воспитанники ЦСКА должны впитать в себя традиции отечественного оружия, традиции штыка и сабли, славных битв со времен былинных богатырей, которые тоже были кадровыми военными, а стало быть, армейцами; а стало быть, «мушкетерами» и офицерами. Майор В. Назлымов в этом вопросе проявляет надежную дальновидность.

На Руси никогда не относились к военному делу, как к кампании, потому-то русская армия и флот не признают капитуляции, они не «играют в войну»! Война — это ратный труд, но чтобы русский человек взялся за оружие, ему мало уязвленного самолюбия, ему необходимы обстоятельства, требующие воодушевления, а таким обстоятельствам больше подобает меч. Потому-то армия, возлюбившая штыковой удар, не признает половинчатости, двоемыслия, инсказаний, ибо штык — высшая формула прямодушия. В этой связи и при таких народных традициях название «мушкетеры», если употреблять его только в связи с Дюма и похождениями его героев, несколько легко и звучит на нашей суровой северной почве экзотично. Мы отдаем дань уважения родине спортивного фехтования, охотно признавая за французским языком права международного языка фехтовальщиков. Это вступление было необходимо, так как речь о фехтовании в Советской Армии, а подобная тема требует строгости в употреблении слов и серьезности из уважения к традиции отечественного оружия и памяти «в свете первых бойцов», ибо не зря говорят, что забвение ничего не стоит. Сражается и созидает только память.

Может ли сильнейший в мире клуб, офицеры которого дают на олимпиадах все «золото» команде, располагать заурядной детской школой? И Назлымов и наставники школы решительно за то, чтобы воспитывать на благородных традициях отечественного оружия и спорта. Коли даже многократный чемпион мира до седых волос с особой теплотой вспоминает первые в жизни соревнования, почему бы им не быть

самыми торжественными и красочными? То, что подшивается протокольным отчетом в виде проведенных «классификационных соревнований» или рутинных открытых дорожек, с пустыми и унылыми залами, должно быть, с учетом детской аудитории, турнирами в честь Бородина, Куликова поля, Победы (9 Мая). И это верно не только для фехтования, а для всех видов единоборства.

Подобные турниры должны бы иметь свои ритуалы, парады, музыку, высокий празднично воинский настрой. «Музыка утраивает армию», — говорил Суворов. За последние годы упало уважение к костюму, манерам, этике, а развязность так даже стала в среде молодежи неким шиком. Мы смотрим на соревнованиях на это со взрослой снисходительностью, за которой, по существу, скрыта наша беспомощность. Дети это чувствуют, а этим детям завтра служить в армии. Где же мы еще привьем им вкус к достойной и добровольной дисциплине, к осанке и воинской чести? Без дисциплины не бывает благородства и нет воина. Дисциплина — это порядок, а только порядок рождает свободу и инициативу: из анархии не рождается свобода. Спорт позволяет привить юноше такой строй чувств и мыслей, когда дисциплина становится возвышенной потребностью, как любовь к совершенству. Где мы найдем лучшее для этого место, чем спортивная школа, программа которой, помимо непреходящих побед, наполнена духом любви к традициям отечественного, советского оружия, памятью о героях рукопашного боя. Почему бы группе не называться отрядом и почему бы этому отряду не иметь вместо порядкового номера, ничего не говорящего сердцу мальчика, красивое и гордое имя, отражающее места знаменитых битв, имена героев и названия прославленных кораблей? Почему этим именам не быть с детства частью его психики? И, наконец, почему детская школа должна идти под цифрой, а не именем: что говорит ребенку такая абракадабра, как «ДЮСШ»? Разве не подтянется внутренне мальчик, переступив порог не «ДЮСШОР» при ЦСКА, а, допустим, мушкетерской школы «Гвардия» при том же славном ЦСКА?

Может ли главная армейская фехтовальная школа обходиться без «галереи славы» и музея холодного оружия? Вряд ли может, да и не должна бы, ибо мы часто недовольны своими детьми, и справедливо недовольны, но даем ли мы им всегда то, по чему вечно тоскует детство, даем ли мы им ощущение возвышенной, боевой и праздничной приподнятости жизни, а где, как не в спорте, лучший для этого полигон? Как было сказано однажды: «Ведь учит легкая рапира тяжелым овладеть мечом!»

Армия не просто сила, а сила вооруженная. В каких бы родах войск ни служил офицер, от лейтенанта до маршала, он на параде перепоясан холодным оружием, символом воинской доблести, единения и неразрывности традиций отечественного оружия.

Не в такой ли день вспомнить нам о традициях русской армии, единственной в мире давшей поэтов, перепоясанных золотым оружием, об учителях Пушкина — генералах Денисове и Катенине, о славных «певцах во стане русских воинов», соединивших поэзию с воинской доблестью? И Пушкин ведь умер с оружием в руках, погиб, защищая честь русской семьи, недостижимо возвысив чистоту жизни над чистотой слога.

Какой же турнир способен сегодня воплотить возвышенную идею нашей победы над фашизмом в Отечественной войне? Это, видимо, турнир дружественных армий, который мог бы проводиться в Москве 24 июня, в день исторического парада на Красной площади, а символическая шашка Жукова может быть его достойным призом.

Наша победа ковалась в тылу и на фронте. Оружейники тоже должны стать участниками этого самого торжественного воинского праздника с участием суворовского и детского военно-музыкального училищ. Златоустовская шашка да будет личной наградой воину-победителю самого торжественного соревнования года. Воспитательный заряд, заложенный в таком турнире, превзойдет надежды при вовлечении телевидения. Мы должны противопоставить массивному воздействию на нашу молодежь западного цинизма, неверия, дегероизации и развязности практические шаги, отвечающие возвышенным идеалам коммунистического общества.

Сердце какого истинного бойца и патриота не дрогнет при одной мысли о звуках фанфар торжественного марша парада юных военных музыкантов на ристалище в честь величайшей из побед, на турнире офицеров, впервые в истории вышедших из гущи народной. Мы мирно созидаем и растим детей, варим сталь, засеваем поля только потому, что наш мирный труд охраняет народная армия. А офицеры — это цвет армии, ее мозг и стальной хребет. Наша армия — это еще всенародная школа мужества, чести и знаний. В. И. Ленин писал: «Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм. Такая армия будет непобедима».

ОСВОЕНИЕ

Арсен Айруни,

доктор технических наук, профессор,
заместитель директора Института
проблем комплексного освоения недр АН СССР

— Арсен Тигранович, к взаимосвязанной проблеме — безотходной или малоотходной технологии и охране окружающей среды «Смена» обращалась не один раз. Достаточно вспомнить хотя бы такие материалы, как «Отходы производства: вред или польза?» в № 3 за 1983 год и «Золотое дно» в № 18 за 1984 год. Какую роль должен сыграть ваш институт в решении этой проблемы?

— В названии нашего института есть слова «комплексное освоение». В него, на мой взгляд, и заключена одна из основных причин создания ИПКОНа, хотя, быть может, он и должен был возникнуть раньше. Объем добычи полезных ископаемых на Земле с каждым годом неуклонно возрастает и приблизительно каждые десять лет удваивается. Это касается как высокоиндустриальных стран, так и развивающихся. Человечеству необходимо все больше исходного сырья, энергии, добыть которые в достаточных количествах мы можем пока только в недрах родной планеты. Ну, а чем больше мы добываем, тем меньше остается руд с богатым содержанием необходимых элементов и тем дальше находятся они от традиционных мест разработок, связанных с промышленными центрами, современными коммуникациями. Это, конечно же, удорожает производство. А раз руды эти бедные, то и отходов, шлаков при их разработке и переработке становится все больше. Скажем, только такие отрасли, как строительная, угольная, черная и цветная металлургия, перерабатывают за год около пятнадцати миллиардов кубометров горной массы, полезные ископаемые в которой занимают весьма незначительную часть.

И при этом довольно часто в отвалы попадает порода, содержащая пуск и незначительное, но в целом довольно существенное количество того или иного минерала. Нередко бывает, что попутные или даже вредные компоненты при добыче одного вида сырья оказываются необходимым сырьем для другого производства. А так как оно чаще всего принадлежит иному ведомству, то ведомство, ведущее разработку, просто не занимается побочным сырьем и выбрасывает его в отвалы.

Это нерационально с экономической точки зрения. Кроме того, многочисленные горы отвалов загрязняют окружающую среду, которая и без того-то достаточно страдает от хозяйственной деятельности человека. Вот как раз для того, чтобы быстрее и эффективнее разрешать эти важнейшие проблемы, и был создан ИПКОН АН СССР.

— Раз сам институт так молод, то наверняка молодо и большинство его сотрудников?

— Коллектив в ИПКОНе не очень большой — всего двести девяносто два человека, и работает у нас действительно в основном молодежь.

Большинство наших молодых специалистов, что называется, заражены энтузиазмом исследователей. В ИПКОНе без этого, пожалуй, и нельзя. Ведь, если честно признаться, особенно больших благ молодые специалисты здесь не имеют, расти им в институте куда труд-

нее, чем в других подобных учреждениях, например, в отраслевых.

Молодые ученые в первую очередь участвуют в тех работах, которые касаются непосредственно практических целей, требуют больших связей с промышленностью и умения заниматься внедрением. Мы включаем их в эту работу сразу же, как только они к нам приходят.

За прошедшие годы молодежи было опубликовано около четырехсот научных статей. Молодыми специалистами получено более сорока авторских свидетельств, кроме того, по тридцати пяти заявкам имеются положительные решения, а это означает, что и по ним в ближайшее время тоже будут выданы авторские свидетельства. Наши молодые ученые ежегодно представляют работы на ВДНХ, на различных специализированных выставках и конкурсах. Многие награждены медалями и дипломами ВДНХ, золотыми медалями и премиями Академии наук СССР, премиями Ленинского и Московского комсомола.

Думается, одной из причин быстрого внедрения наших работ является то, что молодые специалисты берутся за очень важные, насущные темы. Возьмите промышленные взрывчатые вещества (ВВ), применяющиеся при горных разработках полезных ископаемых. Без них нередко вообще немислима добыча. Но у существующих было немало отрицательных сторон. Это и необходимость их заводского изготовления, что ведет к удорожанию, и транспортировка с завода на карьер. Да и пользоваться такими взрывчатыми веществами было непросто.

В нашем институте разработаны новые простейшие взрывчатые вещества, отличающиеся от прежних по действию весьма незначительно, но при этом обладающие целым комплексом выгодных свойств. Во-первых, изготавливаются они могут прямо на месте проведения взрывных работ, для них не нужны особые условия хранения. Для того, чтобы пользоваться ими, достаточно залить эти взрывчатые вещества в скважину как обыкновенную смесь, после чего она становится пригодной для взрывания. Немаловажно и то, что новая взрывчатка не требует для своего изготовления дефицитного сырья, основной составной компонент — нефтяные, мазутные отходы. Это делает такие промышленные ВВ дешевыми, значительно снижает транспортные расходы. Прибавьте еще то, что новые ВВ можно заряжать механизированно, то есть из машины-смесителя провести в скважины по шлангам, что тоже удешевляет взрывные работы.

Такие новые дешевые взрывчатые вещества, удобные в обращении, сразу же заинтересовали представителей многих отраслей горнодобывающей промышленности. И наши молодые специалисты помогли внедрить их уже на ряде предприятий страны.

Подобных работ, которые практически сразу же, как вышли из стен ИПКОНа, были внедрены, я мог бы привести немало. Остановлюсь еще на некоторых. Большое исследование провел наш председатель совета молодых ученых Сергей Курочкин. Он, насколько

мне известно, впервые разработал оригинальный метод построения карты изобар давления газа для крупной геологической структуры. Эта работа имеет огромное практическое значение и для борьбы с газами в шахтах, и с точки зрения комплексности использования недр. Сергей создал методику определения запасов пригодного для использования метана. Того самого метана, который в горном деле всегда считался врагом шахтеров, так как не только вызывал при большой концентрации удушье, но и взрывался в самый неподходящий момент. А именно метан является отличным дополнительным топливом, которое раньше бесполезно сжигалось или просто выбрасывалось в атмосферу.

Теперь же при искусственной дегазации шахт мы можем использовать это полезное ископаемое в народном хозяйстве, что только при приблизительном подсчете на 15—20 процентов повысит теплотворную способность добываемого топлива. Метаном вполне можно отапливать шахтные котельни, столовые, бани и даже жилые поселки шахтеров, экономя применяемый ранее для этих целей уголь. Я уже не говорю о большом экономическом эффекте этой работы.

Еще один пример. Наш аспирант Игорь Большинский не так давно внедрил новый метод прогноза и предотвращения внезапных выбросов газосных песчаников на шахтах-новостройках Донбасса. Это позволило во много раз увеличить скорость продвижения забоев, сделать рентабельными даже те шахты, на которых раньше об этом и не мечтали. Все это выразилось в экономическом эффекте порядка одного миллиона рублей. Метод успешно внедряется на шахтах Донбасса.

— Арсен Тигранович, все примеры, приведенные вами, касаются в первую очередь угледобычи. Споры нет, проблема очень важная, однако ведь горнодобывающая промышленность включает в себя немало и других отраслей. Расскажите, пожалуйста, о работах ИПКОНа, касающихся именно их.

— Вы совершенно правы, горнодобывающая промышленность, освоение недр Земли — проблема очень широкая. Немало сложностей еще возникает, когда основному ведомству, ведущему добычу, совершенно не нужно попутное сырье, которое необходимо для другого ведомства. Мы занимаемся оптимизацией отработки именно таких запасов полезных ископаемых, комплексным их использованием.

Возьмем для примера хотя бы такой известный объект, как Курская магнитная аномалия. Все знают, что в первую очередь она содержит железные руды и, значит, в ее разработке заинтересовано Министерство черной металлургии. Но, кроме железной руды, на КМА очень много скальной породы, которую можно с успехом использовать в качестве строительного материала, для дорожных покрытий и так далее. Щебенка, гравий, песок при попутной добыче стоят недорого, раз в 5—8 дешевле, чем привозные.

Но это только одна сторона дела. Возьмем теперь проблему замены такого ценного металлургического сырья, как металлическая дробь, окатыши, используемые при производстве тяжелых бетонов. Повышенная радиационная стойкость подобных бетонов необходима при строительстве атомных электростанций. В средней полосе России их возводится несколько. То, что привозное сырье, такое, как щебенка и другие стройматериалы, обходится недешево, мы уже выяснили. Ну, а металлургическое сырье вообще очень ценно само по себе.

После работ, проведенных специалистами ИПКОНа совместно со специалистами отраслевых институтов, среди которых, как я уже говорил, значительную часть составляют молодые исследователи, оказалось, что использовать металлургическое сырье в данном случае

нет никакого смысла. Оно с успехом может быть заменено отходами обогащения руд КМА, содержащими приблизительно 15—18 процентов железа. Этого слишком мало, чтобы использовать их как сырье для черной металлургии, но вполне достаточно для производства тяжелых бетонов повышенной радиационной стойкости. Мало того, выработанные по новой технологии тяжелые бетоны получаются даже лучше, чем изготовленные с применением металлургической дробы и окатышей. Таким образом, вопрос создания тяжелых бетонов с применением сырья, ранее уходящего в отвалы, успешно решен. Затраты на одну установку для производства строительного щебня из отходов добычи руды на КМА — приблизительно 600 тысяч, а получаемый при этом эффект — 10 миллионов. Это не считая того, что освобождается большое количество транспортных средств, так как раньше в Центральную Россию, в черноземные и нечерноземные зоны практически весь строительный гравий, щебень, песок доставлялись с Кавказа.

Как показывают подсчеты, если использовать в качестве исходных стройматериалов все отходы при добыче руд КМА, затраты составят примерно 2,5 миллиона рублей, а окупятся через полгода. Немало выигрываем мы и на новой технологии производства тяжелого бетона повышенной радиационной стойкости. Правда, здесь придется доставлять цемент, но зато наполнитель свой.

Итак, отходы обогатительного производства могут быть не просто уничтожены, а использованы на благо людей.

— Арсен Тигранович, проблема отходов, комплексной добычи полезных ископаемых, охраны окружающей среды касается не только нашей страны, а всего человечества. Сотрудничает ли ИПКОН в этих вопросах с другими государствами?

— Конечно, ИПКОН выполняет работы не только для горнодобывающих и обогатительных предприятий нашей страны, но и на многосторонней, двусторонней основе сотрудничает со странами СЭВ. Кстати, к этим работам подключено немало и наших молодых ученых. Основная часть совместных разработок касается охраны окружающей среды, сокращения вредного влияния горнодобывающих отраслей промышленности, перехода на малоотходную и безотходную добычу и переработку полезных ископаемых.

Возьмите, скажем, такую проблему, как оседание почвы в районах горных выработок. Это нередко вызывает заболачивание почв, разрушение коммуникаций и строений, нарушает гидрогеологический режим в регионе. У нас в институте разработано несколько способов борьбы с подобным оседанием, и мы делимся этим опытом с коллегами из социалистических стран. Кроме того, для стран СЭВ мы разрабатываем различные новейшие методики добычи и обогащения полезных ископаемых. Еще одно из направлений нашей совместной работы — расширение применения дешевых взрывчатых веществ, разработанных в ИПКОНе.

По многим проблемам сотрудничаем мы и с ЮНЕСКО. Кстати, сейчас недалеко от Ялты создается специальный центр, где специалисты из разных стран, и в первую очередь из развивающихся, будут обучаться новейшим технологиям, разработанным в ИПКОНе.

Сегодня уже все прекрасно понимают, что в промышленности нет практически ненужных отходов, бесполезных отвалов, выбросов. Необходимо только как следует подумать, и всегда найдется способ их рационального использования, при котором они нередко из вредных отходов превратятся в сырье, а окружающая нас природа загрязняться не будет. Нужно только подходить к этим проблемам по-деловому, по-государственному.

Беседу вел
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

НЕТ — ВОЙНЕ! НЕТ — ГОНКЕ ВООРУЖЕНИИ!

Мир никогда
не станет
подарком судьбы.
За него
нужно бороться.
Его нужно защищать.
Сегодня он
в этом нуждается,
как никогда прежде.
Борьба за мир —
долг человечества,
долг молодежи.

Навстречу
XII Всемирному

Что дало бы прекращение гонки вооружений?
Вот подсчеты специалистов.
Задумайтесь:

На земном шаре около 800 миллионов неграмотных.

По оценке ООН, для ликвидации к концу XX столетия неграмотности взрослых во всех странах Земли потребуется 1,2 миллиарда долларов. Это меньше, чем военные расходы в мире за один день.

Стоимость атомной подводной лодки типа «Трайдент» равна стоимости обучения в течение года 16 миллионов детей.

С 1945 года на земном шаре было свыше 150 войн. Их жертвами стали 10 миллионов человек — столько же, сколько в первую мировую войну.

Расходы на эти войны и на гонку вооружений за эти годы составили 7500 миллиардов долларов — в два раза больше той суммы, в которую обошлась человечеству вторая мировая война.

Ежегодно на нашей планете умирают от голода от 30 до 40 миллионов человек. Для того, чтобы прокормить всех голодающих детей мира, достаточно истратить 10 процентов средств, идущих на гонку вооружений.

Всемирная организация здравоохранения, израсходовав за десять лет 83 миллиона долларов, ликвидировала на земном шаре оспу — этих денег стоил бы один современный стратегический бомбардировщик.

Программа Всемирной организации здравоохранения по ликвидации ма-

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА —
ЧТО ПРИНЕСУТ ОНИ ЛЮДЯМ?

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЕКАМИ МЕЧТАЛО О МИРЕ, НО СКОЛЬ ЧАСТО ПИСАЛО СВОЮ ИСТОРИЮ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ.

ИСКЛЮЧИТЬ ВОЙНУ ИЗ ЖИЗНИ НАРОДОВ — К ЭТОМУ ПРИЗЫВАЮТ, ЭТОГО ДОБИВАЮТСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА.

ПРЕКРАТИТЬ БЕЗУМНУЮ ГОНКУ ВООРУЖЕНИЙ, РАЗВЯЗАННУЮ ИМПЕРИАЛИЗМОМ, — ВО ИМЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ

ОБЪЕДИНЯЮТСЯ СЕГОДНЯ ЛЮДИ НА ВСЕХ КОНТИНЕНТАХ, ЗА ЭТО БОРЕТСЯ ПРОГРЕССИВНАЯ МОЛОДЕЖЬ ПЛАНЕТЫ.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ СТАВИТ МИР НА ГРАНЬ

ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ —

И ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ ГРАБИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

«...Провозгласив 1985 год
Международным годом молодежи
под лозунгом

«Участие, развитие, мир»,
ООН продемонстрировала
серьезную

озабоченность положением
и долгосрочными перспективами
почти миллиарда людей на Земле...

Поскольку мир
принадлежит молодежи,
молодежь должна
посвятить себя борьбе за мир,
процессу создания
международной обстановки,
свободной от предрассудков
и страхов прошлого,

а также от голода, болезней
и социальной несправедливости,
которые

имеют место и в настоящем.

Извлекая уроки

из опыта прошлых поколений,
поддерживая собственный

идеализм и энтузиазм, молодежь
может претворить чаяния
в реальность».

Хавьер Перес де Куэльяр,
генеральный секретарь ООН

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ
«СМЕНЯ!»

РАЗОРВАНЫ ИЛИ АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ КРУТ

Корреспондент. Однажды в Перми комсомольский пропагандист, руководитель школы основ научного атеизма, рассказывал мне, что, когда он приглашает молодых рабочих на занятия, в ответ нередко слышит насмешки: «Зачем нам это? Сейчас в бога верят только старушки».

Знаете, Эдуард Геннадьевич, могу признаться, что я и сам когда-то так думал. Но вот несколько лет назад пригласили меня в баптистский молитвенный дом, и я, к своему удивлению, увидел там среди верующих — действительно, большинство из них были пожилые люди — своих сверстников, молодых ребят и девушек. Причем это были не те любопытствующие, каких можно встретить в любом православном или католическом храме. Нет, ребята сосредоточенно молились, пели в хоре. Меня заинтересовало, что же привело их в религиозную общину. Неужели они считают, что истина здесь, в молитвенном доме? Неужто всерьез верят в «жизнь вечную», о которой твердят проповедники?

Вопросы эти, знаю, интересуют многих. Без ясного, прямого ответа на них, без правильного представления о механизме сектантского воздействия на молодежь трудно рассчитывать на успех в атеистической работе. Давайте же вместе, Эдуард Геннадьевич, попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Э. Филимонов. Да, при том, что атеизм стал сегодня характерной и, я бы сказал, привычной чертой нашей жизни, нельзя не видеть, что христианские секты протестантского направления — евангельские христиане-баптисты образуют одну из них — стремятся усилить и расширить свое влияние на молодое поколение. Сектантские деятели, сегодня больше всего озбоченные тем, кто придет им на смену, пытаются как-то затормозить объективный процесс затухания религиозности. И в этом они, надо сказать, не одиноки. Все религиозные организации ведут борьбу за умы и души молодых. Но христианское сектантство оказывается в этом отношении куда более активным и изворотливым, нежели его «конкуренты».

Корреспондент. Тут, видимо, и срабатывает сектантский механизм воздействия, сказываются, наверно, еще и прахоти в нашей атеистической работе. Об этом стоит поговорить подробнее. Но сначала попросу вас, Эдуард Геннадьевич, хотя бы в общих чертах рассказать, что представляет собой современное религиозное сектантство. Почему оно развивает такую активность? Нет ли у него какого-то «магнита», каким оно притягивает молодежь?

Э. Филимонов. Магнита?.. Можно ли так назвать то, что само не притягивает, а к чему притягивают?..

Специфика сектантства проявляется в вероучении, структуре религиозной организации, образе жизни верующих. Такие его черты, как, скажем, мистицизм, аскетизм, вера в «конец света», есть и в традиционных христианских течениях — в католицизме, в православии. Суть в другом. Раздувая, гиперболизируя какие-то элементы христианства, секты всячески превозносят исключительность, «истинность» найденного ими «пути спасения» и крайне нетерпимы к отклонениям от него.

Эти секты «посвященных» и «избранных» стремятся к замкнутости, обособленности не только по отношению к традиционной церкви, но и по отношению к обществу, к миру в целом, где, дескать, властвует сатана. Вот на этой-то «теоретической» основе и поддерживается самими верующими особая групповая психология собственной «святости». Сектанты проводят резкое разделение людей на «мы» — члены общины и «они» — все остальные. «Мы» — праведные, «они» — заблудшие грешники.

Корреспондент. Такая замкнутость служит, конечно, укреплению религиозности. Но ведь и вне общины сектант не забывает о своей вере. В этом плане интересно, думаю, сравнить отношение к своим религиозным обязанностям членов сект и сторонников православия, католицизма. Есть разница?

Э. Филимонов. И весьма заметная. Для православ-

ных и католиков в религии скорее важна обрядовая, ритуальная сторона. Кого-то привлекает украшение храма, церковное пение. Многие прихожане, особенно сейчас, слабо разбираются в догматике и вероучении, не читают религиозных книг, зачастую не понимают смысла совершаемых ими церковных обрядов. Свои религиозные заботы они как бы передоверяют профессиональному священнослужителю, обращаются к богу через посредничество церкви. А уж священник молится за них, «грешных», и дает искупление грехов на исповеди.

В христианском сектантстве дело обстоит несколько иначе. Обрядность сведена до минимума, нет ни икон, ни других внешних украшений, которые порой привлекают неверующих. Главное — вопросы веры. Вспомним, что писал о Лютере Маркс: «...Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделал религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека».

Сектант надеется только на личную веру, он не признает в обращении к богу никаких посредников, он сам себе священник. Вера для него больше, чем просто уверенность в существовании сверхъестественного. Это способ мистического общения с богом, «живая», «спасительная» вера, которая захватывает все существо, переживается чувством, сердцем. «Нет правил и формул, могущих доказать существование бога, — утверждают баптистские проповедники. — Бог не проблема, которую надо решить, а отец, которому надо поклоняться».

Корреспондент. Выходит, «живая» вера — это слепая вера? Глухая стена, о которую разбиваются доводы разума. Весьма удобное, прямо скажем, защитное сооружение.

Как-то мне довелось беседовать с одной девушкой, студенткой института. Она регулярно посещала молитвенные собрания баптистов и... успешно сдавала экзамены по общественным дисциплинам. Сам собой напрашивался вопрос: «Вы слушаете лекции по историческому материализму, знаете, что писали о религии Маркс, Энгельс, Ленин. Неужели их аргументы вас не убедили?» «Если бы они были верующими, то так бы не писали», — ответила девушка. И потом, когда наш разговор касался каких-либо религиозных «таинств», моя собеседница вмиг прекращала спор: «Вы не верите, вам этого не понять».

В работе с верующими, как видно, одной логикой мало чего добьешься.

Э. Филимонов. Многие зависят от степени религиозности человека. Среди сектантов чаще встречаются фанатики — люди безрассудной религиозной веры. Вот и вам, судя по всему, пришлось общаться с фанатично настроенной баптисткой. Упор на эмоции, на иррационализм вообще характерен для сектантства. Оно пытается принизить авторитет науки, отрицает ее право критиковать религиозные положения. Однако, как вы понимаете, в наше время невозможно обойти, игнорировать научные достижения. Поэтому сектантские идеологи стараются примирить свое вероучение с наукой, пытаются даже «с ее помощью» подкрепить религиозные догматы.

Вот как, например, толкуют сектантские проповедники авторитетнейшей для них источник — Библию.

Все, о чем в ней говорится, утверждают они, писалось под воздействием «святого духа», но поскольку, дескать, бог диктовал свои мысли людям, то и написана Библия языком своего времени. А потому, мол, ее нельзя понимать буквально. При таком подходе допустима любая, самая произвольная трактовка текста. Что сектанты и делают. С легкой руки баптистских проповедников библейские «дни творения», к примеру, превращаются в целые геологические эпохи, длившиеся миллионы лет. Отсюда вывод: Библия и геология в вопросе происхождения мира якобы не расходятся.

Корреспондент. И подобные «доказательства» убеждают верующих?

Э. Филимонов. Такие новшества нужны сектант-

ским идеологам, чтобы привести устаревшие, а то и просто абсурдные религиозные положения в соответствие с уровнем сознания нынешнего верующего. Ведь многие члены общин получили образование в школе, в техникумах, в вузах. Тем и опасно сектантство, что оно постоянно ищет новые, все более изощренные формы религиозного влияния, отказывается от грубых, не оправдавших себя приемов, чаще берет на вооружение, говоря словами Ленина, «тонкую, духовную, приедетую в самые нарядные «идейные» костюмы идею боженки».

Корреспондент. Время меняет и сам облик сектанта. Помните, какими мрачными, ограниченными показаны члены секты в старом фильме «Тучи над Борском»? Иной вид у «братьев» и «сестер» из повести Тендрякова «Затмение» — девицы в джинсах в обтяжку, со взбитыми прическами, парни в приталенных рубашках, благополучного вида пожилые люди... И Гоша-проповедник — не какой-то там изувер, а этаким интеллектуал, вития, зовущий к духовному родству, к братству по вере.

«Бог есть любовь», «бог есть добро», «бог есть совесть» — вот слова, которые не сходят с уст сегодняшних сектантов. Порой эти лозунги сбивают с толку и неверующих. Зачем, дескать, бороться с религией, если она «плохому не учит»?

Э. Филимонов. Да, проблемы нравственности, пожалуй, главные в идейном споре с христианским сектантством. По части морального воздействия у религии многовековой опыт. Ведь, как отметил Ленин, «христианство из морали сделало бога, создало морального бога».

Для верующего религия и мораль — понятия практически тождественные, он не мыслит себе нравственной опоры без религиозной веры. Бог, считает он, — абсолютный критерий добра и зла. Для сектантов это тождество значимо вдвойне. Как мы уже говорили, члены секты наделяют нравственными достоинствами лишь единоверцев, отказывая в «праведности» представителям иной веры, ну, а атеистов вообще считают безнравственными эгоистами. Одна пятнадцатилетняя баптистка со свойственной этому возрасту экспансивностью заявила, что неверующие «хуже зверей».

Вот какую историю услышал я однажды от одного своего коллеги, пропагандиста атеизма. В Гомеле в баптистской общине состояли два родных брата. Жили по соседству, окна их домов выходили во внутренний дворик. Братья часто общались, помогали друг другу по хозяйству. Но вот один из них стал реже посещать молитвенные собрания, больше занимался общественными делами и в конце концов, как говорят верующие, совсем «ушел в мир». Верующий брат перестал помогать «отступнику», не хотел даже встречаться с ним, а чтобы вовсе прекратить всяческие контакты с родным по крови, но ставшим чужим по вере человеком, заложил кирпичом окна, выходящие во двор, и прорубил их с другой стороны.

Такова на деле хваленая любовь к ближнему, за которую ратуют сектанты. И это не какие-то из ряда вон выходящие случаи. Предубеждение верующего к инакомыслящему, а тем более к атеисту, диктуется не столько личными качествами первого или второго, сколько антигуманной сущностью сектантской морали с ее делением на «святых» и «грешных», на «избранных» и «заблудших». Недаром же знаменитый английский философ Бертран Рассел называл религию главным препятствием нравственного прогресса.

Корреспондент. Однако сами сектанты винят во всем атеистов, утверждают, что жизнь была бы намного лучше, если бы все согласилось следовать заповедям Христа.

Э. Филимонов. К этому они призывали и раньше. Даже пытались осуществить свои призывы на практике. В дореволюционной России, например, были общины, объединявшие бедных и богатых, но надежды на сектантское «братство» неизменно рушились. Иначе и быть не могло. Реальные интересы, неприми-

римые классовые противоречия брали верх над общностью религии. Ведь общественное развитие идет не по чьим-то заповедям, а по объективным законам, наиболее полно и точно которые отражает марксистско-ленинская теория. Вот почему сектантская проповедь «евангелизации» — «жизни во Христе» — несоместима с идеями научного коммунизма.

Опыт социалистического строительства показывает, что люди сами, без «божьей помощи», в состоянии сделать свою жизнь доброй, прекрасной, справедливой. Сама наша атеистическая пропаганда, к слову сказать, имеет прочную гуманистическую основу. Мы верим в разум и совесть человека, боремся за подлинную духовную свободу — против религиозной идеологии, а не против верующих. Наоборот, стараемся укреплять, развивать то общее, что есть у верующих и атеистов как полноправных граждан своей страны. Хотя это вовсе не значит, что мы должны спокойно смотреть, как некоторые юноши и девушки взывают к мифическому божеству, надеясь на мнимую «жизнь вечную».

Корреспондент. Эдуард Геннадьевич, вы только что упомянули об омоложении сектантских общин. Какие тому причины? Не является ли это неким «религиозным ренессансом», о котором трубят наши противники на Западе?

Э. Филимонов. Буржуазная пропаганда готова любую попытку оживить религиозность выдать за «ренессанс». В действительности же омоложение некоторых сект не может, конечно, приостановить общий глубокий кризис, какой переживает сегодня религия. Омолаживаются лишь отдельные городские общины, куда влились молодые верующие, приехавшие в город из села. Одновременно с этим многие сельские общины редеют, а то и совсем распадаются. Происходит, таким образом, перераспределение, а не увеличение верующих.

Но было бы ошибкой недооценивать миссионерскую, вербовочную деятельность сектантов, которая в последнее время активизировалась. Каждый член общины получает задание — в течение года принести к «престолу бога хотя бы один сноп», то есть обратиться в свою веру одного человека. Иногда это сектантам удается. Особенно там, где их миссионерство имеет адресную конкретность. Предварительно изучив обстановку, сектанты составляют списки лиц, с которыми затем ведут, что называется, индивидуальную работу. Молодые члены общины, бывает, приносят Библию в цех или в учреждение, предлагают почитать. Причем обращают внимание на волнуемые молодежь нравственные вопросы, давая им религиозную трактовку.

Корреспондент. То есть, по сути, ведут религиозную пропаганду?..

Э. Филимонов. Вот именно. К сожалению, не везде сектантские миссионеры встречают должное противодействие.

Корреспондент. Видимо, сказываются слабая атеистическая подготовка, примиренческое отношение некоторых молодых людей, в том числе и комсомольцев, к религии. По данным опроса, проведенного учеными из Высшей комсомольской школы, 28 процентов учащейся и 32 процента рабочей молодежи не видят вреда религии. Могут ли такие атеисты на равных спорить с сектантами? Конечно, нет. В стороне от атеистической работы остаются, как это ни странно, и некоторые комсомольские вожаки. Иные секретари райкомов даже не знают, какие секты действуют в их местности, как они влияют на молодежь.

Э. Филимонов. Нейтральную позицию в противоборстве с религиозным мировоззрением занимать нельзя. К тому же сектантские идеологи, как мы видели, не собираются сдаваться без боя. Наоборот, они не останавливаются и перед тем, чтобы укрепить позиции религии при помощи крайних, противозаконных средств, толкая верующих на открытый конфликт с нашими общественными нормами. Экстремисты пытаются в организованном порядке обучать детей религии, допускают к крещению подростков, не достигших 18 лет, устраивают всякого рода нелегальные «молодежные общины». Детям, молодым верующим внушается мысль о необходимости страдать за Христа, подчиняться лишь «божественным законам», а не «человеческим установлениям». Молодых призывают отказаться от всех земных радостей, стать «рабом Христа». Словом, делается все, чтобы воспитать воинствующих религиозных фанатиков, отрешенных от проблем «мира», а нередко и враждебно настроенных к законам нашего общества.

Нет-нет да и встретили такого «раба Христа» проповедующего Евангелие в поезде, в автобусе, в местах отдыха трудящихся.

Могут ли оставаться равнодушными комсомольские организации, зная о таких фактах? Нужно решительно пресекать противозаконную деятельность сектантов, терпеливо разъяснять молодым верующим антигуманную, антиобщественную суть идеологии религиозного экстремизма. Ведь для иных сектантских

деятелей религия — лишь прикрытие их собственных карьеристских, зачастую чуждых нам взглядов и устремлений. Не случайно за моральной (и не только моральной) поддержкой некоторые руководители экстремистских группировок обращаются к самым реакционным антикоммунистическим кругам Запада.

Многочисленные идеологические центры империализма, как отмечалось на июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС, стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность. Особую ставку они при этом делают именно на религиозных экстремистов.

Западные спецслужбы пытаются установить контакты с сектантскими экстремистами всех мастей, чтобы с их помощью распространять клевету на советскую действительность, внедрять в сознание религиозных людей мифы буржуазно-клерикальной пропаганды о «диктатуре государственного атеизма», об «атеистических законах», о существовании в СССР якобы двух классов — верующих и атеистов, причем верующие рисуются «гонимыми» и «угнетенными».

Корреспондент. А как сами верующие относятся к подобным «откровениям»?

Э. Филимонов. Там, где хорошо поставлена разъяснительная, контрпропагандистская работа, где строго соблюдается законодательство о культах, эта ложь с чужого голоса быстро разоблачается. Люди, искренне верящие в бога, не хотят слушать проповедников свободы совести по западному образцу, более того, наиболее рьяных деятелей, которые путают религию с политикой, верующие отлучают от общины.

Корреспондент. Эдуард Геннадьевич, хочу показать вам одно письмо — его написала в редакцию молодая женщина. Конечно, нет необходимости упоминать здесь ее имя и фамилию, но вот о чем она сама пишет, не скрывая: «В 19 лет я вышла замуж. Вышла, как думалось, по любви, — и с горечью добавляет: — А любовь, есть ли она среди смертных?» В 20 лет она осталась одна, с ребенком на руках, бывший муж даже алиментов не платит. Чтобы как-то пополнить семейный бюджет, подрабатывала вечерами уборщицей. «А на работе, — пишет далее, — все женщины одеты по последней моде, ни у кого за завтрашний день голова не болит, а ты среди них, как белая ворона». Еще несчастье — подросток сын не ладит с матерью, норовит убежать к приятелям. Что остается — тоска, одиночество? Однажды женщина пришла на собрание общины, потом зачастила туда, стала верующей. Только в общине, считает она, ей встретились люди, которые «стараются что-то подсказать, чем-то облегчить твою долю». И заканчивает свое письмо утверждением: «Вера и только вера может помочь людям».

Э. Филимонов. Да, горькое послание. Судя по письму, женщина попала к баптистам. Ее личная драма, разочарованность в людях один к одному совпали с баптистской проповедью о греховной природе человека, который якобы без веры в бога не способен сделать добро ближнему. И, надо признать, что люди, выбитые из колеи, порой находят утешение в религиозной общине. Обычное человеческое участие здесь преподносится в религиозной оболочке, выдается за чудодействие религиозной веры. А ведь человеку, попавшему в беду, важна прежде всего реальная помощь, а не выяснение мотивов, которыми руководствовались помогающие.

Корреспондент. Кстати, помощь эта необязательно должна носить материальное выражение. В ситуации, подобной той, в какой оказалась автор письма, как раз важнее было, очевидно, простое человеческое внимание, ободряющее слово. То, что нам ничего не стоит и что так дорого ценится людьми. Мы же в текучке, в спешке нередко проходим мимо чужой беды или стесняемся проявить сочувствие. Вот тут и оказывается на чеку сектантская «служба внимания», которая так умеет опутать человека, что он невольно чувствует себя нравственно обязанным невесть отсюда появившимся душевным спасителем.

Э. Филимонов. Хорошо бы и комсомольские организации с их боевым настроем на конкретные дела всегда были бы так же внимательны к духовному миру молодого человека. Прекрасный комсомольский девиз «дойти до каждого», мне думается, должен быть наполнен и атеистическим содержанием. Чтобы ни где и никогда ни один человек не чувствовал себя одиноким и обиженным. Не зря же сектанты нацеливаются прежде всего на оторванных от общин дел людей. Зато в коллективе, где создана атмосфера товарищества, взаимопомощи, сектантским проповедникам на свой «сноп» нечего и рассчитывать.

Корреспондент. Откуда же тогда приходят в общины молодые новобранцы?

Э. Филимонов. Главный канал — религиозная семья. Руководители сект всеми силами пытаются

превратить семью в «домашнюю церковь», а детей, которых в сектантских семьях от пяти и больше, — в будущее пополнение общины. Сектантские деятели, хотя бы жизнь человека протекала в замкнутом круге религиозности. Вот почему самым большим грехом после охлаждения к вере сектанты считают брак с неверующим или неверующей. В этом они усматривают — и не без основания — подрыв религии. Наши исследования показывают, что в семьях, где в бога верит только мать или только отец, не все дети вырастают верующими, не все становятся членами общины. Но даже и полностью религиозная семья сегодня не в состоянии удержать всех детей под своим влиянием. Школа, комсомол, служба в армии, трудовой коллектив оказывают благотворное воздействие, и взрослые дети, юноши в особенности, уже не идут вслед за своими верующими родителями, выходят из-под их духовной власти, порывают с религией.

Корреспондент. Сама жизнь, значит, разрывает сектантскую замкнутость?

Э. Филимонов. Да, можно сказать и так. Только надо обязательно учитывать, что разрыв с общиной, с религией — дело непростое, порой болезненное. Ведь выйти из этого замкнутого круга — значит покинуть привычную с детства среду, поставить под удар родственные, дружеские связи. На такой шаг без поддержки решится не каждый. Поэтому рядом с юношей или девушкой из религиозной семьи должен быть понимающий, добрый, авторитетный наставник — учитель, комсомольский работник. При этом он должен учитывать, что верующие родители по-своему любят детей и желают им добра. В общине с ними нужно исходить из интересов ребенка. Разъяснять, доказывать, а не действовать наскаком. Умная, умелая работа с верующими родителями дает свои плоды. Многие из верующих (по нашим исследованиям, более 60 процентов баптистов, около 50 процентов иеговистов) отказываются воспитывать детей в религиозном духе, полагая, что дети «вырастут и сами определят себе путь».

Корреспондент. Все же немало и таких родителей, которые не кнутом, так пряником пытаются втянуть детей в общину.

Э. Филимонов. На это, в свою очередь, их толкают сектантские руководители. Ведь трещины появились в самой религиозности, этой «крепости» сектантства. Все чаще проповедники сетуют на ослабление веры, на то, что «холод неверия угрожает проникнуть в наше сердце и сделать нас теплыми христианами». Сравнивая отношение к религии отцов и детей, сектанты не могут не признать, что молодые «не являются равными ни по силе веры, ни по силе духа».

Корреспондент. Значит, не от хорошей жизни прибегают сектанты к различным ухищрениям? Я имею в виду и «новое» толкование Библии, и попытки «опереться» на науку, и сектантскую самостоятельность...

Э. Филимонов. Руководители общин тратят немалые усилия, чтобы приспособить внутриобщинную жизнь к духовным запросам молодых верующих. Устраивают специальные молодежные молитвенные собрания, которые нередко напоминают эстрадный концерт. Здесь и выступления хора, солистов, струнного оркестра. На мотивы популярных песен исполняются религиозные гимны, псалмы. Когда одного пресвитера спросили: «Не противоречит ли установкам баптизма то, что вы завели эстрадный оркестр?» — он ответил: «Для нас важен репертуар». Надо добавить, что баптисты, адвентисты охотно отдадут детей в музыкальные школы. Так что и преподаватели музыки должны присоединиться к атеистическому воспитанию ребят.

Корреспондент. Итак, мы видим новый тип верующего-сектанта. Он имеет, как правило, среднее образование, специальность, честно трудится. Наряду с религиозными запросами ему присущ интерес к общественно-политической жизни, к достижениям науки, техники, культуры. Интерес, который, по сути, идет вразрез с традиционными сектантскими запретами. И все же атеистам вести свою пропагандистскую воспитательную работу не легче, не проще.

Э. Филимонов. Да, успокаиваться рано. Сектантская идеология становится, повторю, уточненнее, наукообразнее, что ли. Во многих общинах руководящие позиции доверяются молодым проповедникам, которые умеют говорить с сектантской молодежью на современном языке. Баптисты, к примеру, прямо заявляют: «Делу господнему нужны всесторонне развитые служители». Все это повышает требования к нашей атеистической пропаганде. На одном утверждении «бога нет» далеко не уедешь. Нужна основательная философская подготовка, широкая эрудиция, культура. А главное — нужна человечность, которая закрывает доступ в атеистическое воспитание формализму, шумихе, казенщине.

Беседу вел
Павел ЕМЕЛИН.

Юрий КАМИНСКИЙ,
слесарь,
Кривой Рог

Родина

Невзрачна хата эта с виду,
Но я люблю ее не зря:
Две комнатухи—обе с видом
На лунные моря.

Порог под аркой триумфальной
Подковы, что прибил мой дед,
И рядом шелест изначальный
Полыни той, что слаще нет.

А дальше—братская могила
И пруд, сверкнувший серебром,
Где мама солнышко будила,
Звеня под ивами ведром.

Здесь кровью полита обильно
Земля родная в трудный час,
Здесь драгоценностью фамильной
Стал мир для каждого из нас.

Елена НАУМОВА,
студентка,
Киров

А свет прожекторов
скользил по небу,
Искал, касаясь звездной высоты.
И находил,
как призрачную небыль,
На самолетах черные кресты.
Он ослеплял
внезапно самых прятких,
Как будто злому вору по рукам
Давал,
и били яростно зенитки
По ненавистным черным паукам.
Бойцы в минуты редкие покоя
Считали сбитых, грелись у огня...
И мама, засыпая после боя,
Была моложе нынешней меня.

Валентин БОНДАРЕНКО,
инженер,
Тамбов

Весна Победы

Суворовской черной шинелью
Гордились мы с детских лет.
Стоим под раскидистой елью.
Вот наш групповой портрет:

Красный околыш фуражки
И козырек ушит.
О пояс армейская фляжка
При быстрой ходьбе шуршит.

Погоны—малиновый бархат
И букв золотая вязь.
Пусть девушки будут ахать,
Лицом не ударим в грязь.

Осанка на десять баллов
В пешем строю важна.
Будущих генералов
В баню ведет старшина.

И песнь строевая, случилось,
Неслась вдоль полей и лесов.
И верно она опускалась
В победную чашу весов.

Девятого утром рано
Радостных чувств—река.
Победа!—кричали мы рьяно,
И плакал лишь сын полка.

Евгений МОРОЗОВ,
учащийся,
Московская обл.

На исходе ночь. Час темноты недолог.
Отступает мрак, шлейф звездный волоча.
И приходит утро в мой поселок,
Дорогие мне «Заветы Ильича».

Роца, дачи тут, дощатые ограды.
Речку вброд нетрудно перейти...
Здесь прожил я лет шестнадцать кряду.
Места лучшего нигде мне не найти.

Вот сейчас проснутся в гнездах птицы,
Запоют в десятки голосов.
И лучами солнца озарится
Хвоя сосен и листва кустов.

Днем кузнечики в траве под сенью елок
Станут прыгать, громко стрекоча...
Всем советую приехать в мой поселок—
Дорогие мне «Заветы Ильича».

Александр СУВОРОВ,
судоремонтник,
Петропавловск-Камчатский

Пейзаж

Штрих,
деталь—
все до боли знакомо.
Скуповат наш моряцкий уют.
Целый год
мы не видели дома,
и от моря
глаза устают.
Тропка узкая.
Две березки.
Огонек
в отдаленном окне.
Этот скромный пейзаж
неброский
и сейчас
вспоминается мне.
Им и мы любовались
когда-то,
а теперь
все осталось вдали.

Фотографии жен
виновато
в документах
своих берегли.
Но тоскуют
не только по женам.
Вспоминают,
как пахнет земля,
и костры
из листвы подоженной,
и березки,
что смотрят в поля.
Дело тут
не в поэзии даже,
а родная
доносится весть.
Вся Россия—
вот в этом пейзаже.
Год без берега—
надо учесть.

Фото Николая ШИЛОВА

Олег РУБЕНОК,
химик-технолог,
Новгород

Ильмень-озеро

Ильмень-озеро
встревожено
и волнуется опять:
утро
ветер расстрожило,
отпустило погулять.

Налетают
тучи быстрые,
гром бросает
воздух в дрожь—
по воде
ударил бисером

озорной
и теплый дождь!
Волны вспенились,
и пенные
волны встали,
как стога,—
Ильмень-озеро степенное
потеряло берега!

Хорошо ли
парус крепится—
ветер пробует лихой!
Замирает сердце
трепетно:
крен
у яхты
роковой!

Непогодой
вспыхнут молнии,
и темнеет все опять.
За высокими
за волнами
белых чаек
не догнать!

Евгений НЕВСКИЙ,
учитель,
Великие Луки

Молчат нескошенны травы.
К чему высокие слова?
Над полем битвы,
полем славы
Спокойна неба синева.

Но сердце
бывшего солдата
Здесь учащенное стучит.
Полоска алая заката,
Как рана старая, горит.

Продолжается наш традиционный «Конкурс одного стихотворения» под девизом «Славьте, молот и стих, землю молодости». Напоминаем условия конкурса. В нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смень». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов. Ждем ваших писем!

В ГЛУБИНАХ АРКТИКИ

**Николай
ХЛЕБОДАРОВ.**

Фото автора

Крышка водолазного люка открылась, и на площадке появился Владимир Палаев. Если бы не мириады пузырьков дыхательной смеси, выходящих из шлема, и мелькание всякой живности, его можно было бы принять за космического исследователя. Следом вышел Сергей Парахненко, проверился на герметичность. Свет прожекторов выхватил из кромешной тьмы арктической воды маленький пятачок—устье скважины, песчаное серое дно. На яркий свет выплыло «бревнышко»—треска,

которая медленно двинулась к колоколу. Володя взглянул вверх: шланги-кабели колокола отклонились от вертикали—сильное течение.

— Первый! Я—Центральный! Самочувствие?—запросил руководитель погружения Виктор Вишняков.

— Центральный! Я—Первый! Самочувствие хорошее,—ответил «квакающим» голосом Палаев, речь которого из-за влияния гелия не выправлял даже специальный корректор.—Сильное течение. Приступаем к работе!

— Первый и Второй! До скважины вас донесет течением. Обрато пойдете по фалу. В крайнем случае оператор затощит вас в колокол!..

Палаев сошел с площадки и, стравливая шланг-кабель, быстро добрался до устья скважины, зацепился поближе к уплотнительному кольцу. Он сразу же увидел причину негерметичности: кольцо было помято, залито цементом и

**«У НАС ЕЩЕ В ЗАПАСЕ
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИНУТ...»**

забито илом. Видимо, когда сажали многотонный превентор для перекрытия скважины, что-то попало на кольцо и запрессовалось под его тяжестью. Кольцо очищали водолазным ножом и другими специальными приспособлениями. Пришлось изрядно поработать, пока не обнажилась вмятина. Было видно, что прокладка ее закроет, но на всякий случай сделали слепок. Сообщили об этом наверх. Специалисты попросили дополнительно проверить датчики, замерить наклон плиты устьевого головки. Водолазы работали напряженно и, вернувшись в колокол, удивились: прошло уже несколько часов...

...Привыкнуть к северным морям трудно: никакая современная экипировка не может полностью защитить от дыхания Арктики. За долгий путь на современном судне «Валентин Шашин» — первом, вышедшем на покориение континентального шельфа Арктики, — погода менялась много раз, особенно угнетали низкие, рваные тучи и укачивала штормовая болтанка. Трудно представить, что в таких условиях люди еще и работают по две смены.

Но работа шла. Ни огромные волны, ни ветер, ни течение не могли сдвинуть судно с точки бурения хотя бы на метр.

Дело в том, что буровое судно связано со скважиной тоненькой ниткой бурильных труб, которые уходят к забою почти на три тысячи метров.

Огромному судну ничего не стоит «порвать» эту ниточку. Тем более в таких погодных условиях. Но современные конструкторы учли и самые аварийные обстоятельства. Судно может работать даже при шторме, удерживаясь в заданной точке на поверхности бушующего моря с помощью системы динамического позиционирования. Вернуться обратно на точку судно помогают специальные датчики и память ЭВМ.

Работа здесь требует больших знаний и высокой культуры труда, поэтому среди ста человек экипажа, пожалуй, не найдешь человека без высшего или среднего специального образования. Каждая из многочисленных служб на судне интересна, но сегодня речь пойдет о совершенно новой профессии — водолаз-глубоководник.

Эта профессия родилась здесь всего год назад. Тогда 6 советских водолазов покорили глубину 245 метров и продемонстрировали отличную работоспособность при монтаже нефтепромыслового оборудования. Опыт этого погружения пригодился при аварийных работах: удалось поднять со дна многомиллионное оборудование, произвести монтаж сложной техники.

Дело пошло так успешно, что штат водолазов-глубоководников стал быстро расти. Яснее стали и проблемы. Они особенно ярко проявились в последнем глубоководном спуске.

Виктор Вишняков, руководитель погружения: «Присутствие водолазов на судне — это серьезная помощь работе других служб», — сказал мне как-то один из руководителей. Зачем на судне водолазы, когда все нормально? Вопрос вполне резонный, но даже при идеальной работе всех служб без водолаза не обойтись. Я такие возражения слышал не раз, но только до тех пор, пока не возникнут какие-либо неисправности подводного устьевого оборудования под водой. Тогда уж водолаз — надежда всех. Пока ни один автомат не «научился» ориентироваться в сложной обстановке и принимать разумные решения.

Под водой любая мелочь может за-

стопорить огромный механизм. Казалось бы, все было предусмотрено при последнем монтаже устья скважины, а оно оказалось негерметичным. Пришлось посылать водолазов для осмотра и выяснения причины.

При составлении плана этого спуска мы учитывали, что водолазы Палаев и Матвиенко уже бывали на такой глубине. Парахненко шел впервые. Для организации погружения пришлось затратить три дня. Даже таких опытных водолазов надо было спускать с длительными остановками на промежуточных глубинах.

Многим кажется, что бери любого водолаза и окунай на любую глубину. Мало кто представляет, в каких труднейших условиях работает глубоководник: дышит гелио-кислородным коктейлем, находится под огромным давлением, в кромешной темноте и адском холоде.

При спуске на большие глубины человек должен находиться длительное время в замкнутом пространстве, ограниченном объемом барокамер, в которых должен поддерживаться определенный состав газовой среды и параметры микроклимата.

Но оказалось, что наш воздух пригоден для дыхания только в определенном интервале давлений. С увеличением давления воздух становится опасным для дыхания газом, а при большем давлении человеку необходимы специально приготовленные дыхательные газовые смеси. Искусство составления дыхательных смесей состоит в том, чтобы подобрать безвредные газы. Например, на глубине 100 метров содержание кислорода не должно превышать нескольких процентов. Остальная часть должна приходиться на инертный газ, не оказывающий вредного влияния на организм. А на глубине 300 метров содержание кислорода уже не должно превышать одного процента.

Покорение более значительных глубин во всем мире шло за счет «искусственного» воздуха: в основном смеси гелия и кислорода. Однако гелий делает речь человека совершенно неразборчивой для понимания «наверху». Да и комфортную температуру надо поддерживать в пределах 32—34 градусов. При больших давлениях плотность даже такого легкого газа, как гелий, велика, что существенно затрудняет дыхание.

В народном хозяйстве более 90 процентов подводных работ ведется на глубинах до 60 метров при дыхании сжатым воздухом. И вот сделаны первые шаги в освоении глубин до 250 метров на гелио-кислородных смесях.

Технология таких погружений разработана на базе исследований советских ученых, ее особенность — безопасность и безвредность.

Виктор Стрелецкий, врач-физиолог: «Наши режимы погружения безопасны полностью. За все время моей работы не было случая заболевания «кессонкой» (выделение из крови в виде пузырьков газа при резком снижении давления). Хотя известно, что в мировой практике этой болезнью страдают до 2 процентов водолазов-профессионалов. Мы держим на спусках двух врачей и многочисленный обслуживающий персонал.

Работа водолаза-глубоководника специфична, поэтому на учете каждая мелочь, от медицинского контроля до полноценного питания.

Значительная проблема — методика профессионального отбора в водолазы-глубоководники. Не каждый человек может им стать, состояние его здо-

ровья должно быть идеальным. Долгие дни декомпрессии в барокамере — тяжелое испытание для любой психики, поэтому подбор экипажей по психологической совместимости его членов — также большая и сложная задача. Много проблем и по медико-биологическим наблюдениям после погружения.

Теоретически человек может извлекать кислород прямо из воды. Такие эксперименты уже проводились за рубежом.

По сообщениям иностранной печати, аналогичную проблему интенсивно решают в проектах, связанных с космическими полетами. Предлагается вообще отказаться от громоздких систем жизнеобеспечения, а человека «дополнить» бионическими приспособлениями, которые расширили бы функции саморегулирования организма в зависимости от окружающей среды. Свообразные синтетические органы позволят выживать и в космическом холоде, и в вакууме, приспосабливаться к атмосфере других планет и прочим необычным средам. После возвращения на Землю «человек-машина» вновь вернется к нормальному состоянию, изъев из организма теперь уже ненужные «детали»...

Есть предположение, что секрет живучести и выносливости йогов заключается в их умении регулировать содержание двуокиси углерода в организме: его избыток замедляет жизненные процессы, а в малых дозах активизирует процессы в критических ситуациях. Есть даже предположение, что двуокись углерода может усваиваться йогом, подобно растению, прямо из воздуха. Чем не путь, например, для астронавтов: на период длительного полета погрузиться в состояние анабиоза? Вот вам и рецепт увеличения продолжительности жизни...»

...Водолазы работали как часы. Исключительно быстро, четко. Все шло нормально, но когда они зашли в колокол для подъема, крышка люка не закрылась...

В колоколе почему-то испортилась среда: все они начали чихать, кашлять. Продули всю смесь. Сложилась аварийная ситуация. Уже подготовили радиogramму на вызов средств спасения. Водолазы прекрасно понимали, чем это все грозит — ведь поднимать их с этой глубины надо несколько суток. Никого аварийного запаса смеси не хватало...

В колоколе было трое: Володя Палаев, Сергей Парахненко и Григорий Матвиенко, водолазы-профессионалы, знакомые с этой глубиной. Володя Палаев умеет организовать и возложить дело безусловно четко. За минуту до назначенного срока всегда докладывает о выполненной работе. В этом спуске почти всю работу на устье скважины выполнил он, потому что со вторым водолазом была плохая связь. Вишняков не хотел рисковать на такой глубине и через Палаева контролировал самочувствие и второго водолаза — Парахненко. Когда работа требовала совместных действий, Палаев буквально не спускал с него глаз и постоянно докладывал руководителю погружения о его работе. Он признанный лидер, авторитет.

Владимир Палаев: «Это погружение было для меня вторым на подобную глубину, потому я и чувствовал себя уверенно. Вспомнил первое погружение на эту глубину — очень на меня все давило: прожекторы освещают лишь пятючок, а дальше — сплошная темная стена...

Когда много работы, думать об опасности некогда. Причину негерметично-

сти устья скважины нашел сразу...

Все шло нормально, пока не забрались в колокол. Оператор Гриша Матвиенко начал кашлять еще до нашего выхода в воду. Начали закрывать крышку — не закрывается. Стали ее очищать и снова закрывать, но дыхательная смесь выходила в воду. Что мы только не делали — крышка не закрывалась. Начинаем поднимать давление — смесь выходит в воду. Закашлялись все. Гриша изнемог от кашля. Наконец интуитивно почувствовали: крышка герметична. Для верности попрыгали на ней. Стрелка манометра пошла вверх. Радости не было предела. Колокол нормально подняли, состыковали с барокамерой...»

С Григорием Матвиенко я познакомился еще на первом, рекордном, погружении. Отец двух детей, спортсмен, рыбак. В водолазы-глубоководники пришел, готовя себя к этой профессии как аквалангист.

Григорий Матвиенко: «Я не новичок в обслуживании техники морской нефтегазодобычи. Охотно иду на рекордные глубины.

Правда, тяжело бывает сидеть в барокамере на декомпрессии. Однообразно все, двигаешься мало. Читаешь книги, слушаешь музыку. Пора бы и телепередачи транслировать, а то ведь долгое сидение в ограниченном пространстве угнетает. Это видно по снам: снятся какие-то кошмары, цветные притом... Особенно часто снится такое: вышел из колокола и плаваешь в толще воды или на дне, повернешься — а колокола нет... Вот уж где в дрожь бросает, просыпаешься в холодном поту...

Последнее погружение было в общем-то обычным, хотя и сложным. Первое ЧП возникло из-за мелочи: лопнул плафон, и крошки попали на герметизирующую прокладку. Их и глазом-то не увидишь, но при давлении в 25 атмосфер любую микродырочку ничем не закроешь. Пока мы не истерли эту мелочь голыми руками, крышка не закрывалась...»

Сергей Парахненко — молодой водолаз-глубоководник, работает недавно. Спускался несколько раз на глубину до 150 метров, ходил оператором в водолазном колоколе. Волевой, знающий специалист. На такого можно положить...

Сергей Парахненко: «Волнение началось еще до выхода на работу в воду: начал кашлять наш оператор в колоколе Гриша Матвиенко. Он сказал: «Немного замерз, пройдет!» Когда вернулись с работы, он кашлял сильнее. Потом и мы стали кашлять.

Проверили среду — нормальная. А тут еще крышка не закрывается! Давили, как могли. Ощущение скверное. Руководители утешают, а на сердце кошки скребут...

Среди водолазов дружба очень крепкая. Под воду можно пойти только с верным другом.

Даже правилами предусмотрено: под воду уходят минимум трое: один работает, другой страхует, третий обеспечивает связь и руководит, помогает, находится в аварийной готовности. Полное взаимопонимание.

Мы были уверены, что там, наверху, делают все возможное для нашего спасения...

Так завершилась эта трудная операция. Ребята исправили поломку, и буровики снова могли работать. Сейчас, когда освоение ресурсов нефти и газа континентального шельфа стало одним из основных направлений нефтегазодобывающей промышленности, без помощи опытных водолазов не обойтись...

К

ак помнит читатель, мы оставили наших героев в момент, когда они готовились к свадьбе (№ 4, 1985 г.). С тех пор прошло чуть больше года, жизнь молодых Северцевых устоялась, отношения стабилизировались, быт устроен, обязанности привычно распределены.

Спокойная налаженность повседневности пришла на смену времени бурь и страстей.

А бури были, и немалые. Иногда казалось, что вот-вот погребут они семейную ладью в пучинах вод или разобьют о скалы.

Почему так трудно и порой мучительно налаживалась семейная жизнь? Почему несколько раз она действительно была на грани крушения? Социологи, которые изучают причины распада молодых семей, часто видят их в отсутствии любви между супругами. Но Лена и Анатолий любят друг друга. Бывает, что все губится пьянством мужа. Тут не то — Анатолий не пьет. В иных случаях угнетает молодую семью ненастроенный быт, отсутствие жилья. Но у наших героев и здесь все в порядке: немного пожили с родителями и вскоре получили квартиру.

Трудности становления семьи Северцевых (да, видимо, и многих других семей) состояли в ином. Молодые просто не умели наладить обыденные, будничные отношения, обыкновенное повседневное взаимодействие. Не хватало знаний, не было необходимых привычек. Недоставало культуры общения, иногда — внутренней интеллигентности, а порой — и элементарной воспитанности.

...Казалось бы, все было предусмотрено и подготовлено, а между тем волнение в тот предсвадебный вечер не утихло.

— Кто едет в загс? Я спрашиваю, кто едет в загс? — добивался отец Лены. — Положено или не положено, я все равно поеду!

— Значит, так, — уточнял свидетель жениха. — Сначала мы выкупим невесту: даем пять раз по три рубля, только не знаю, кому... Потом ты несешь невесту на руках...

— Да нет же. На руках — это после загса... И мелочь надо приготовить: обсыпать молодых...

— Какую мелочь! У Светы рисом обсыпали...

— Кстати, все говорят, что каравай подает свекровь, молодые отщипывают по очереди...

— Не отщипывают, а откусывают, и не по очереди, а вместе. Потом шампанское — и бокалы об пол...

— Я не буду бить бокалы, — тихо возразила Лена. — Неудобно, хулиганство какое-то...

Дискуссия затягивалась, а этикетный рисунок свадьбы не прояснялся, поскольку источники представлений о нем были многочисленны и противоречивы: элементы вековых свадебных обрядов украинского села причудливо переплетались с отголосками брачных церемоний «большого света»; неведомо как проникали в них выплески разгульного купеческого шика, самодовольная напыщенность мещанских бракосочетаний и бесхитростные изобретения городских дореволюционных окраин. Все это вместе дополнялось последними придумками местного загса.

Анатолий, например, испытывал мучительное чувство неловкости, когда его заставляли пить томатный сок из трехлитровой банки, чтобы достать со дна ее ключ от квартиры невесты, потом, когда он на глазах любопытных соседей садился в машину с голым пупсом и разноцветными лентами и разбрасывал конфеты суетившимся во дворе ребятишкам... Особенно стыдно было ему видеть своих друзей, которые с подносом обходили гостей в ресторане и вовсе не в шутку требовали пятерки и десятки на выкуп «украденной» невесты.

Он молчал, терпел и утешал себя: «Скоро все это кончится. Будем жить с Ленкой как нормальные люди. Никаких церемоний! Никаких этикетов! Хоть дома, в своей семье отдохнуть от этого».

Анатолия можно понять и в грустной этой ситуации даже посочувствовать. Но в главном он не прав. Вежливость, приличия, хорошие манеры — это ведь не парадная одежда, которую можно снять, оказавшись дома среди родных и близких. Потому что именно близкие и любимые люди, на чьих глазах и бок о бок с которыми проходит большая часть нашей жизни, особенно остро нуждаются в чуткости, внимательности, предупредительности, в привычных формах проявления уважения.

Анатолий убедился в этом буквально в первые недели семейной жизни, в тот самый пресловутый «медовый» месяц, который потребовал от них с Леной огромного и напряженного труда души. Например, один из первых совместных завтраков вызвал множество проблем и довел молодых до ссоры.

После свадьбы (дело было летом) поселились они на даче у родителей. В тот день Лена встала пораньше и приготовила завтрак: старательно нажарила картошки, уложила покрасивее селедку и устроила на большом блюде «икебану» из овощей. Анатолий прибыл к столу выпавшийся, довольный и по случаю жары полуголый, в одних джинсах.

— Толлик! — укоризненно сказала Лена. — Ну что это такое?

— А что? — непонимающе оглядел он себя.

— Иди и надень рубашку.

— Да брось ты, Елка. Жарко ведь. И нет же никого. А тебе лишь бы... — Тут он вовремя остановился и пошел за рубашкой.

Надо ли удивляться, что жгучая обида замерцала в душе Лены: «Никого нет! Я, значит, для него никто. При мне можно как угодно... Конечно, он думает, что теперь все, никуда, мол, не денется» и т. д. и т. п.

Анатолий явился в рубашке и даже при галстучке, что было уж явной демонстрацией протеста, да еще прихватил с собой свежий номер «Советского спорта». Завтрак начался в молчании, напряженность нарастала, и искра обиды в душе юной жены разгоралась уже ярким костерком.

— Ну, как салат? — Лена попыталась разрядить обстановку.

— Нормально, — отвечал Анатолий, не отрываясь от газеты.

— А картошка?

— Ничего. Только мама картошку к селедке варила «в мундирах». Гораздо вкуснее.

— Может быть, твоя мама и селедку делала не так? — с напускным интересом спросила Лена.

— Конечно, не так. Она, между прочим, снимала

Этика поведения

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

Беата БУШЕЛЕВА,
кандидат педагогических наук

шкурку, чтоб не пачкаться! И вынимала кости, чтоб не подавиться!

К этому моменту пламя пожара бушевало в груди у молодой женщины. Она не знала, что сказать, что сделать, и схватив в одну руку сковородку, а в другую селедочник, метнулась к мусорному ящику, выкрикивая на ходу сквозь слезы: «Все не так! Все плохо! Ну и езжай к своей дорогой мамочке!»

Пословица гласит: «Милые бранятся — только тешатся». Конечно же, Лена и Анатолий скоро помирились. Были объяснения, слезы, благородные самообвинения, сладость взаимного прощения и радость воскресшей любви.

Одна молодая женщина как-то призналась: «А знаете, я иногда из ничего нарочно ссору устраиваю, небольшую, конечно... Как зачем? Чтобы потом мириться. Ужасно хорошо мириться!»

Увы! Это очень небезобидное «развлечение». Каждая ссора оставляет царапину на душе, иногда маленькую и незаметную, иногда глубокую и кровоточащую. Они заживают, но остаются шрамы. Покрытая рубцами обида, черствеет и грубеет душа, в ней медленно прорастают зерна равнодушия, а бывает, и того хуже — неприязни, злобы, ненависти.

Лена и Анатолий как-то предались воспоминаниям и долго анализировали, из-за чего же они ссорились в последнее время. Обнаружилось, что не во всем совпадают системы их ценностей. Не моральных, не высших, разумеется, а ценностей обыденной, повседневной жизни. Лена, например, любит вечера вдвоем, долгие разговоры, уютное чтение на диване, телевизионные передачи об искусстве. Она не может понять, что Анатолию может нравиться совсем другое: шумные компании, футбол и хоккей, шахматные задачи.

Им обоим не хватало такта, терпимости, способности уважать чужие вкусы. И терпения не хватало. А надо было всего лишь подождать немного, потому что совместная жизнь постепенно сглаживает резкие различия во вкусах и предпочтениях, и появляется общность оценок и отношений.

Вспомним историю с рубашкой. Как все кипело тогда в душе Анатолия: из-за мелочи устроить такую драму! И до чего же он был удивлен, когда как-то заметил, что подобные «мелочи» раздражают и его.

Поношенный халатик, к которому привыкла Лена, стоптанные шлепанцы, а особенно жирные, пахучие маски, которые она, нимало не стесняясь, накладывала себе на лицо в его присутствии, вызвали внутреннее сопротивление, желание сделать замечание.

Случалось, что конфликт возникал, казалось, вообще без всякой причины. Было, например, однажды так. Возвращаясь с работы, Анатолий открыл своим ключом дверь. «Дома? Привет!» — поздоровался он. Лена, не выходя из кухни, крикнула: «Вынеси ведро, у порога стоит». Анатолий привычно отнес ведро, а вернувшись, не скрывая раздражения, спросил: «Слушай, тебе не кажется, что Джегска лучше воспитана, чем ты? По крайней мере она высказывает ко мне здороваться, проявляет желание поцеловать, а то и тапки подает». (Джегси, маленькая коричневая спаниелька, действительно, не выпуская из зубов домашнюю туфлю Анатолия, всячески демонстрировала свои положительные эмоции.)

Удивленная непонятным гневом мужа, Лена спросила: Тебе надоело выносить ведро?

— Мне надоело слышать эти «нежные» слова привета: вынеси ведро! Нельзя же каждый день вместо «здравствуй» говорить про это проклятое ведро. Ты даже не соизволишь из кухни выйти. Может быть, тебе вообще все равно, пришел я или не пришел? Так я могу не приходиться.

— Ты сошел с ума! — возмущилась Лена.

— Да, я еще и сумасшедший! Конечно, сумасшедший, потому что нормальный человек не позволит так с собой обращаться.

Он хлопнул дверью и ушел.

Разумеется, дело было не в ведре, хотя упреки Анатолия имели под собой почву. В заботах о доме Лена несколько утратила свойственную ей деликатность и чуткость. Чем иначе объяснишь столь прозаическую форму встречи мужа после целого дня разлуки? Произойди это хотя бы на год позже, когда появились понимание и опыт, Лена бы потушила пожар: повинилась, дала выйти пару из котлов (пусть бы пошумел немного, а она соглашалась бы с ним), расспросила о работе, посочувствовала, успокоила и приласкала. Только так и нужно поступать в подобных случаях. Мгновенная эмоциональная разрядка — вот что это было.

Надо отдать должное нашим героям: они прошли через все испытания, «притирки» без особых потерь. И очень помогло им в этом вот что. После одной из ссор Анатолий, чувствуя себя виноватым, страдал и калялся: «Ленок! Я глупый, я невоспитанный, я толстокожий. Я запутался, я уже не знаю ничего. Слушай, давай напиши мне, что можно, а что нельзя. Выучу, каждый день твердить буду».

Как ни крепилась Лена, но не рассмеяться не смогла. А потом и в самом деле взяла общую тетрадь, написала крупно фломастером: «Я хочу тебе сказать...» — и сделала первую запись:

«Я возилась на кухне и услышала, как хлопнула дверь. Ты даже своего «Чао-какао» мне не сказал. А вечером я раздевалась в прихожей, и тебе в голову не пришло помочь мне снять пальто. А когда ты последний раз подарил мне цветы? Не помнишь? А я помню: десять месяцев назад, когда родился Витюшка. Толлик! Жена — тоже женщина. Правда?»

Дальше шли записи и Лены, и Анатолия: «Ты отсчитала деньги и передала мне, чтобы я расплатился. Таксист видел это. Он улыбнулся нагло и в то же время сочувственно. Лен, я не против, ты наш министр финансов. Но что-то у нас не так. Ну, неудобно мне каждый день ждать эти два рубля. И в ресторане ты платишь. И на работе чуть что, мне надо одалживать. Давай придумаем что-нибудь».

«Толя, пожалуйста, если я рассказываю тебе про Витюшку, оторвись ты от своего футбола. Я понимаю: полуфинал, «Спартак», но нельзя же, чтобы я думала, что мы с сыном тебе менее интересны, чем матч».

«Ребята, наверное, думают, что я «подкаблучник». Сколько раз ты при них говорила: «Я его не пушу», «Перестань, я сказала», «Я тебе не разрешаю», «Ты этого не сделаешь», «Нельзя, и все!» — и в таком же духе. Так сейчас даже с детьми не разговаривают. А я не ребенок, а все-таки муж. И у меня, между прочим, тоже есть мужское самолюбие».

А вот более поздние записи:

«Очень прошу тебя: не рассказывай ты анекдотов про тещу. Особенно при маме. По-моему, она вчера обиделась. И вообще зачем тебе этот пошловатый юмор? Ты у меня и так очень веселый и остроумный».

«Зря я в субботу уехал на рыбалку. На душе было неспокойно, как вы там с Витюшкой, не разболелся ли он после того дождя. И рыба ловилась плохо, и уха была пресной. Напрасно ты меня не отговорила. Мне без тебя теперь все чаще бывает совсем неинтересно. Елка, ходи со мной на футбол хоть иногда».

На этом Лена и Анатолий прервали свои записи. Но и те, что остались, очень помогли им выстроить свои отношения, научиться замечательной науке щадить, беречь, поддерживать, ободрять и совершенствовать друг друга в будничной, простой, трудной, но такой прекрасной жизни под крышей дома своего.

Аскольд ЯКУБОВСКИЙ

РАССКАЗЫ

ПРИЖОСНОВЕНИЕ

Добрый охотник

Зверь моргнул... Он таился ниже полосы ночного леса и моргал еще, еще... А сам не догадывался, что я вижу, как по радужке его глаза ходят синие и желтые точки.

Глаз этот светился рыжим светом, он был виден так далеко, что я сначала принял его за звезду, потом за светящееся окно. Даже вообразился собачий лай.

Но чем ближе я подходил к нему, тем яснее виделись мне и этот глаз, и округлая голова с мощным куполом черепа, выпиравшая вверх метров на пятьдесят.

Он так огромен, а я один, и вокруг меня ночь.

...Я шел, а затаившийся зверь то и дело моргал. И ниже его мерцающего глаза мне виделись пасть, и вываленный широкий язык, и толстые лапы, спрятанные в кусты.

Мне даже казалось, что я вижу и второй его глаз, пока что прижмуренный. А когда зверю будет нужно, он распахнет его во всей его убийственной силе и прыгнет.

До него еще двести метров? Или вся тысяча? Сейчас он прыгнет или еще подождет?..

Вот готовится: шевельнулся гребень, украшавший его голову, и ночной ветер, сойдя с его головы, пробежал по мне, принесся запах берез.

Они пахнут и ночью, березы, если покрыты росой или обжурены дымом костра.

Ночной ветер пришел, и я очнулся и увидел все, как было на самом деле: костер у подножия холма и черные березы на его макушке. Зверя нет, а только мой полусон, родившийся, когда ночь, и усталость безмерна, и твоей дороге не видно конца.

От ветра, принесшего мне запах берез, костер загорелся ярче. Этот похожий на глаз костер горел сухим, бездымным пламенем. Видно, он давал много жара, потому человек и ушел от него к краю высветленных им рыжих кустов и был едва виден мне. Полусон не оставил меня. Но теперь холм казался мне добродушным зверем, крупнейшей ручной скотиной.

Мне даже захотелось сказать ему: «Чего смотришь, милый?» (Когда скот так огромен, с ним лучше говорить ласково.)

А зверь моргал, подзывая меня. Другие холмы тащились сзади меня черным ящероподобным стадом.

Мой полусон продолжался. И было отчего: я ходил весь день, отупел, проголодался. Мне хотелось крепкого чаю, но и вообще воды не было, а только пустая фляжка лежала в моем мешке. От ружейного ремня горело плечо.

Ружье у меня старое, отцовское, тульское, пицаль весом в три килограмма пятьсот граммов.

Холмы шли за мной от самого горизонта. Я шел к ним спиной, мне было жутко. Казалось, что они прыгнут и схватят меня. Сейчас!

Потому я шел вполборота к ним и видел их горбы. Холмы брели за мной, перегоняя друг друга, одни высокие, другие низкие, одни с ровной спиной, другие с множеством шишковатых вздутий. Но теперь не боюсь! Зверь с огненным глазом совсем близок, он будет защищать меня от идущих сзади.

Я присяду около его толстой лапы, вблизи зеленошерстистых губ. Надо мной всю ночь будет гореть его сторожевой глаз. А если те, что позади, приблизятся, зверь заворчит и откроет второй глаз. И те шарахнутся, сгрудятся в черную массу и разойдутся по своим местам, станут нормальными холмами. Я выплещу под его защитой. А днем я буду искать другие охотничьи костры — по их дымам — и стану подходить, вести разговор, притворяться лопухом и ждать одно слово, только слово, понятное одному мне.

Я поднялся к костру и вошел в его светлый круг. И увидел человека — он повернулся ко мне.

Я узнал его. Мы встречались с ним на полевых состязаниях собак, он был судьей, а я фотографировал. От отца слышал о нем. Что-де он славился добротой и уступчивостью. И будто люди, встречаясь, сильно тянулись к нему.

Звали его Добрым охотником. Добрый с большой буквы, а охотник так, маленькой, презрительно.

Добрый охотник... Но фамилии я его не помнил.

Охотник и в самом деле был добр. Он вошел в освещенный круг с охотником сухих веток.

— Чаю хотите? — спросил он.

— О-о... — только и мог сказать я ему и сел, не снимая ни ружья, ни рюкзака. Мне было и неудобно, и хорошо.

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

— Значит, хотите? — сказал Добрый охотник и стал возиться с костром. Хотя он и так горел светло, ярко, ровно. Но охотник совал в огонь березовые рыхлые палки.

Я и сам люблю жечь такие дрова. Они получаются из давно умерших, лежалых берез и ломаются руками. Горят они слабее обычных дров, но приятно горят, без дыма. Добрый охотник сходил к ручью, и мы молчали, ожидая, когда закипит чай. Кипятился он в алюминиевой закопченной дочерна фляжке, подвешенной к палке за проволочную петлю.

Добрый охотник, пошевеливая костер, сказал вдруг:

— Я вас знаю, вы Галенкин-младший.

— Верно, — ответил я и положил ружье. Поворочавшись, снял рюкзак и прилег. И теперь с одного бока мне грел костер, с другого холодил ночной ветер.

— Чего же вы бродите ночами? Надо спать в стогах. Или не спится? (А я ходил к охотничьим кострам и все прислушивался, искал человека, убившего отца. Почему бы мне не найти его, ведь он охотник и ночью, у костра, может, и проговорится).

— Люблю костры, — ответил я.

— Вот, вот, я человек этого века, — говорил мне Добрый охотник. — Имено машину, ружье-автомат, телевизор. А все же тянет меня к огню. И, знаете, я очень рад, что вы в вашем горе полюбили и охоту и костры.

— Атавизм, — сказал я и стал шарить в рюкзаке, ища еду. Но Добрый охотник запретил мне шарить и сам достал кружок копченой колбасы и большой кус хлеба. Дожидаюсь чая, мы ели хлеб с копченой колбасой. Затем пили чай, и мне было почти хорошо. Телу хорошо.

— Охота спасет вас, — говорил Добрый охотник. — Это же замечательно, что есть на свете Сибирь. Сколько дичи! Сколько интересных людей! Вот и ваш отец... Хороший он был человек, земля ему пухом, и снимал зверей, как бог! У меня есть его снимки, моих собак, конечно. Люблю я хороших людей и коллекционирую воспоминания о них, — говорил Добрый охотник. — Их собираю на старость. Знаете, скоро люди будут жить долго, лет так по сто восемьдесят. Им будут нужны такие вот коллекции в памяти.

«А мой отец жил всего сорок лет», — подумал я и сказал:

— Простите, но я очень устал и хочу спать.

Добрый охотник дал мне куртку и остался сидеть. Должно быть, рылся в своей коллекции.

— А парень-то зябнет, — спохватился Добрый охотник, говоря сам с собой. — Накрою его пиджаком, да еще вскипячу чайку, да стану думать о нем. Пить чай и думать до рассвета у костра. Что может быть лучше?

...Проснулся я поздно, часов в десять, и мы позавтракали. А затем охотились вместе до вечера. Ничего не убили. Мы пришли на станцию и взяли билеты в город.

Мы сидели и ждали электричку, и мне было интересно глядеть на других охотников, слушать их разговоры.

Охотники стояли кучей, их же собаки устали так, что не обнюхивались, не грызлись, не дрались друг с другом. Стемнело.

И, словно ранняя звезда, засветился чей-то костер. Добрый охотник заговорил с кем-то, и я пошел на эту звезду, в темь ночи.

Холмы поднимались. Костер-звезда мигал призывающе. Я брел к костру.

Я купил на станции хлеб и папиросы и теперь курил. Я шел, вдыхая горький дым, и чувствовал, что сапогом натер ногу, а ремень тяжелого ружья вот-вот пережмет мое плечо.

Грудь земли

Я взобрался на холм.

На нем росли сосны. Наверное, лет двести они сыпали хвою на эту выпученную песчаную землю. Их скользкие иглы и упавшие чешуи лежали всюду, в самой малой складочке, у каждой увядшей травки. Потому склон холма и был так скользок.

Я поднимался долго: холм выпирал округло, как твердая грудь девушки. В центре его, среди красных сосен, я нашел черный пенек.

Я сел на него, я осматривал — сверху — места, поросшие раздетыми весенними березами: тот человек убежал, но куда? Станция?.. Она в противоположной стороне, и туда сразу ушел Павел. Есть еще река, желтая и взбухшая. Там перевоз и шоссе, спрятанное от меня осинником. И там Исков: мы обложили браконьера со всех сторон, деваться ему просто некуда. Так где же он?.. Куда идет?..

А, куда бы он ни пошел, я далеко увижу его в бурой лесостепи с березовыми колками, с желтыми огоньками недавно зажегшейся мать-и-мачехи. А может быть, он придет сюда осмотреться? Ладно, буду ждать, здесь хорошо. Мне даже захотелось пожить на этом холме, среди весенних голосов сниц.

Приятны эта земляная грудь, черный сосок — пенек и зеленые струйки молодых сосенок.

Ладно, буду ждать. Я бросил плащ на сухие иглы, лег на спину и смотрел вверх, на небо в промежутки сосновых крон.

Оно слепило меня. Тогда я повернулся на бок и подумал о том, что мне покойно, хорошо лежать и думать о том, что... что я лежу, и у меня приятно мутится голова от этого.

Лежать бы здесь вечно! Глядеть на лиловый березник, на синеву сосен, на желтые точки бабочек-лимонниц и мать-и-мачехи.

Да, мне хорошо. Но как тяжело бежать тому, в высоких сапогах. Да еще ружье, патронташ, мешок с дичью.

Какая дичь?.. Тетерева, еще кое-где оставшиеся, утки, прилетевшие сюда в небольшом количестве. Но мало уток и косачей, и потому-то мы здесь: Исков, Павел и я. А браконьер смог бы уйти незаметно. Но уж больно хорошо пролетел тетеревиный косач, муж пестрых тетерок.

...Мы оказались здесь вовремя.

Часа два назад мы вышли из поезда и побрели теми дорогами, по которым когда-то хаживали сюда, деловыми и озабоченными, с ружьями за плечами.

Но сейчас было запрещено охотиться, так как осталось мало птиц. И теперь мы шли помешать нарушителям запрещения убить их.

Шли и громко жалели о той молодой поре, что ушла вместе с богатыми охотами и не вернется, хоть тресни! И мы нравились себе не охотящимися, а сберегающими последнюю дичь. А весна нагоняла и грусть и умиление.

Мы, три деловых, занятых человека, перестали быть трезвыми и деловыми, а становились нежно тающими...

Мы показывали на первую ожившую лягушку, прыгавшую через дорогу, радовались комарам-кусакам, тыча пальцами, указывали друг другу на разные весны, составляющие одну Весну.

Ибо здесь была и Снежная Весна — с проталинами в оврагах, была Пестрая — среди деревьев. Была Голая Весна — всюду! И даже Зеленая, в угревах, где торопливо распускались медуницы, а муравьи поправляли свои общезития.

— Верите! — одергивал Исков нас с Павлом. — Пока нет трясогузки, нет и зеленой весны. Это обман, не верьте!..

Когда же Павел вспугнул косача, мы умилились тому, что он летит, не боясь выстрелов, легко уносит крепкое тело. А завтра утром (может быть, и сегодня вечером), булькая горлом, он станет тосковать и любить пестрых тетерок. И так продолжит себя в грядущих веках. Но грянул выстрел, и над таловыми кустами поднялся красивый дым и тут же рассеялся. А косач? Он упал вниз.

Стараясь удержаться и лететь, он трепетал крыльями... Упал!

И кончились восторженные крики, мы стали деловыми людьми.

Мы негодовали (и, признаться, завидовали стрелявшему).

Даже представилось: выстрел разлился широким пятном и стал быстро-быстро сворачиваться в черную каплю.

Ею был упавший тетерев-косач. Он лежал в желтой траве, ярко горевшей на солнце.

А мы замерли и, таясь в кустах, ждали ворюгу-браконьера.

Чтобы он вышел из берез в глубоких сапогах, держа ружье под мышкой. И был перепоясан патронташем и нес на спине тяжеленный рюкзак.

Не видя нас, он перешагнет весенний ручей, и ветер, что всегда тянет вдоль воды, принесет к нам запах птичьих перьев, пота и горелого пороха.

Он поднимет косача, ухмыляясь, и увидит, что мы идем к нему. Это будет так неожиданно, он сначала крикнет, куда попала его дробь (так сделал последний схваченный нами браконьер). А затем он поймет и наше присутствие и что мы не простим ему косача, а его мешок для нас прозрачен.

Он рванется, отбежит. Вскинув ружье, он стрельнет вверх, чтобы уверить нас, что готов на все.

Это, конечно, будет сильный городской мужик. Он побежит рывком в тяжелых сапогах, с ружьем и дичью, но выдохнется и встанет.

И тогда мы подойдем к нему.

Но браконьер не вышел поднять косача. Видно, он приметил нас и затаился, понимая, что мы загнали его, еще не гоня, и отсюда есть лишь два пути убраться в город, один — идти к переправе через мутную весеннюю реку. Другой путь вел к электричке.

Он заметил нас и не вышел, залег в кустистых местах. Но мне бы не хотелось быть на его месте.

Исков ушел к переправе, а Павел — к дороге, ведущей на станцию. Я же поднялся на холм, откуда видно все. Но пока что я вижу бабочек да сосны с еще не заросшими глазами сброшенных сучков. Я считаю мутовки сосен.

Солнце греет. Я считаю, и меня клонит в сон. Пролетают бабочки-крапивницы и лимонницы, свистя крыльями, проносятся чирки (а когда-то здесь было полно крикух).

...Я засыпал, и мне полусонно мечталось, что именно я увижу шевеление в кустах и выйдет — ко мне! — тот человек, держа ружье под мышкой, готовый на все. И я посвечу бритвенным зеркальцем (оно в пиджаке, его правом кармане) Павлу, маячившему у осин, поморгаю Искову.

Я дам сигнал — три раза по три мигания, что означало: он здесь и готов на все.

Сам же пойду ему навстречу, съезжая по скользким иголкам земной груди. Срежу прутик и, помахивая им, пойду. Все трое мы пойдем с прутиками. Исков это называет «психологической атакой», он и Павел отчего-то любят рисковать именно так. Мне это кажется глупым, но чего не сделаешь для друзей?

...Хорошо здесь... Ветер сгоняет комаров. Вот муравьи тащат пойманного жука на грабей и расправу. И качается горизонт, и творится чудо весеннего дня. А лучше этого ничего не бывает.

Жить бы здесь вечно, на этом холме, среди качающихся сосен. Но мелькнуло красное — он!.. Идет?..

Свершилось! Я встал и тоже иду навстречу браконьеру. И в правую щеку мне дует холодный ветерок, а в глаза бьет яркое солнце. Я срываю ветку на ходу, ее сухожильное тельце, и чую запах коры. И прикидываю путь браконьера: он идет по той же тропке, по которой я шел к холму. Мы встретимся скоро, быстрее, чем подойдут ко мне товарищи.

Я вынимаю из кармана бритвенное зеркальце и посылаю им еще одного зайца. И сразу два из солнечных зайца ударили в меня и разлетелись искрами.

И, протирая слезящийся глаз, иду неторопливо. К чему спешить?

Тот человек (мне видна его шапка) идет среди зацветших ив.

На каждой ветке сидит выводок желтых сережек-цыплят. Им тепло здесь, но отчего так зябко мне...

Почему? Ко мне спешат Исков и Павел, перепрыгивают канавки и лужицы.

...Я прохожу строем ольшаника. Бог мой, птица взлетела. Я и не приметил какая. А эти кусты... Их много, они высоки и прозрачно-безлиственны. А солнце!.. Сколько точности в прорисовке каждой трещины в коре! Какой безжалостный свет!

Вот желтые цветики.

Отчего весной так много желтизны в цветах? И почему так хилы тела весенних цветов? (А холодок гуляет под рубахой — удивительное, сладостное чувство страха).

Мне слышна плещущая вода, видно красное пятно рубахи.

Ну на кой черт он оделся в красную рубаху? Чтобы его лучше видели?

И зачем так спешит? Куда он может сбежать в путанице снежных оврагов, луж и раскисшей почвы? Или не знает, что овраг у холма непроходимо забит снегом и льдом, а вода уже обрушила землю и с нею несколько берез и образовала запруду?

Ему не пройти, а он идет. Вот он, широкий и сторбленный под рюкзаком. И ружье у него под мышкой — двустволка. Стволы ее черно блестят, и, словно солнечная дорожка на воде, между стволов рябит прицельная планка.

Ага, понял, он хочет взойти на холм и осмотреться.

Я вышел ему навстречу, помахивая веточкой, и красный гул выстрела опрокинул меня. И ушел понизу, в промежутки кустов. Кричит Исков, кричит Павел.

Или это я сам кричу: «Дурак, зачем ты меня убил?»

Так резко, так невыносимо больно... Но отчего это почву между кустов мы

раньше считали черноземом. Это не чернозем, а был здесь лесной пожар, кусты сгорели, и землю усыпали древесные мелкие угольки.

...Нет боли. Она ушла в черную землю. Я просто лежу и вижу сапоги, ступающие мимо. На подошве их прилипли старые листики и стебелек живой травы. Но он осмотрится и убеет моих друзей!.. И, оставив тело в кустах, я лечу и вижу шапку в цветущих тальниках и темный колыхающийся горб рюкзака.

...Лечу. Моя тень — два ярких пятна. Тут с криком набегают Исков. В руках его березовая жердь, он подобрал ее. Чудак! Надо было идти с ружьем, я давно говорю... Бежит Павел и тоже кричит. Зачем? Я лечу, и моя тень — два солнечных пятна.

Охотник убегает вдоль оврага, я лечу над ним. Он лезет в воду, снеговую и мутную, срывается и падает. И выходит на берег. С него шумно течет, а лицо его страшно. Он вскидывает ружье. Но я бросаюсь ему в лицо, он стреляет и промахивается. В этот момент Исков, будто копье, швыряет жердь.

— Убью! — кричит охотник, грязный и мокрый. Он сильнее их, он ничего не боится: в его руках заряженная двустволка. Но я кидаюсь ему в глаза и прикрываю их.

— Проклятое солнце! — вскрикивает тот. И набегают Исков. Он силен, мой живой дружок, и скручивает руки тому: слышен хруст сухожилий, рвется рубаха.

Тот стонет, упав на колени. А Павел рубит жерди (хоть топорик взяли!) и делает носилки. Браконьер помогает унести мое тело. Пусть несут, мне не жалко его! Я остаюсь здесь и гляжу им вслед. Затем ухожу на зеленую грядку.

Хорошо быть одному! Теперь я буду здесь жить вечно, как мечталось. Вокруг станут гудеть сосны и кричать птица-иволга, будут порхать бабочки, вспыхивая на солнце. И я буду слушать бормотание косачей, похожее на бульканье ручья.

Но друзья, друзья мои! Вы ушли, а я один!.. Навсегда!

...Застонав, я очнулся и вижу: красный гул, а мимо идут сапоги с прилипшими старыми иголками.

Зимой в лесной сторожке

В лесной сторожке нас двое — мышь и я. Она — величиной с наперсток. Я же — огромный в зимней, тяжелой одежде.

На мне валенки и полушубок, шапка и мохнатые рукавицы на струне, пропущенной в рукава.

А еще две пары белья и суконные черные брюки — здесь Сибирь, а не Африка. И все же нам обоим холодно, этим мы похожи друг на друга. Но есть и разница: мышь здесь живет постоянно в брошенном кем-то суконном ботинке.

Я здесь временный житель и зашел только переночевать. Днем я охотился — сначала на косачей с телевиком в пятьсот миллиметров, а затем на полярную сову, залетевшую к нам сюда из тундры. На сову и тетеревов я истратил коротенький зимний день и до сторожки добрался только в сумерках, замерзнув до невероятия. Я шел и без конца щупал ноги: такое было впечатление, что брюки я позабыл дома.

Мороз жал. Около солнца стояли радужные столбы, и мне хотелось плюнуть на съемку и поскорее вернуться домой. Но я обязательно должен переночевать в лесной сторожке.

И вот мы вдвоем, серая мышь и я.

...Когда я вношу дрова и с грохотом обрушиваю их на пол, мышь лезет в ботинок. Но я затихаю, возясь с растопкой, — и мышь вылезает и бежит по полу. И не боится меня, будто мы с ней старые и добрые знакомые. А вдруг это Та мышь, и ее я видел в Ту осень еще полупрозрачным мышонком с ушами и хвостиком не по росту?

Чем-то она жива здесь?

Ходит кормиться в поле? С осени запаслась едой? Наконец, я разжигаю ржавую печь. Когда я, возясь, задеваю ее, с печи сыплется ржавая шелуха и появляется еще одна булавочная дырочка, в которую светит огонь.

Вечная печь. В первый наш приезд мы варили на ней еду. С отцом. Но давно нет отца, и я приехал сюда попрощаться с куском своей жизни и не надеюсь, что еще увижу эту сторожку и печь. А она, чего доброго, переживет и меня.

И вот смотрю на все, что здесь. На кровать, заваленную ржавым травьем, на узенький подоконник, на выставившиеся горбыли, что образуют пол. Мне тоскливо, нехорошо.

...Печь раскаляется, разбухает в темноте и пышет малиновым жаром. Тепло. Я ужинаю.

Бутерброды, что готовила мама, замерзли и скрипят на зубах. Их я накальваю на кончик охотничьего ножа и грею у печки.

Я ужинаю бутербродами, поглядывая на оконце с лунным вензелем, а мышь катается под ногами, собирая крошки. Доверчивая? Смертельно голодная? Но ей хорошо сейчас. Должно быть, крошки и тепло дают ей такую же острую радость, что мне дала Та осень и отец, раздававший эту печь.

Потом его застрелили браконьеры. Я стал ненавидеть сторожку, печь, лес. Только лет через пять или шесть я смог наконец простить ей то, что здесь жили, грелись и ходили браконьеры.

...Еще подкладываю дрова. Куржак отступает со стен к дверям. Жужжит очнувшаяся муха. Я вскипятил чай, пью его и не могу напиться.

А ведь и мне грозило смертью. Сегодня. Во-первых, я чуть не замерз в поле, охотясь с фотоаппаратом на тетеревов и полярную сову, а затем не чаял найти эту сторожку. Но сейчас мне хорошо. Я разомлел от тепла и сытости.

Прихлебывая чай, я размышляю. Допив пятый стаканчик, прихожу к такому выводу: раз мышь существо живое, то есть страдающее, любящее мышенят и думающее серые мышинные думы, оно вправе существовать, как я сам.

Мышь так же правомочна жить в лесной сторожке, спать в башмаке и есть мой хлеб, как я живу в пятиэтажном доме, сплю в кровати, ем, скажем, изжаренную мамой свинину.

Я так думаю: никто не смеет брать чужую жизнь из общего круга жизни, в котором вертимся мы все, держа друг друга за руки, лапы и крылья, — я, мышь, тетерева, которых я снимал здесь, те гориллы, которых я буду снимать в Камеруне.

Отсюда выходит, что мышь равна мне. Какая чепуха! Спать, пора спать. Вот и печь пожелтела, и жужжит проснувшаяся муха. Я ведь устал как собака.

Я ложусь на хрустящую травой постель и говорю: — Спокойной ночи, мышка-норушка.

И натягиваю шапку на голову. Дремлю. И тускнеет, тускнеет печь, и входит, входит холод.

...Очнулся я часа в три ночи. Печь уже почернела, в сторожке лютый мороз, на пол брошен коврик — лунный квадрат.

В нем сидит и шуршит оброненной бумажкой мышь с тонким хвостиком. Холодно голому хвосту. Отчего он не утеплен? Отчего не лохматый? Вдруг мелькнуло что-то, неуловимо живое. Мышь исчезла, словно ее сдули.

Снова мелькнуло Черное Нечто. Мне становится жутко лесной бесформенной жутью, охватывающей по временам одинокого человека, даже от пустяка.

Я достаю спички. Чиркнул — и грозное великолепие зимней лунной ночи, вошедшей в жилище, сменил грязный, шатающийся свет.

И сама лесная сторожка вдруг заколыхалась, вот-вот обрушится. А когда огонек подходил к пальцам, жег их, я увидел пробегающую ласку: она вильнула за темную печь. Ласка — мышеед! Это не ленивая кошка, а бойкий и хваткий зверь.

Значит, жила-была мышка. А жутко, должно быть, когда тебя хватает сильная зубастая тварь.

Ничего не поделаешь, такова жизнь: мышь ела хлеб, ласка съела мышь. Конечно, есть других некрасиво и лучше обходиться без этого, но жить все-таки нужно. Даже мы, люди, едим всех, кто слабее и глупее нас.

Мы едим птиц, зверей, рыб. Но когда лев или акула начинает есть людей, нам это не нравится, и мы убиваем льва.

Мы едим их, и некуда деться от этого факта. Но тогда мы должны отдавать что-нибудь, по ценности превышающее съеденное нами.

Например, давать изумительные городские пейзажи художника П. Герасимова, те снимки отца, что уже столько лет кочуют из одного издания в другое и говорят-говорят-говорят всем о красоте животных, этим спасая их.

Надо спасать разную живность, цапаясь с браконьерами свирепо, как Исков, капитан Лобов и его друг, мудрейший Перердеев.

Да, такие шли ко мне лесные, дремучие, странные мысли. Постепенно их вытесняет образ оставшегося от мыши резинового хвостика.

Ласка, конечно, не станет жевать его, он холодный, упругий. Холод!.. Я поглубже натягиваю шапку, дышу в воротник и сонно думаю об одиноком резиновом хвостике, что скучает о мышке.

Вдруг ощущаю холодный комочек на шее. Тело мое сжимает внезапный страх. Стряхиваю рукавицу и хватаю его!.. Ба, да это мышь. Живая! Сумела удрать! Везет ей.

Я держу зверька в ладони. Мышь замерзла и не шевелится, она вполне доверилась мне. Это приятно. Мыши вообще приятные, чистенькие, махонькие такие, их каждый обидит. И я сую мышь к себе за пазуху — пусть ласка останется без еды!

Сунул зверька и провалился в сон и тут же очнулся. Пощупал за пазухой — никого, чиркнул спичкой — мышь в своем башмаке, взглянул на часы — шесть утра, хотя и темень.

Я встал и начал затапливать печь, чтобы у нее ждать рассвета. Дожидаюсь его, я прикидывал, где мне искать ночевавших в снегу косачей и как их лучше снять. Так, чтобы другие фотографии ахнули. И решил я применить сразу три фотоаппарата, собрав их на одном ручном штативе, его еще отец придумал.

Оптику употребляю такую: широкоугольник в двадцать восемь миллиметров, чтобы схватить картину, снежный лес и рванувшихся из снега косачей. Затем нормальный и телеобъектив. Вот будут кадры!

Но что-то оставалось у меня от моих ночных мыслей. И, уходя на рассвете, я выгнал вон ласку.

Угрызения меня не мучили, такая она оказалась толстая и довольная. Должно быть, в сторожке уже не одну мышь слопала.

Оставив мыши кусочек хлеба, я вышел на мороз и зашипел на него — такой крепкий! Встав на лыжи, я пошел напрямик к всплывающему, как азостат, солнцу. Оно красное, и около него уже топтались, становясь на пост, два миллионера.

Я трижды снял солнце телеобъективом в сто тридцать пять миллиметров, каждый раз меняя выдержку.

Светлело. Я заторопился. На штативе висели, оттягивая шею вниз, три камеры. И, совсем как отец, я боялся, что их затворы замерзнут и не сработают.

...Я вернулся в сторожку днем, часа в два, промерзшим до костей, но все же довольным человеком.

Съемка удалась. Я снял косачей сначала широким углом, затем «Москвой», затем телевиком.

Снежные взрывы тетеревиного взлета должны здорово получиться на пленке. В институте им обрадуются.

И снова я калил печь, грелся и пил много чая, растапливая снег в котелке. Было жарко, как в Африке, аппараты оттаивали, я же простился с этим местом. Оно отошло, отвалилось вроде коросты, а когда именно, я не заметил.

Когда целился в взлетающих косачей?

Когда бежал на лыжах, и мороз прожигал меня со всех сторон, и я думал, что вот отцу даже не снилось, что я поеду в экспедицию в Африку, и стану снимать его любимой пятисоткой африканских слонов.

А еще я думал о лесной сторожке и мышке, живущей в башмаке. Их обеих я больше не увижу. Но мне они были дороги: одна приютила меня, а другая разделила со мной морозное одиночество ночи. Мне была другом серая мышка — я не знаю брезгливости к зверю, я люблю их всех, африканского крокодила, сибирскую лесную мышь. Мне повезло, я таким уродился: в отца. Он бы тоже спас мышку. Она выживет, и в Африке я буду думать о том, как там, в сторожке, живет моя мышка. Хорошо, что я оставил ей хлеба.

Н

аверное, каждый человек начинается не со дня рождения, но из глубины истории его народа, земли, на которой жили его предки. И в этом закономерность и постоянство Жизни... Когда задумываешься над тем, где твое начало, то стремишься копнуть пласт поглубже, открутить ленту памяти подальше в прошлое.

Моя память хранит рассказы отца о дедушке, бедном крестьянине-литовце, который своим трудом на земле кормил многодетную семью. Половину своих детей дедушка похоронил, среди живых остался мой отец Юозас.

В ту давнюю пору в деревне была одна забота — прокормиться. Беспросветная нищета, от зари до зари труд в поле. И нет ему конца, и никаких светлых дней радости... Люди рождались, жили на земле, трудились на ней и умирали, так и не узнав счастья, нигде, кроме своей деревеньки, не побывав, ничего не увидев.

Отец рассказывал мне, как решил пробиться сквозь

Вилкавишкисе. Оставшись без работы, он переезжает в Каунас и устраивается там портным в одной из мастерских. Позже в Каунас приезжает его невеста, и молодые люди вступают в брак.

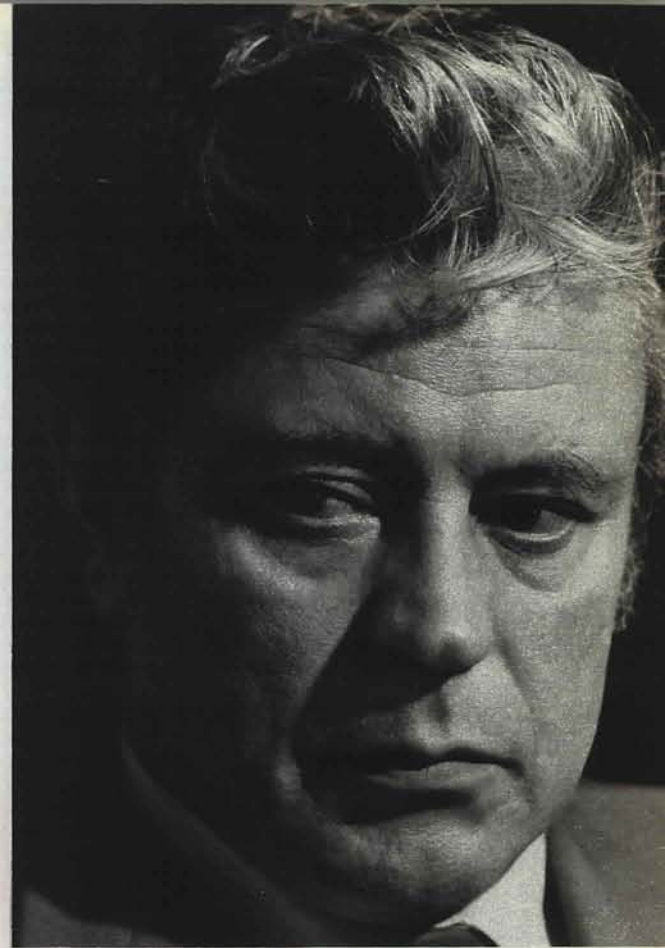
В столице — тогда Каунас был столицей Литвы — отец продолжает политическую деятельность, выступает на митингах, распространяет коммунистическую печать. К тому времени он уже несколько лет — с 1918 года — член Коммунистической партии Литвы.

Я родился в Каунасе в 1924 году...

В 1926 году в Литве произошел фашистский переворот. В стране был введен жесточайший режим, начался кровавый террор против компартии. Были разгромлены многие прогрессивные общественные организации, профессиональные союзы.

Отец попал за решетку, а после выхода из тюрьмы решил полностью посвятить свою жизнь политической борьбе. Какое-то время он оставался в Литве, а в 1929 году эмигрировал в Бразилию. Мама и мы с сестрой остались в Каунасе и стали ждать вызова...

(До сих пор я воспроизводил по памяти то, о чем

РАБОТАТЬ НА ЖИЗНЬ

Донатас БАНИОНИС,
народный артист СССР

эту толщу беспросветного существования. Был он поначалу пастухом, но потом оторвался от деревни и, когда начались события 1905 года, примкнул к революционному движению. Сделал это он едва ли сознательно, просто его интуитивно потянуло к людям, призывавшим к справедливости.

Было ему в ту пору пятнадцать лет...

После первой революции отец уехал в Варшаву — искать работу. Устроился учеником к портному. Условия жизни страшные — полуголодное существование, помощи никакой, да и ждать ее неоткуда.

Накануне первой мировой войны отца мобилизовали в царскую армию, и вскоре он, как тысячи других солдат, испытал на себе все тяготы фронтовой жизни. В одном из боев был ранен и демобилизован как инвалид.

В Литве в ту пору хозяйничали войска кайзера, и отец обосновался в Смоленске, где поступил на фабрику. В Смоленске же вновь примкнул к революционному движению, там и встретил Октябрьскую революцию.

Когда немцы ушли из Литвы, отец вернулся на родину, поселился в небольшом городке Вилкавишкисе. Сейчас это районный центр Литовской ССР, известный двумя своими заводами — консервным и металлоизделий, а также издавна — с XVI века — знаменитой в Литве швейной фабрикой. Так вот, в Вилкавишкисе отец уже полностью втянулся в политическую деятельность, вместе с товарищами организовывал партийные ячейки. Находясь на полуправильном положении, он стал одним из организаторов социал-демократического движения в городе.

Человек деятельный, жадный до всякого рода просветительства, он активно участвовал в любительском творчестве — пел в хоре, выступал в различных любительских кружках. По тому времени он был уже в достаточной степени грамотным и прогрессивным человеком, изучал «Капитал», общался с городской интеллигенцией, людьми просвещенными — адвокатами, врачами, студентами, стремившимися внедрить в сознание людей передовые революционные идеи.

Там же, в Вилкавишкисе, на одной из репетиций хора познакомился отец с моей будущей матерью, Оной Блажайтите. Так же, как и он, мама происходила из бедной крестьянской семьи. Отец рассказывал мне, что удивительно схожими были судьбы литовских сельчан Баниониса и Блажайтиса...

Все тяжелее и тяжелее становилась жизнь отца в

узнал из рассказов отца и мамы. Со времени отъезда отца в Бразилию начинаю уже сознательно припоминать дальнейшие события).

Итак, мы ждали вызова. От отца приходили письма, в которых он писал о трудностях жизни на чужбине. Через год письма неожиданно перестали приходить. Мы не знали, что и думать. Наконец, через знакомых узнали, что отец арестован за участие в местном революционном движении и находится в тюрьме.

Мы жили очень бедно, как говорится, на грани. Денег ни на что не хватало, и нас с мамой и сестрой хотели уже выселить из крохотной комнатухи. Топить было нечем, и грелись мы больше у примуса, когда мама готовила какую-нибудь незатейливую похлебку. У меня не было даже ботинок. Мама вязала носки, и, надев их, я обувался в старые калоши. И ждал, ждал лета, когда не нужна никакая обувь, а можно бегать босиком.

...В один из мартовских дней 1930 года я сидел у окна и смотрел на улицу. Вдруг увидел идущего по двору человека. Он был без пальто, хотя еще по-зимнему холодало. Не могу объяснить, почему, но почувствовал: отец!

Жизнь понемногу налаживалась. Отец стал работать, я пошел в школу. В собственных ботинках!

Оказался я способным учеником. А вскоре учителя заметили, что у меня некоторые склонности к лицедейству. На первой же новогодней елке читал стихи. Участь на втором, затем на третьем отделениях (тогда в литовской школе классы назывались отделениями), уже постоянно участвовал в детских представлениях.

Откуда такое? Видимо, все-таки от отца с мамой, которые в свое время активно участвовали в рабочей самодеятельности.

Очень любил театр и кино. Но попасть в театр было сложно, недоступными оказались цены на билеты, денег же едва хватало на жизнь. С кино дело обстояло получше, полечче.

Но вот настал день, когда я впервые попал в театр. Это было как освобождение! Освобождение от трудной жизни, от забот каждого дня. В театре я забывал обо всем, что было вне его. Смотрел на какую-то иную, потустороннюю жизнь, волшебную, придуманную, но казавшуюся совершенно реальной. Кто-то — из незнакомого мне мира! — ходил по сцене, что-то говорил, был кем-то из другого времени, о котором я не имел никакого представления, и это завораживало, останавливало дыхание!

И появилась мечта. Чего в ней было больше,

желания играть или побыть кем-то другим, в другой жизни, не знаю, не ведаю. Но с того дня что-то со мной произошло, что-то изменилось круто и навсегда.

И вот окончил я шесть отделений начальной школы. После этого дети обычно поступали в гимназию. И я, верно, поступил бы в гимназию, плату за обучение родители могли бы «наскрести». Но отец решил иначе: мне следует обучиться какому-нибудь ремеслу — это всегда заработок на хлеб насущный. К тому же в ремесленном училище обучение было бесплатным. А так как обнаружили у меня некоторые склонности к художественному творчеству, то и решили родители: пусть поступает сын на отделение керамики. И в 1937 году я стал учащимся Первой ремесленной школы Каунаса.

Учиться было интересно, потому что мы действительно занимались в школе настоящим художественным ремеслом — рисовали, лепили из глины.

Отец продолжал работать и подпольно занимался революционной деятельностью. Когда же в 1940 году Литва стала советской, он полностью посвятил себя партийной работе, стал парторгом одного из заводов.

Участь в ремесленной школе, я был уже сильно заражен театром. Стал играть в спектаклях организованного в нашей школе драматического кружка, чаще ходил в театр, кино. Играть тянуло неотделимо. Нет, я не собирался, даже не думал стать актером, просто очень хотелось быть на сцене. Да и пожелай я обучаться актерскому ремеслу, это оказалось бы невозможным: учеба в студии Каунасского театра драмы стоила немалых по тому времени денег.

Были у меня в те годы довольно странные представления о путях вознесения на актерский Олимп. Начитался рассказов о том, как та или иная звезда кино начинала едва ли не посудомойкой в Голливуде, затем — случайное участие в массовке, там заметили, и вот уже имя этого счастливейшего (или счастливейшей!) из смертных на все лады выкрикивает яркая реклама крупнейших городов мира. Я и считал: только в Голливуде волшебная мечта может превратиться в не менее волшебную реальность.

Но мечты мечтами, а жизнь шла своим чередом. В том же тридцать седьмом году в Каунасе при Палате Труда (так назывался тогда Дом профсоюзов) создали самодеятельный театр, вернее, студию, которая со временем должна была превратиться в рабочий театр. И, конечно же, я сразу поступал в двери этого заветного заведения. Но меня, увы, не приняли. Молод, сказали. Я действительно выглядел

моложе своих тринадцати с небольшим лет — невысокого роста, худой, угловатый...

Многие из моих друзей тоже попытались счастья, кое-кому из них повезло. Например, Бледису, который учился в нашей ремесленной школе так же, как и я, на отделении керамики. Повезло и молодому продавцу Бабкаускасу. Оба в будущем стали блистательными актерами Паневежского театра. С ними довелось мне играть не в одной сотне спектаклей, в кино.

В новом любительском театре ставили пьесы, и мои друзья уже играли большие роли.

В это время из Англии вернулся тридцатидвухлетний Юозас Мильтинис. Был он «левым» и в политике, и в искусстве. Власть не любила его, отвергала его идеи передового театра. Как раз в ту пору любительский коллектив при Палате Труда остался без руководителя, и Мильтинису сказали:

— Бери этот коллектив и докажи, что ты великий режиссер.

Мильтинис пропустил насмешку мимо ушей. Он горячо взялся за дело, стал подлинным руководителем любительского театра, объединившего городскую рабочую молодежь.

Я же по-прежнему страдал от того, что меня не принимали. Ходил на спектакли, встречался с друзьями, жадно выспрашивал у них:

— Ну как? Интересно?

— О-о!..— слышал в ответ восторженные восклицания счастливых.

Наступил 1940 год, в Литве установилась Советская власть. И так случилось, что в суматохе первых дней рабочий театр... был закрыт. Тогда его активисты пошли к первому советскому президенту Литвы Юстасу Палецкису, который помог восстановить деятельность рабочей труппы. Более того, был подписан Декрет о создании на основе любительского театра профессионального коллектива. Для пролетариев Каунаса это было большим событием, так как создавался, по сути, центр рабочей культуры.

Новый декрет открывал двери в будущий профессиональный коллектив каждому способному человеку, независимо от его социального происхождения, образования.

Руководителем создаваемой труппы назначили Станулиса, а Мильтиниса — рядовым режиссером. Но Станулис отказался от руководства. И тогда вновь потребовались талант, опыт и потрясающая энергия Мильтиниса. Он создал труппу и увез ее в Паневежис, где вскоре и открылся новый профессиональный литовский театр.

Друзья писали из Паневежиса полные восторгов письма: учимся, репетируем, готовим спектакль. Я же каждый раз с нетерпением спрашивал, когда мне можно будет приехать. Бледис отвечал: подожди.

И вдруг, буквально через месяц, молодой театр приезжает в Каунас с двумя спектаклями — «Падью серебряной» Н. Погодина и комедией «Вольфоне, или Лиса» Б. Джонсона. Это был первый отчет новой труппы в тогдашней столице нашей республики. И показывали паневежцы свои спектакли на сцене Каунасского государственного театра драмы. В ту пору я уже выходил как статист в спектаклях этого театра — подрабатывал таким образом. Но главное, бесплатно мог смотреть все спектакли.

На второй день после приезда паневежцев Бледис повел меня за кулисы — к Мильтинису. Юозас Ионович гримировался, он был не только руководителем театра, но и играл в спектаклях.

Бледис сказал:

— Это тот парень, о котором я вам рассказывал. Он хочет поступить к нам.

— Хорошо, — сказал Мильтинис и посмотрел на меня. — Завтра утром приходи, посмотрим, что ты можешь делать.

Вне себя от радости я сидел в зрительном зале и уже видел себя на сцене, и жил одной-единственной мыслью: завтра!

Еле дождался утра следующего дня и помчался по указанному мне адресу. Мильтинис остановился в особняке, у своих каунасских друзей. К особняку прилегал огромный сад. В этот сад и пошли мы с Мильтинисом. Еще задолго до знакомства с ним я готовился к поступлению, и поэтому предложение почитать что-нибудь не застало меня врасплох.

Мильтинис остановился, присел на скамейку.

— Тут нам никто не помешает.

Я стал читать и... забыл текст. Уже на третьей строчке стихов.

— Ладно, не огорчайся, — сказал Мильтинис. — Почитай еще что-нибудь.

Почитал я еще немного и умолк. Ждал.

— Хорошо, будешь у нас работать.

— Когда?!

— Да вот поедем мы в Паневежис, а ты с нами.

Теперь я думаю: все, что было раньше в моей жизни, шло к этому главному в ней моменту. Не учись

я в ремесленной школе, разве попал бы я в городской драматический кружок? Будь я в гимназии, очень может быть, поступил бы потом в консерваторию, стал музыкантом, я ведь много играл в самодеятельном оркестре, впоследствии музыкально оформлял некоторые спектакли. А может, занялся бы после гимназии наукой: хорошо ладил с математикой, учителя отмечали это. Одно время собирался изучать авиационное дело... Все это могло произойти, учись я в гимназии...

Но случилось иначе. Я стал актером Паневежского театра, в котором тружусь вот уже сорок с лишним лет.

Первые дни — как счастливый сон. Занятия в студии, этюды, импровизации, первая похвала Мильтиниса... Но на сцену меня не выпускали. Лишь через три, кажется, недели я участвовал в концерте для красноармейцев, изображал в массовке одного из политзаключенных, освобождаемых из тюрьмы. На сцене открывались ворота, из которых и должны были выйти на свободу узники тюрьмы. Не могу передать словами, как волновался — предстоял первый выход на зрителя среди профессионалов, первая, пусть крохотная и без текста, пусть в массовке, но роль! И мне казалось, что все в зале будут смотреть именно на меня, на моего заключенного.

Как же, увидели они моего героя... Я почти уже выходил из ворот, как вдруг моя цепь зацепилась за что-то там за кулисами, и пока я, шепча слова проклятий, освобождал ее, все мои товарищи из массовки вышли на сцену. Наверное, через минуту-другую и я мог бы незаметно выйти из-за кулис и так же незаметно присоединиться к другим, тем более что сцена была в полутьме. Но разве об этом я думал? Конечно, о другом: все, провал! Провалил первый же выход! Все на сцене, а я — нет. Собственно, никто и не считал, сколько вышло людей на сцену, какая разница — одним больше, одним меньше. Но для меня это было драмой, даже трагедией. Глубоко несчастный от случившегося, я сидел за кулисами и... плакал.

Подобные ощущения я испытывал не раз в жизни. И причиной был не какой-то там пустяк, случайная зацепившаяся за что-то цепь (такое в нашей практике называют обычно накладкой). Нет, причина состояла в более важном — роль не получилась! Словом, много было в моей актерской жизни неприятных моментов, какие-то из них я уж и забыл давно, но ту первую свою неудачу до сих пор забыть не могу.

...Через три месяца состоялся мой дебют в театре, в пьесе прогрессивного литовского литератора К. Бингиса «Атжалинас» («Поросль»). Сюжет ее был не очень сложным. В одном классе гимназии учатся два друга — сын бедного сапожника Ясус (это мой герой) и Пятрас (его роль играл Бледис). Ясус — парень как парень, как многие из его ровесников, мечтал стать летчиком. В классе произошло ЧП, пропали деньги, и все почему-то считали, что украл Ясус. Пятрас, спасая репутацию друга, берет вину на себя, приносит в класс деньги отца.

В судьбе своего героя я увидел отражение собственной судьбы. Все в ней было мне близким, понятным: и тема дружбы, самопожертвования, и сама жизнь класса, интересы ребят, их отношения, понимание, что все в жизни основано на дружбе, доброте. Это и дало мне верный материал, адрес для поисков на репетициях. В сущности, я играл собственное чувство, собственное отношение к происходящему.

И все-таки до самого закрытия занавеса не знал, получилась роль или нет. Но вот прозвучал последний текст спектакля, закрылся занавес, потом вновь открылся, и я понял, понял сразу: успех. Видел лица зрителей, слышал аплодисменты — первые в своей жизни профессионального актера! — и испытал ни с чем не сравнимую радость победы, настоящую и огромную радость. Может быть, тогда впервые понял, для чего играю. Понял цену страданий, упорного труда на репетициях, некоторой неуверенности, даже страха перед премьерой.

И тогда вдруг решил: я талантлив, все могу. Думал, как может думать наивный семнадцатилетний парень в счастливые свои минуты. Решил, что открылись мне все тайны актерского ремесла, вообще искусства.

Сегодня с улыбкой вспоминаю ту свою уверенность. Действительность актерских будней еще не раз предаст урок.

Со временем роли стали посложнее, в них надо было играть уже не себя, а перевоплощаться в другие характеры, жить на сцене в другом историческом отрезке времени. По наивности я хотел использовать опыт первой удачи, но скоро убедился в тщетности своих намерений. Первый тупик, первый удар в глухую стену.

Стал проваливать одну роль за другой. На втором

или третьем, кажется, году работы получил роль Карло ди Нолли, молодого маркиза, в трагедии итальянского драматурга Луиджи Пиранделло «Генрих Четвертый». После премьеры увидел, как коллеги смотрят на меня с сочувствием, стараются не обидеть случайно вырвавшимся словом. Кто-то сказал, желая поощрить:

— У тебя неплохой голос.

И я окончательно убедился: провал.

Это был чувствительный удар. Помню, сразу после премьеры убежал из театра, до поздней ночи ходил по улице: не хотелось идти в наше общежитие, боялся встретить кого-нибудь из актеров, боялся их утешительных слов. Бродил по городу и предавался невеселым своим мыслям. А когда в окна общежития погасли все огни, я тихо, как вор, прошел в свою комнату и в темноте повалился на койку.

Так и не заснул до утра, все думал, думал... И решил, что надо мне уйти из театра. Навсегда.

Прошла неделя, другая.

«Что делать? — продолжал я думать. — Что со мной будет, если уйду из театра?»

А тут начались показы студийных отрывков, для меня они оказались удачными, и я немного успокоился. По крайней мере уже не очень решительно был настроен уйти. Играл в небольших эпизодах, играл относительно равно...

В театре многое происходит так же, как и в других учреждениях: удача человека быстро забывается, неудачи надолго остаются в памяти. После «Генриха Четвертого» многие стали поговаривать: зачем-де этого Баниониса держат в театре, какой от него прок, только место занимает. Своего мнения не скрывали некоторые зрители, даже пресса, в которой появились мрачные размышления на мой счет. В одной газетной статье автор без обиняков рекомендовал мне поискать какое-нибудь другое дело, где я смогу приносить большую пользу. В театре, предсказывал журналист, Баниониса ожидает вечное прозябание.

Но Мильтинис не обращал внимания на все эти прогнозы. Напротив, он всячески подбадривал молодого актера, внушал мысль о постоянном труде, который рано или поздно должен принести добрые плоды. Человек умный, опытный, Юозас Ионович никогда в своей театральной практике не поддавался какому-либо нажиму, влиянию со стороны, его мышление в искусстве (и в жизни) всегда было и остается совершенно самостоятельным, в этом у него не грех поучиться некоторым его коллегам.

Время — доктор.

Спустя несколько лет, уже после войны, в нашем театре шла пьеса «В сумраке» Антанаса Веноулиса, народного писателя Литвы, автора многих рассказов, повестей, пьес, исторических романов «Перепутье» и «Усадьба Пуоджюнасас». В пьесе я получил роль молодого крестьянина Эдвардаса. И хотя был городским жителем, постичь психологию своего героя мне помогло то, что рассказы родителей, по происхождению крестьян, о жизни в деревне оставались абсолютно свежими в памяти. Да и сам я часто бывал в деревне, где жил дедушка.

Короче, я видел своего героя изнутри. И сыграл Эдвардаса более или менее уверенно, убедительно. Это признали и в зрительном зале, и в труппе. Но, как говорится, на ноги еще не встал, потому что параллельно были и неудачные роли. И все-таки разговоры о том, зачем-де этот Банионис в театре, наконец, прекратились.

Первой своей настоящей победой считаю роль Андрея Белугина в «Женитьбе Белугина». Внешне я, конечно, меньше всего походил на него, но мне была понятна и ситуация в сюжете, и все отношения между Андреем и его невестой. Уже во время репетиций рождалось так давно не посещавшее меня ощущение — уверенность.

Мне очень памятен зритель первых послевоенных лет. С каким радостным ожиданием люди приходили в театр. Словно на праздник. И особенно любили смотреть на сцене сказки. Верно, война тому виной. Люди хотели вновь и вновь пережить Волшебство, победу Добра над Злом, побить хоть немного в своем довоенном солнечном существовании. Мы, актеры, хорошо это понимали. И потому охотно выступали в различных уголках республики. По сути, наш театр первым в Литве стал вывозить свои спектакли в райцентры, деревни.

Зритель первых послевоенных лет... И невольно хочу перекинуть мостик в сегодняшний день. Сейчас почти в каждом доме есть телевизор, люди имеют прекрасную возможность знакомиться с огромным количеством фильмов, спектаклей, перед ними выступают известные критики, искусствоведы, ведут разговор о том, какое место занимает театр и кино в нашей жизни, неизмеримо вырос интерес людей к проблемам искусства, творчеству лучших его представителей — актеров, музыкантов, художников... И

все это придает труду художника особый смысл, делает представителем любого вида искусства активным в жизни, способным влиять на ход событий, пробиваться к сердцам и душам людей. Все это так, все верно, и может показаться, что все идет нормальным, естественным ходом, без каких-либо преодолений, вообще без всяких «но». Между тем существует проблема, которую я обозначил бы простой формулой: «искусство — зритель». В применении к нашему актерскому труду — «актер — зритель».

Недавно спросил меня один из коллег:

— Как ты относишься к зрителю?

Вопрос интересный, сложный, одной фразой на него не ответишь. Есть авторы, понятные всем. А есть и такие, встреча с которыми требует подготовки — душевной, нравственной, чисто житейской. Эти авторы отнюдь не хуже, а в иных случаях и лучше. Просто они сложнее.

Так вот, актер любит и ценит зрителя и в то же время верит ему и надеется на то, что зритель соперничает вместе с ним, актером. Иначе говоря, предполагается по обе стороны рамп или экрана абсолютное взаимопонимание, синхронность чувств, душевного ритма. Без этой «обратной связи» бессмысленно выходить на сцену, появляться на экране. Художник — режиссер ли это, актер, живописец, музыкант — должен быть уверен, что его поймут... Можно принять или не принять позицию художника, можно отстаивать свою точку зрения, убеждать и убедить (или не убедить) оппонента. Но как быть, если во время спектакля или фильма — я беру отнюдь не из ряда вон выходящий случай — в зрительном зале неожиданно возникает смех, ну, скажем... не совсем вовремя? И это не озорство, не хулиганство, а человек именно так воспринимает ситуацию.

Нет, что ни говорите — тут проблема. И немалая. В театре, мне кажется, ее решать легче, чем в кино; актеры, режиссеры имеют большую возможность встречаться со зрителем, который у многих коллективов уже сложился свой, постоянный. Можно проводить беседы об авторе, его творчестве, как-то заинтересовать яудей, подготовить их к встрече с новым, им неизвестным и, быть может, поначалу несколько сложным для восприятия автором. От этих встреч выигрывают все: и театр, и зрители, потому что происходит взаимное духовное обогащение.

Актер использует свой талант для показа как героических, положительных сторон жизни человека, его характера, так и того, что претит, противостоит самому слову «человечность». Актер и стремится выразить через тот или иной образ свою любовь или ненависть, вообще отношение к любому явлению в жизни. Тут именно важно, не кого (или что) показал художник, но под каким углом, с какой позиции это показано.

Позиция художника! Это главное. Она должна быть принципиальной, прогрессивной. И прежде всего такую позицию надо нести в себе, гражданине, нести ее при встречах со зрителями, на всех публичных выступлениях. И, безусловно, в творчестве.

Чтобы человеку, посвятившему себя нашему делу, состояться как актеру, ему надо прежде всего состояться как личности. Без этого труд актера — обычное лицедейство, не имеющее смысла. Не представляю себе актера без социальной заинтересованности его в том, что он делает, без понимания общественной значимости своего труда... Что до человеческих качеств — характера, привычек, привязанностей, манеры одеваться, вести себя в обществе, — то люди разные бывают. Как порой разобраться в человеке при всей его сложности?

Если же ты эгоист, все твои жизненные и творческие помыслы замкнуты на собственном «я», то как человек ты неинтересен, как художник несостоятелен, потому что не можешь защищать и утверждать в своем творчестве передовое начало.

...Итак, прошел какой-то период моего пребывания в театре. Период сложный, складывавшийся порой просто драматически. Удачи чередовались с неудачами, причем последних было много больше. Кое-что я понял в театре, но практически не мог применить своих знаний на деле. И если честно, то до сих пор не могу сказать, что все удается. Конечно, за сорок с лишним лет появился опыт, постигнуты законы дела, которое выбрал, и все-таки, все-таки... получаешь новую роль — и будто перед тобой белый лист бумаги, совершенно чистый лист, на котором тебе еще только предстоит что-то написать, а что — тебе и неведомо. Новая загадка, новый, порой очень долгий и нелегкий путь постижения. И чувствуешь себя бессильным, не знаешь, как играть, про что играть.

Я не встречал настоящего актера, который, получив роль, сразу знает, как и про что играть. Я не встречал актера, в творческой практике которого не было бы провалов, неудач. От этого ничто не может застраховать — ни многолетний опыт, ни высокие звания...

Годы моей работы по-разному складывались, но главным и неизменным был в них труд. Жизнь шла своим чередом, меняла какие-то мои представления о ней, об актерской профессии, некоторые из них напрочь опрокидывала.

После первой роли мне казалось, что все узнал о театре, все понял в нем. Была уверенность в том, что открыл и постиг многие тайны, секреты своего дела. Куда там... Сыграл около ста ролей и понял лишь очень немногое. Например, то, что успех — это всегда результат труда, почти каторжного, но что даже и такой труд не гарантирует успеха. И еще. Нужна и хорошая драматургия, и близкая тебе роль, и режиссер, который, к слову сказать, может повести актера и туда, и не туда.

Тогда же, в первые годы своего актерства, понял, чем покори меня театр. Неожиданностью, необычностью. И в то же время тем, что он «не отражающее зеркало, а увеличивающее стекло». Покорил меня заостренным вниманием к конкретным жизненным проблемам. Это и сегодня — «в плюс» театру. И кинематографу. А «в минус» — нетребовательное, порой даже потребительское отношение к делу. Иной режиссер снимает картину или ставит спектакль, а тема ему не дорога, не болен он темой, проблемой. «Ладно, — думает, — для зрителя сойдет...» Вот и получается: фильмов, спектаклей выпускаем много, а хорошие из них можно пересчитать в минуту. При этом страдает и зритель, и само дело, и мы, актеры.

Мне, положим, повезло: в театре я учился и работал под руководством большого мастера Юозаса Мильтиниса, в кино моими режиссерами были М. Швейцер, В. Жалакявичюс, С. Кулиш...

А сколько моих коллег, талантливых, преданных нашему делу, ждут своего «звездного часа»?..

В студии мы, ученики, играли все. Мильтинис говорил:

— Амплуа — это вред.

Так оно, по-моему, и есть, потому что современный актер должен совершенствовать свой талант, мастерство всесторонне. В этом смысле я многому научился, сыграв такие разные и ставшие важными в моем становлении роли, как Павка Корчагин, шолоховский Давыдов, Йорген Тесман в драме Г. Ибсена «Гедда Габлер», Вилли Ломен в «Смерти коммивояжера» А. Миллера, Бекман в пьесе В. Борхерта «За дверью»...

Мое первое знакомство с кинематографом произошло тридцать лет назад, в 1955 году, когда режиссер Витаутас Жалакявичюс пригласил меня в свой фильм «Адам хочет стать человеком». Помню, я совершенно растерялся перед камерой на тех первых в моей жизни съемках, не понимал специфику кадра, куска, монтажа. Мешал опыт театральной практики, где все было иначе, последовательно, сцена позволяла более вольно распорядиться пространством. Ну, ничего поначалу не мог сознательно делать на съемочной площадке. Мне что-то говорили, я выполнял какие-то задания... Играл плохо, примитивно, много позировал. После окончания съемок решил, что кино — это не для меня, что никогда не одолею специфики этого искусства.

Но Жалакявичюс, видя мою неуверенность, мои ошибки, понимал их причину. Он доверял мне, и его доверие выразилось в том, что вскоре я был приглашен в следующий его фильм, «Хроника одного дня». Играть в том фильме мне довелось небольшой эпизод, но Жалакявичюс не вообще пригласил меня сниматься, а приобщал паневежского актера к кинематографу. Позже я сыграл в его фильме большую роль — Вайткус («Никто не хотел умирать»), образ, интереснейший по своей сложности, противоречивости, драматизму.

После этого, настоящего своего дебюта в кинематографе я снимался в картинах таких различных режиссеров, как С. Кулиш («Мертвый сезон»), М. Швейцер («Бегство мистера Мак-Кинли»), Конрад Вольф («Гойя»), Хорст Земан («Бетховен»). Снялся и в картине Жалакявичюса «Кентавры»...

Кино и театр. Много общего между этими двумя видами искусства. Но еще больше разнит их. Однако объединяет настоящая режиссура. Актер всегда мечтает найти своего режиссера, единомышленника, с которым бы совпадали у него и мировоззрение, и эстетические взгляды, и принципы работы.

Я видел, как считавшийся средним актер, попав к хорошему режиссеру, проявлял никем до того не подозреваемый талант. И, напротив, хороший актер, попав к посредственному режиссеру, вдруг тускнел, становился беспомощным.

За сорок с лишним лет работы я сыграл большое количество ролей. Какие-то из них ушли из памяти, не оставив следа в душе и сердце. Другие остались в памяти навсегда: Вайткус, Ладейников, Мак-Кинли. Думаю, не сыграй я их, едва ли меня заметили бы для

таких ролей, как Гойя, Бетховен, едва ли мне довелось бы работать с таким прекрасным режиссером, как Г. Козинцев (я снимался у него в «Короле Лире»).

Самым неожиданным было, пожалуй, предложение С. Кулиша сыграть Ладейникова в «Мертвом сезоне». Почему, спросите вы? Да ведь это произошло в шестидесятых годах. По понятиям тех лет, Ладейников — чистой воды социальный герой. Тут и рост, и внешность должны быть соответствующими. А какой я герой, хотя бы по этим показателям? К слову сказать, в кино до сих пор некоторые режиссеры часто выбирают актеров больше по внешним данным. Так в основном поступают режиссеры, не только не умеющие работать с актерами, но и не верящие ни в актерские, ни в свои собственные силы. К сожалению, подобных режиссеров не становится, по-моему, меньше. Доверие же актеру приносит прекрасные результаты. Доверие и союз. Как великолепные примеры такого союза — результаты, достигнутые режиссером Никитой Михалковым.

...Бетховен, Гойя... Мне, считаю, очень повезло. Режиссер Конрад Вольф снимал в «Гойе» актеров из многих стран, создав своеобразный интернациональный актерский ансамбль. Мы все хорошо понимали друг друга, потому что нам были понятны и глубоко волновали каждого из нас главные мысли фильма, его проблемы: художник и власть, художник и общество, художник и время...

Если к роли Гойи мне довелось пройти через множество проб (претендентов было много), то на роль Бетховена проб не было. Режиссер Хорст Земан, зная меня по некоторым нашим фильмам, задолго до начала работы над своей картиной наметил, что Бетховена буду играть я. Предварительно дело обошлось лишь поисками грима.

Когда работал над ролями Гойи и Бетховена, много читал о своих героях, изучал их жизнь, письма... Что поразило меня? То, что эти величайшие творцы Прекрасного не один раз передельивали, а то и уничтожали многое из того, что создавали. Вот у кого надо всем нам учиться критическому осмыслению собственного творчества.

После встреч с такими характерами актер как человек становится богаче, сложнее. Бетховен и Гойя — не просто гиганты в истории человеческой культуры. Проникая в душевный и художнический мир этих людей, переоцениваешь многие ценности. То, что раньше казалось интересным, важным, неожиданно поражает своим мелкотемьем. Опрокидывается привычное представление о смысле жизни Художника, вообще Человека, о его назначении на Земле. И уж ко многому из того, что сыграно, сделано в жизни, я отношусь совсем не так, как несколько лет назад.

Тут в пору привести известное сравнение роли с пиджаком, который предстоит надеть. Если пиджак велик по размеру, то человеку надо стать много шире в плечах, чтобы пиджак ладно сидел на нем. А иной пиджак наденешь и только расправишь плечи, а он, пиджак, уже трещит и рвется по швам.

Встреча с такими характерами, как Бетховен и Гойя, делают человека «шире в плечах», и я бесконечно благодарен кинематографистам братской страны, доверившим мне работу над этими образами.

К сожалению, мы, актеры, не очень избалованы подобными встречами. Порой предлагают тебе роль, а она — как тот пиджак, который трещит по всем швам. Ну, сыграешь эту роль, но с а м по-человечески богаче не станешь.

...Что такое судьба? Что значит сложившаяся судьба? Кто может точно ответить на этот вопрос, не погрешив против истины?

У Горького есть очень точно сформулированная мысль: когда природа лишила человека способности ходить на четвереньках, она дала ему в качестве посоха идеал...

Так вот судьба, мне кажется, складывается, когда человек стремится к идеалу. И в жизни, и в своем творчестве. Познать же себя можно через труд. Через борьбу. Без борьбы нет и не может быть судьбы. Сама жизнь немислима без борьбы.

Герой повести Л. Леонова (он же и мой экранный герой) Мак-Кинли не захотел бороться, предпочел заморозив себя, взглянуть на мир через двести лет. И что же он увидел, когда проснулся? Земля превратилась в пустыню. Победили темные силы. Вот он, результат отказа от борьбы...

Сложилась ли моя судьба? Признаюсь, никогда об этом не задумывался. Всем, чем занимался в искусстве и жизни, занимался сознательно. И очень надеюсь, что был и остаюсь полезным другим, что работал и работаю на жизнь...

Записал
Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.

ВИЛЛА В ДОВОДНОЕ

Глава двенадцатая

Как только черный «Опель-капитан» с номером 17—22 стрелой мелькнул мимо служебной будки и стал удаляться в сторону Берна, Анри Бурже легко, как пружина, вскочил со стула и подбежал к панорамному окну будки. Живо обернувшись, он ткнул пальцем в стекло.

— Старший инспектор, именно эта машина меня интересует! Черный «Опель-капитан» под номером 17—22, в автомобиле — две дамы: крашеная брюнетка и русая блондинка. За рулем — брюнетка, глаза голубые, может надеть темные очки, шоферские права на имя Герды Дижон.

Высокий сутулый малый с немигающим пристальным взглядом и крепкими руками, в форме дорожной полиции — бывший мотогонщик — повторил, делая пометки в своем блокноте:

— Черный «Опель-капитан», номер 17—22, в машине две женщины. Я записал, майор. Какие еще указания? — Он посмотрел на низенького толстячка в распахнутом пиджаке, с черной шевелюрой волос и отечным, с красными щеками лицом.

Толстяк быстро подкатился к нему, словно на роликах.

— Ваша задача такова, старший инспектор. Поскольку мне неизвестно истинное направление и конечный пункт поездки прелестных дам, оповестите все посты на Бернской автомагистрали и всех прилегающих шоссе, сообщив полученные от меня сведения. Куда бы ни повернула машина под номером 17—22, я должен знать, в каком она месте находится.

— Так точно, майор! — Молодой исполнительный полицейский кинулся было к аппарату селекторной связи, но Бурже, ловко сцапав его под руку и придержав, ласково сказал:

— Секундочку, мой дорогой инспектор. Еще одно: пожалуйста, категорически запретите постам останавливать или преследовать черный «Опель».

Пока старший инспектор, включив селектор, отдавал распоряжения постам дорожной полиции, Бурже выскочил к стоявшему у будки бело-голубому патрульному автомобилю. Майор попросил включить радио. Когда водитель сделал это и вручил ему микрофон на шнуре, он негромко произнес:

— Квадрат-один. Я — Вексель. Слышишь меня?

В приемнике тотчас отозвалось:

— Я — Квадрат-один. Слушаю вас.

— Через пару минут мы выезжаем. Следуй за нами. Все!

Синий «Мерседес-Бенц», что стоял в укрытии в километре отсюда, заглохотал мотором и выехал с проселочной дороги на прилегающее шоссе. Тот самый «Мерседес», который сопровождал от Пайернского вокзала черный «Опель» и который так нагугал Магду, что она остановилась. Бурже и его люди предвидели подобный прием и, когда их опытный шофер, намеренно наращивая скорость, пронесся мимо «Опеля», все трое пассажира, согнувшись, почти легли на сиденьях.

— Поехали, поехали! — махал короткими руками Бурже, призывая через стекло будки старшего инспектора, еще что-то говорившего по селектору.

И когда залезли в бело-голубой служебный «Форд», Анри, с пыhtением устраиваясь на сиденье, юмористически произнес:

— Как вы невежливы, старший инспектор: забыли о дамах. А ну-ка, в наказание садитесь сами за руль и покажите, чтоб я поверил, какой вы классный гонщик.

За считанные секунды бывший мотогонщик, одновременно связываясь с постами, разогнал «Форд» до ста километров в час. Гудели по бетону шины, мотор ныл на высокой ноте. Из приемника слышались хрипящие от радиопомех голоса:

— Докладывает дежурный поста номер пять. Черный «Опель-капитан» номер 17—22 проследовал в сторону Берна в девятнадцать часов двадцать одну минуту. Машину в зоне поста не задерживали.

— Пост номер четыре, мсье. «Опель-капитан» 17—22 прошел пост в направлении Берна две минуты назад.

— Так где же они, инспектор? — нетерпеливо бросил Бурже.

Держа баранку по-гонщицки, разведя в стороны локти, сутулый малый кинул взгляд на майора; его немигающие глаза были напряжены.

— Они прошли Аванш и только что, как нам сообщили, Муртен. Отсюда — двадцать два километра. Мы быстро нагоним, майор.

— Впереди развилка на Керцерс?

— Да. Не считая прилегающих второстепенных дорог. Но если они пройдут Мюлеберг, значит, возможно, едут в Берн.

Сюззи-Магда, осмотревшись, нет ли кого поблизости, вошла в телефонную будку, бросила в аппарат монетку и, вставив в дырочку диска острый лакированный ноготь, набрала номер.

— Адам, — сказала она, услышав знакомый голос, — мы прибыли. Ждем вас на третьей улице, справа от вашей дачи, здесь стоит телефонная будка, понял, да? Теперь передай трубку Эрике, с ней поговорит мадам Вера. И сразу приходите. Мы будем в машине: черный «Опель», номер 17—22.

Магда передала трубку госпоже Кинкель, а сама вышла из будки понаблюдать. Хотя ничего подозрительного в пути немка не заметила и тревога почти покинула ее, она не сняла плаща и, приехав, еще в машине надела темные очки. Стоя возле будки, она с легким презрением слушала прерывающийся от спазм голос швейцарки: распустила нюни, ну, ты еще зарыдай, корова. Ведь она почти кричит, нет, так нельзя! Они с девочкой устроят здесь концерт, сбегится весь поселок, этого не доставало! Магда рывком открыла дверь, но сказала сдержанно:

— Мадам Вера, прошу вас, кончайте, больше нельзя. Идемте к машине!

Бурже сказал в микрофон:

— Квадрат-два! Я — Вексель. Нахожусь в Квадрате-один. Слушаешь меня?

— Вексель, — ответил в приемнике голос, — я — Квадрат-два. Слушаю вас, патрон.

— Полное внимание! Начинаем. Даю корректировку. Наши дамы, позвонив по автомату, не пошли к вилле, а вернулись назад, к своей машине. Это черный «Опель-капитан», номер 17—22. Мы «вели» его от Пайерна. Агента в «Опеле» после передачи девочки берет на себя Квадрат-один. Думаю, ребенка они приведут сюда, к «Опелю», так как мать тоже говорила по автомату, конечно, с дочерью. Но посмотрим, если что изменится... Когда выведет девочку, пропустите их — полагаю, с ней будет один сопровождающий, — а затем выдвигайтесь к вилле. Брать будете сначала тех, что в доме, а того, кто сопровождал ребенка, — по его возвращении. Что у вас тут произошло с момента наблюдения?

— В дом не входил никто, патрон. Девочку не видели. Из дома дважды выходил один и тот же тип. Прогуливался за оградой, по саду, курил. Выходил минуты на две-три и возвращался. Их людей у виллы нет, осмотрели, как надо. В доме тихо.

— Вы звонили туда?

— Извините, патрон. Так точно!

— Соберитесь, Люсьен, я не узнаю вас. Ну и что?

— Звонили дважды, извинялись за ошибку. Судя по голосу, трубку брал один и тот же человек.

Бурже помолчал, облизал языком пересохшие губы.

— Странно... — сказал он, — там должны быть двое по крайней мере. Ну, ладно... Напоминаю о главном: обеспечить полную безопасность девочке.

— Ясно, патрон!

— Тогда с вами все, — заключил Бурже и, не изменяя радиоволны, спросил в микрофон: — Квадрат-три. Я — Вексель. Хорошо нас слышали?

— Отлично, патрон! — Приемник будто вздрогнул от сильного голоса. — Я даже испугался: вдруг «объект» подслушает!

— Веселишься, сынок?

— Простите, патрон... У нас все в ажуре. Ведем наблюдение и ждем вашего приказа. «Объект» не выходил из дома, но он там. Для проверки позвонили, как вы велели, только один раз. На вилле ответил мужской голос. Прочесали в округе — их людей нет. Ничегосторажающего. В дом никто не входил и не выходил.

— Ну ладно, порадовал. Но помните: если «объект» вздумается уйти или уехать, брать немедленно, и только живым!

С примыкающей улицы, из-за угла кирпичной ограды, вышла Эрика в сопровождении непримечательного молодого человека, с бесцветным лицом, который держал девочку за руку. На Эрике было белое платье, начищенные ботинки и белые гольфы на тонких ногах. На макушке, в русых «маминых» локонах, торчал большой красный бант. Она все время вертела головой, высматривая маму, и бант болтался, как красный флажок. Они приблизились к «Опелю». Сидя в машине (немка запретила ей выйти), Вера Сергеевна видела через стекло, как Эрика остановилась, упершись, не желая идти дальше, несмотря на уговоры мужчины. В расширенных серых глазах застыл страх. Магда, стоявшая у автомобиля в темных очках, поняла, что девочка не узнала ее и испугалась.

— Вылезайте! — нагнувшись, приказала через опущенное стекло Магда. — Она боится — покажитесь ей!

Госпожа Кинкель вышла из машины и откинула вуаль на шляпку. Эрика с криком «мамочка!» бросилась к ней.

— Поехали, поехали, садитесь! — подталкивая обеих, с раздражением приговаривала немка. Она махнула рукой Адаму, он кивнул, и Магда села за руль. Поворачивая назад, за угол ограды, молодой человек еще раз оглянулся и исчез. «Опель-капитан» тронулся, набирая разгон.

Агент, наблюдавший издали из-за кустов, метнулся к ближайшему перекрестку и подал сигнал рукой. Синий «Мерседес-Бенц» с заведенным мотором рванул с места и понесся к перекрестку. Под прямым углом по другой улице к нему быстро приближался черный «Опель». «Мерседес», затормозив на перекрестке, преградил ему путь. В сотне метров впереди Магда увидела синий автомобиль — тот самый! Тот самый! Но это произошло столь внезапно и страшно, что отреагировать нужным образом она не сумела. Машинально притормаживая, она с возрастающим ужасом, как парализованная, взирала на синий «Мерседес», из распахнутых дверей которого выскочили и бежали к ней двое, и лица их казались тоже ужасными. На миг Магда ощутила полную слабость в теле, воля покинула ее, но затем она в панике завертела рулем, надеясь проскочить мимо «Мерседеса». — ладно, ладно, ладно! — ладно! — она глянула в зеркальце, туго прижав тормоза и переключая заднюю передачу, и услышала шумное дыхание уже подбегающего сбоку к машине третьего агента.

— Прошу выйти, мадам! — отворяя дверцу, приказал агент. — Вы арестованы по подозрению в похищении дочери госпожи Кинкель. Предъявите свои документы.

Эти слова вывели Магду из шока: она попыталась протестовать.

— Выходите, мадам! — настойчиво повторил агент. — Все объяснения вы дадите старшему. — И он зашелкнул на запястьях Магды никелированные наручники.

Подбежали двое других и встали по бокам «Опеля», держа руки в карманах (никто из них не доставал оружие, чтобы не напугать девочку). От синего «Мерседеса» не спеша шел полный низенький человек в распахнутом пиджаке.

— Все в порядке, патрон! — отпартовал первый агент, протягивая майору шоферские права Магды. — Мадам утверждает, что паспорта не захватила с собой.

Бурже лишь покосился на брюнетку в наручниках, открыл дверь и заглянул в салон автомобиля. С заднего сиденья, бледные, обнявшись, на него молча смотрели русоволосая женщина в шляпке с вуалью и

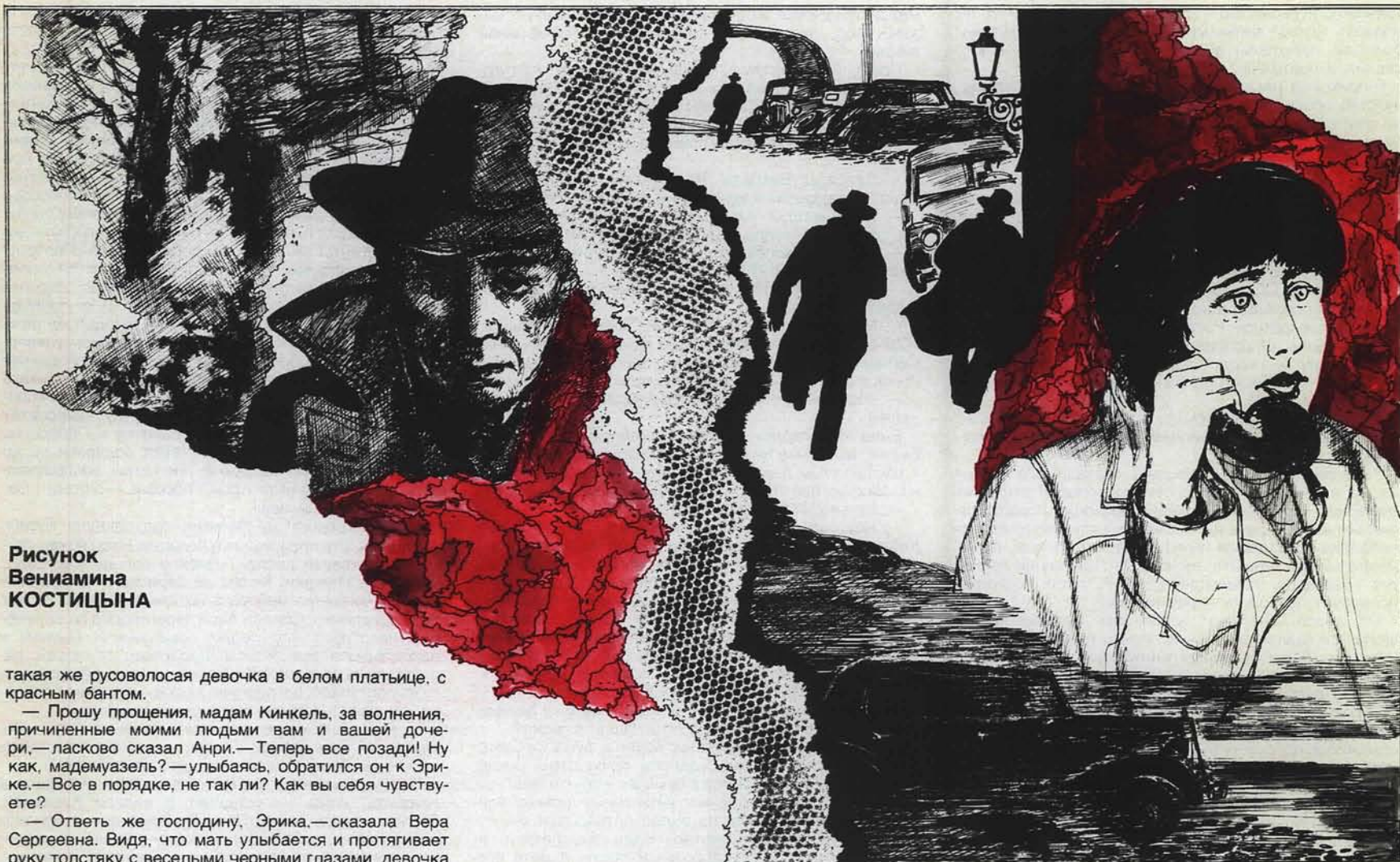

Рисунок
Вениамина
КОСТИЦЫНА

такая же русоволосая девочка в белом платьице, с красным бантом.

— Прощу прощения, мадам Кинкель, за волнения, причиненные моими людьми вам и вашей дочери, — ласково сказал Анри. — Теперь все позади! Ну как, мадемуазель? — улыбаясь, обратился он к Эрике. — Все в порядке, не так ли? Как вы себя чувствуете?

— Ответ же господину, Эрика, — сказала Вера Сергеевна. Видя, что мать улыбается и протягивает руку толстяку с веселыми черными глазами, девочка тоже слабо улыбнулась и тихо спросила:

— А вас как зовут, мсье?

— Меня зовут Анри, дорогая.

— Благодарю вас, мсье Анри! Я чувствую себя неплохо. Спасибо вам, — и посмотрела на мать, ища в ее глазах подтверждения, достаточно ли хорошо она разговаривает с этим симпатичным дядей. Госпожа Кинкель обняла ее за плечи, рассмеялась.

Анри пухлыми пальцами коснулся щеки девочки.

— Она у вас храбрый ребенок! Совсем не испугалась, не так ли, мадемуазель?

Эрика смущенно прислонилась лицом к плечу матери.

— А теперь, дорогая, — сказал Бурже, — ты поедешь вместе с мамой домой, в Лозанну. Папа ждет вас. А вот этот дядя — его зовут Раймон, познакомьтесь с ним — будет сопровождать вас до самого дома. Счастливого пути, маленькая!

Пока они устраивались в «Опеле» — Раймон за рулем, а мать с дочерью сзади, — уже совсем осмелевшая Эрика торопливо, по-приятельски рассказывала дяде Анри о гадкой обманщице тете Магде и противных дураках Адаме и Гейнце, которые держали ее под замком. «Вот спасибо, дорогая, теперь мне многое ясно, — бормотал, щуря лукавый глаз, Анри, — теперь я займусь этими гадкими людьми, и уж поверь, им не поздоровится!» Он помахал пухлой ладонью вслед отъезжающему «Опелю», в заднем стекле которого светилось улыбающееся лицо и любопытные глаза Эрики, и повернулся к брюнетке.

— Ну, а теперь займемся вами, фрау Фюбинг, — сказал Бурже, взял из рук агента ее шоферские права и, заметив удивленный взгляд немки, добавил: — Да, да, Герда Фюбинг! И вы напрасно перекрасились из блондинки в брюнетку. Нам известны, фрау, не только ваша прежняя фамилия, до замужества, и ваши приметы (и это было правдой), но и ваша подлинная немецкая фамилия, когда вы жили и работали в Германии (а эта «утка» была рассчитана на удар по нервам). Мы многое знаем, фрау Фюбинг. И, для вашего сведения, вы арестованы не только по подозрению в похищении ребенка и шантаже, вы занимались шпионской деятельностью в нейтральной стране. Понимаете, фрау, чем это для вас пахнет?

В «Мерседесе», когда все расселись — немка с агентами позади, — майор спросил шофера, разворачивающего автомобиль на дороге:

— Какие известия?

— Квадрат-два закончил операцию. Квадрат-три пока молчит.

Взглянув на часы, Бурже произнес в микрофон:

— Квадрат-три. Я — Вексель. Что там у вас?

— Я — Квадрат-три. Пытаемся дозвониться — «объект» не отвечает и дверь не открывает.

Лерн возится с отмычками, не получается: видимо, дверь на предохранительной цепочке. Придется, наверное, проникнуть в дом через окно. За виллой — круговое наблюдение. Там есть еще две двери, откуда можно выйти, — позади дома и на веранде, — но «объект» пока не появлялся.

— Хорошо. Продолжайте. Все! Квадрат-два, слышите меня? Как у вас?

— Наши люди в доме, обыскали все уголки, но там никого нет, патрон. Агента по кличке Адам взяли при его возвращении на виллу. Девочку сопровождал он один. Спугнуть других мы не могли: наши проникли в дом до захвата Адама, за виллой велось круговое наблюдение. Агент Адам — кстати, он напуган до смерти, — утверждает, что, кроме него, в доме никого больше не было. Второй агент, по кличке Гейнец, по словам Адама, выполняет задание резидента — уехал на автомобиле еще днем. Продолжаем допрос, этот Адам совсем раскис, думаю, мы выжмем из него все. Какие указания, патрон?

— Оставьте на вилле засаду и выезжайте в район действия Квадрата-три. Продолжайте допрос, пока он горяченький! Сведения, полученные от Адама, сообщите мне потом, при встрече. Все!

— Я понял, патрон!

— А ну-ка, давай быстро к ближайшему автомату! — бросил майор шоферу. — Тут телефонные будки на каждой улице. Надо связаться с Морисом.

— Да, мсье! — отозвался шофер.

Пока шофер крутил баранку, выискивая в прилегающих улицах поселка телефон-автомат, майор, закинув локоть за спинку сиденья и грузно повернувшись назад, говорил немке:

— Прощу выслушать меня внимательно, фрау Фюбинг, или, если вам угодно, мадам Дижон. От того, насколько хорошо вы осмыслите сказанное мной, будет, в сущности, зависеть ваша судьба. Как вы, очевидно, поняли, мы знаем многое о вашей резидентуре и сейчас проводим операцию по ее ликвидации. Поскольку мы держали под контролем ваши телефонные разговоры плюс другие источники информации, нам известны ваши тайные цели, известны методы работы и состав группы. Могу назвать: вы, Адам, Гейнец, Пауль, Франц. И еще двое, кличек которых мы не знаем. Но зато, фрау, мы точно знаем, кто возглавляет резидентуру — владелец немецкого рестораничка! Не так ли, фрау?! В эту минуту мои люди берут его на собственной вилле. Ну, вот вы и побледнели! Не надо так расстраиваться. Свою партию вы уже проиграли, а поэтому обязаны сообщить все, что вам известно. Мы найдем время побеседовать в тихом уголке, где никто нам не помешает. А сейчас я хочу, чтоб вы ясно поняли: мера наказания независимо от степени вашей вины зависит от меры

вашей искренности и меры сотрудничества с нами, да, да, сотрудничества, фрау Фюбинг! Вам ведь известно, что за шпионаж в Швейцарии сурово карают: несколько человек были отправлены на виселицу — вы слышали? — об этом писалось в газетах. Я же могу добиться для вас, если вы нам все расскажете, конечно, минимального срока наказания и содержания в тюрьме с ослабленным режимом или же просто выдворения из страны. Вот так!

— Слушаю, слушаю! — с легким раздражением повторил Эссен. — Кто это «я»? Как вас зовут?

В телефонной трубке слышалось шумное дыхание и сглатывание.

— Это я, Гейнец, шеф, Гейнец! — произнес сдавленный голос.

— Что у вас? Вы давно вернулись? Встретились с секретарем посольства? Откуда вы звоните?

— Да, шеф, задание я выполнил, все в порядке. Звоню из автомата... очень спешил... бежал... У меня экстренное сообщение, шеф, только... не знаю, как сказать...

— Что вы там мямлите, Гейнец, говорите же! — требовательно сказал резидент, ощущая тревогу.

— Беда, шеф! Только что арестован Адам! — выпалил без пауз агент.

— Что?! Где? Говорите же, черт вас подери!

— Я вернулся... я подъезжал на автомобиле к нашей даче и увидел Адама на улице, его обыскивали двое в штатском... Я сразу остановился и наблюдал из машины. Они надели на него наручники, а еще один стоял за оградой, возле виллы, дверь в дом была распахнута... Потом те двое увели Адама в дом. Я развернулся и помчался прочь... Звоню вам из телефонной будки. Что делать, шеф? Алло, вы меня слышите, алло!

Удар был слишком силен. «Они в Берне, рядом! — мелькнула ослепляющая мысль. — Беги! Беги же скорей, беги, потом будет поздно!» Из зажатой в руке трубки верещал торопливый голос. Еще не владея собой, скованный, Эссен спросил:

— А где девочка? Где Сюзи и... Впрочем, ладно. Слушайте меня, Гейнец, подождите минуту. — Эссен прервал разговор, потому что в прихожей зазвонил звонок.

Он подбежал к окну и сразу увидел по ту сторону чугунных ворот двоих мужчин в штатском — звонили оттуда. «Они здесь, здесь!» — Эссен с ужасом перевел взгляд на выступающую часть крыльца — нет, возле входных дверей никого. «Все пропало! Они начнут взламывать дверь. Бежать, бежать!» Он бросился в кабинет, к потайному сейфу, потом, вспомнив об оставленной трубке, — к телефону.

— Гейнец, вы слушаете? — В мембране быстро и

тревожно пульсировали короткие гудки. Он кинул на аппарат трубку, метнулся опять к сейфу, прихватив большой портфель, выгреб все бумаги и пленки, свалил в портфель.

В прихожей непрерывно трезвонил звонок. Острое чувство опасности сосало сердце, в висках стучало, но того, первородного, животного страха уже не было: напряжением воли он подавил его. Было ощущение какой-то легкости, пустоты в теле. Движения стали четкими, точными. «Я успею: им еще придется взламывать дверь». Он побежал в прихожую, накиннул на дверь вторую предохранительную цепочку, проверил замки, застопорив их «собачками». На бегу задержал на окнах глухие шторы. Роясь в письменном столе и вспоминая, что еще нужно обязательно взять, он твердил себе: «Успокойся, ты успеешь, успокойся». И тут Эссен вспомнил о не вывезенной из дома Кинкелей спецаппаратуре. Рассовывая по карманам пиджака документы, он бросился к телефону. «А вот это ты не успеешь», — твердо сказал ему голос. «Ничего, попробую», — возразил Эссен. — Надо попытаться, еще есть время...»

Нет, времени уже не было. В дверь и окна стучали, слышались голоса, требующие именем закона немедленно отворить.

Телефонистка междугородной сказала, что Лозанна не отвечает. Тогда Эссен потребовал старшую дежурную и объяснил, что ему необходимо связаться сию же минуту: речь идет о жизни большого близкого человека. Но старшая телефонистка ответила, что не может ничего сделать: вызовы на Лозанну не проходят, очевидно, повреждена линия, пусть господин попробует позвонить через полчаса.

От двери, снаружи, доносились металлические щелчки и звяканье цепочек: агенты пытались применить отмычки. У Эссена мелькнула мысль — они могут проникнуть через окна, разбив стекло, или через заднюю дверь: ее взломать проще. Успеть! Скорей!

Схватив туго набитый портфель, он бросился на кухню, сдвинул в сторону буфет, поднял линолеум, обнажился прорезанный в досках квадрат. Рванул за кольцо люка, крышка откинулась. Из темного зева подпола пахло холодом. В гостиной послышался звон разбитого стекла. Они полезли в окно! Страх опять охватил его. Скорей же, скорей! Эссен неловко опустился на колени, сполз на ступеньку лесенки в люк, кинул вниз портфель и, сходя, закрыл за собой крышку, а потом прочно задвинул под ней засов. Дрожаями руками нащупал в кармане зажигалку, язычок пламени бледно осветил камеру кладовой со стеллажами, заставленными винными бутылками, консервными банками, коробками с припасами. Найдя выключатель, Эссен зажег свет, отодвинул от стены старый, облезлый шкафчик и отпер ключом находящуюся за ним дверцу. Из черного прямоугольника потянуло земляную сырость. Сунув руку в кирпичную нишу, он извлек обернутый в целлофан электрический фонарик. Длинный острый луч пронзил тьму, заскользил по стенам далекого хода. «Боже мой! И это приходится делать мне! Боже мой!» — шевельнулась горькая мысль. Эссен поспешно вошел в подзелье, повернул в двери ключ и с портфелем и фонарем в руках устремился почти бегом по черному туннелю.

Потайной ход привел его в просторную остекленную теплицу, одним боком вплотную примыкающую к кирпичной ограде. За ней сразу начинался большой лес. Прикрытый разросшимися цветниками с гвоздиками, каллами и флоксами, Эссен, пригибаясь, посмотрел сквозь стеклянные рамы назад, в сторону виллы. Хотя счет шел на секунды, это было неодолимое желание — посмотреть назад. Он увидел одного и тотчас второго агента, снующих вокруг дома. Мгновение он глядел на них с ненавистью. Затем решительно повернулся к железной дверце в кирпичной стене.

Глава тринадцатая

— Ну что, Морис? Он пытался связаться с Лозанной или еще молчит? — спросил Бурже, сжимая телефонную трубку волосатой пухлой рукой.

— Нет, патрон, пока молчит. Прошло несколько вызовов в Лозанну и оттуда, но это другие абоненты. Вилла Кинкелей не выходила на связь.

— Спасибо, Морис. Будь внимателен.

Спокойствие и юмор покинули Бурже. Он нервничал: события, ломая его расчеты, начали выходить из-под контроля. Казалось, все предусмотрено, операция развивается чисто, в хорошем темпе, но потом пошло. В 21 час 10 минут люди майора — Морис с помощником, дежурившие на бернской телефонной станции и прослушивающие все разговоры между резидентом и его агентами, — сообщили о звонке Гейнца. (Бурже связался с Морисом по автоматическому тотчас же после захвата автомобиля Магды.) Гейнец, возвращавшийся откуда-то после выполнения задания, увидел, как арестовали Адама, и сразу же известил резидента. По требованию Мориса телефонистка отключила аппарат на вилле резидента, но с опозданием. Спустя три-четыре минуты после разговора с Гейнцем сам резидент пытался связаться по

междугородной с виллой Кинкелей — ему было отказано под предлогом неисправности телефонной линии.

Предупредив Мориса, чтобы он блокировал повторные попытки резидента соединиться с Лозанной, Бурже помчался к посту полицейской дорожной службы, где имелись надежные аппараты связи. В пути рация «Мерседеса» приняла доклад от Квадрата-три.

— Вексель! Вексель! Я — Квадрат-три. Слышите меня? — раздался в приемнике быстрый говорок.

— Я — Вексель! — живо схватив микрофон на шнуре, отозвался майор. — Слушаю, что у вас?

— Патрон, сообщаю... — Голос запнулся. — Наш «объект» исчез, патрон!

— Как это исчез? Куда он мог исчезнуть? Где ваши люди?

— Мы проникли в дом, но никого не нашли. «Объект», похоже, бежал через люк в подполе кухни. Сейчас там взламывают доски, одновременно ведем поиск потайного хода вокруг виллы.

— Черт побери! Ищите хорошенько! Вы должны его найти!

Едва «Мерседес» подлетел к дорожному посту и Бурже, выскочив из машины, взбежал по ступенькам к распахнутым дверям будки, как его позвали обратно. Шофер протянул майору микрофон.

— Ну что, Жак, нашли его?

— Нет, патрон, — хмуро ответил старший агент Квадрата-три. — «Объекту», по-видимому, удалось бежать через подземный ход. Мои ребята прошли его до конца. Он начинается за подполом кухни и выводит в теплицу, теплица примыкает к внешней кирпичной стене — ограде участка. В этой стене, в теплице, — железная дверь. Была заперта, мы открыли ее. Сразу за оградой начинается большой лес, наверное, «объект» бежал в лес. Мы прочесали поблизости — ничего. Как быть, патрон?

— Втроем вам его в лесу не найти. Он уже далеко ушел... Прекратите поиск... Что нашли в доме?

— В комнатах разбросаны вещи и бумаги. Сейф открыт. Вероятно, ему удалось прихватить самое ценное. Мы сейчас роемся в бумагах, кое-что нашли... Полагаю, патрон, он не мог уйти очень далеко: вся наша операция заняла не более пятнадцати минут, ребята действовали быстро. Надо бы, патрон, я думаю, известить автодорожные посты и дать его приметы, как вы считаете?

— Ладно, ладно, я подумаю... Вы там поройтесь как следует!

По требованию Бурже инспектор дорожной службы связался со всеми постами дачного района и сообщил приметы мужчины, которого надлежало задерживать. Хотя майор не хотел широкого оповещения, к этому пришлось все-таки прибегнуть. С каждым шагом дело осложнялось, и обойтись силами только своих особо доверенных сотрудников Бурже уже не мог. Он не слишком рассчитывал, что полицейские посты сумеют схватить резидента: словесный портрет ненадежен, кроме того, тот может изменить внешность или пройти лесом подальше и спрятаться там до темноты. А пускать на поиск своих контрразведчиков, имевших фотокарточки резидента (скопированные с фото из dossier этого господина в отделе полиции для иностранцев), — пускать их по многочисленным дорогам района в неизвестном направлении — было практически бессмысленно.

Покорившись, майор решил прибегнуть к помощи столичной полиции, с которой контрразведка имела постоянный контакт. По селектору поста дорожной службы Бурже связался с префектом полиции Берна, с которым был знаком лично, и, скупо информировав его о сути дела, попросил перекрыть этому швейцарскому подданному немецкого происхождения все транспортные каналы в городе и окрестностях: вокзалы, шоссе, аэропорты. Кроме словесного портера резидента, майор обещал в течение двадцати — тридцати минут прислать префекту со своим агентом фотографию «объекта» и отдал по радио соответствующее распоряжение Квадрату-два, пока свободному от поисков.

Бурже понимал, что схватился с опытным противником, располагающим к тому же, без сомнения, разветвленными тайными связями. Резидент, если ему удастся миновать кордоны, вполне может затаяться на одной из своих конспиративных квартир, однако когда-нибудь он все же выйдет оттуда. Тут шанс был. Хуже, если тот изберет другой вариант побега — укроется в германском посольстве, чего никак нельзя исключить. Хотя префект также обещал, что его подчиненные заблокируют посольство, проверяя въезжающие туда частные машины, но ведь резидент может провезти немецкий дипломат в служебном автомобиле, который не контролируется полицией.

Пока же майору не оставалось ничего иного, как ждать, имея под рукой аппараты связи дорожного поста. А перед тем, как окунуться в это томительное, вязкое состояние ожидания, Бурже осуществил одну довольно рискованную проверку.

По плану операции, чтобы избежать вооруженного сопротивления, от которого пострадают жители со-

седних вилл и прохожие, Пауля и Франца на вилле Кинкелей решено было брать не в доме, а после того, как они погрузят спецаппаратуру в машину и выедут за пределы дачного поселка. Со слов Герды Фюбинг-Дижон, которая стала весьма говорливой и отвечала на любые вопросы, Анри знал, что, согласно приказу резидента, Франц и Пауль имеют задание под прикрытием темноты вывезти и захоронить в тайнике демонтированную подслушивающую аппаратуру. Еще при разработке плана Рокотов и Бурже сошлись на том, что в кульминационный момент операции профессора Кинкелей не должно быть в доме: любая непредсказуемая случайность поставит его жизнь под угрозу — немецкие агенты не стали бы церемониться. Поэтому, дабы покинуть виллу, Герберт воспользуется таким убедительным мотивом: поскольку семья надолго якобы уезжает в горный пансионат для лечения большой дочери, профессор должен сегодня же официально оформить свой отпуск в Лозаннском университете, где он преподает. И Кинкель по указанию резидента получил такое разрешение. После захвата Магды-Сюззи Вера Сергеевна подтвердила это, сообщив Бурже, что муж должен был уехать в университет сразу после того, как она отправится в Пайерн на свидание с Магдой. Герберт хотел подвести ее до вокзала на своем «Ситроене», но немцы воспротивились. «Вы покинете дом порознь», — сказал Пауль, — так безопаснее».

Именно тревога за Кинкелей подтолкнула Бурже проверить, что происходит в Лозанне. Часы показывали без четверти десять, майское солнце уже село, сгустились сумерки, Морис на бернской телефонной станции соединил майора с Лозанной дважды, и оба раза мгновенно. Сперва Анри переговорил со служебной квартирой — со своим помощником Пьером и находящимся там Жаном Шардоном; от людей, наблюдавших за виллой Кинкелей, ничего чрезвычайного не поступало, беспокоило только молчание Герберта: он давно должен был позвонить Пьеру.

— Мне это тоже не нравится, — сказал майор. — Неужели он еще дома? Ладно, я сейчас попытаюсь выяснить. А вы там не отходите от телефона.

Потом, объяснив Герде Фюбинг, о чем она должна говорить, когда их соединят с виллой Кинкелей, Бурже передал ей трубку. Вопреки его опасениям немка провела разговор хорошо — ровным, спокойным тоном (Анри, слушая по спаренному аппарату, готов был отключить ее немедленно).

— Франц, дорогой, как у вас там?! — воскликнула Герда, услышав в трубке знакомый голос. — Это я, Сюззи!

— Все в порядке. А ты зачем звонишь? Ты где?

— Мы уже на пути в Лозанну. Я звоню из Люсана, с почты, пришлось остановиться по надобности — девочка попросила. Кроме того, она очень хочет поговорить с отцом. Эрика рядом со мной, планет, ты можешь позвать профессора к телефону? — Немка вопросительно взглянула на майора. Бурже покивал головой, держа палец над рычагом: в случае, если Франц захочет сам поговорить с девочкой или пододет Герберт (ведь Эрики не было здесь), то майор тотчас разъединится, а телефонистка междугородной по указанию Мориса сообщит о перерыве связи. Но трюк не понадобился.

— Я не могу, к сожалению, выполнить твою просьбу, Сюззи, — помедлив, отозвался Франц. — Профессор уехал в университет и пока не вернулся. Мы ждем его с минуты на минуту...

Бурже, удовлетворенный результатом проверки и успешным испытанием фрау Фюбинг, позволил себе расслабиться — он чувствовал в этом потребность: так сильно было внутреннее напряжение.

Теперь он сидел, приятно расслабившись, в «Мерседесе», возле постовой будки и расправлял Герду о том о сем — не допрос, а так, беседа, — и поглядывал на сумеречное, с красно-желтым мазком на западе небо...

Все перевернулось, лопнуло за считанные секунды! Когда Анри добежал до трезвонящего телефона и, выхватив трубку из рук инспектора, услышал голос Мориса, недоброе предчувствие охватило его. Да, так и есть! Резидент все же связался с Лозанной! Голос Мориса прерывался от волнения — он не снимал с себя вины. Заказ бернского абонента прошел как раз в то время, когда помощник Мориса ненадолго покинул помещение дежурной. На беду, заболела хорошо проинструктированная Морисом телефонистка, и сменная новенькая соединила бернского абонента с лозаннским домом Кинкелей. Новенькую ввело в заблуждение то, что заказ подал не мужской голос, а женский и в особенности что абонент назвал код германского посольства, требующий, по инструкции швейцарского департамента связи, внеочередного и срочного включения в сеть. Сам разговор дамы с агентом Францем на вилле занял менее минуты. «Начался сезон охоты», — сказал женский голос. — Ваш хозяин уехал в горы. Он приказал применить вариант «Кентавр» сейчас же». И дама, ничего более не объясняя, отключилась.

Бурже скатился с бетонной ступеней постовой будки и бросился к своему «Мерседесу»: он уже

догадывался, что означает приказ резидента. Распахнув дверь, он крикнул:

— Фрау, прошу вас, быстро! Что значит кодированная фраза: «Начался сезон охоты. Ваш хозяин уехал в горы. Приказал применить вариант «Кентавр» сейчас же»? Этот приказ вашего резидента только что передан по телефону агентам в доме Кинкелей. Начало фразы мне понятно. Что такое вариант «Кентавр»? Быстро, фрау Фюбинг! Вы не можете не знать! Я боюсь, случится беда.

Большие голубые глаза в наклеенных ресницах расширились, красивое лицо застыло.

— Вариант «Кентавр»?—спросила немка почти шепотом.— Мне известно... Если это то, что я знаю, то приказ означает: немедленно уничтожить все следы и улики и скрыться.

Ухватив волосатыми пальцами двоянный подбородок, Анри бормотал:

— Уничтожить улики и скрыться... Уничтожить... и скрыться. Что они должны уничтожить?... Он вскинул глаза на Герду—черные глаза с крупными белками сверкали, жгли.—Вылезайте, быстро! Мы должны успеть!—Он почти рванул Герду за руку, она выскочила из автомобиля.

Увлекая ее под руку к полевой будке, он скороговоркой объяснял, что и как ей надо сказать сейчас по телефону. Лозанну дали быстро, но номер не отвечал. Немка с красным, сразу подурневшим лицом сидела у аппарата, приложив трубку к уху, и твердила:

— У меня не получится... Они не послушают меня... Не слушают...

— Послушают, послушают!—Бурже стоял рядом, уперев шары кулаков в бока под распахнутым пиджаком, и не сводил глаз с телефона.— Обещайте им все, о чем я говорил. И не забудьте—за жизнь профессора Кинкеля они отвечают головой! Уверен, он там!

Наконец вилла включилась. Майор метнулся к спаренному аппарату, схватил трубку. Говорил мужской голос.

— Франц, это ты, Франц?!—кричала Герда.— Это говорю я—Сюззи! Сюззи!

— Да, да... Я—Франц,—слова чередовались прерывистым дыханием.— Ты где?! Ты знаешь, что...

— Да, да, я все знаю! Слушай меня, Франц! Выслушай меня! Я арестована...

— Что?! Что ты говоришь?! Ты где?

— Я?—немка, растерянно озираясь, запнулась.— Я на посту дорожной службы, в Берне... Это неважно... Не перебивай, выслушай меня! От меня требуют...—Герда метнула взгляд на Бурже и поправилась:— Я звоню вам по поручению офицера контрразведки, который меня задержал. Он предлагает тебе и Паулю немедленно, без сопротивления, сдать его людям: вилла оцеплена, вам не прорваться. Ты слышишь меня? Вилла оцеплена агентами контрразведки! Адам тоже арестован. Эссен, то есть я хочу сказать, шеф, бежал, но его вот-вот поймут. Они прослушивают все наши телефонные разговоры и все о нас знают. Мой... офицер контрразведки требует немедленно прекратить выполнение варианта «Кентавр»! Будьте благоразумны! Да, еще: имейте в виду—за жизнь профессора Кинкеля вы ответите головой! Он у вас? Где он?

Человек на том конце провода молчал, слышалось только затрудненное дыхание. Бурже помахал немке рукой, что-то подсказывая.

— Франц! Офицер заверяет словом чести, что гарантирует вам жизнь и высылку в Германию без суда и следствия, если вы сейчас же без сопротивления сдадитесь его людям... И... не причините вреда профессору... Франц! Почему ты молчишь? Отвечай же!

— Я все понял, Сюззи, все понял... Я немецкий офицер, мне не пристало... А вот ты, наверно, забыла, кто ты, забыла о присяге фюреру...

— К черту!—визгливо закричала, вся дрожа, Герда.— К черту! Резидентура провалена, олух ты этакий, неужели неясно, что все полетело к дьяволу?! Что даст ваше сопротивление, что?! Вас обоих укошат, как мух, и твой отец-генерал и дворянка-мать будут оплакивать твою глупую гибель, ты этого хочешь?! И берлинское начальство тоже скажет: дурацкая смерть, могли бы остаться живы и еще послужить нашему делу, разве не так? Но если ты такой дурак, то я вам приказываю! Я старше тебя по званию, и в конце концов я, как официальный помощник резидента, выполняю сейчас его обязанности: ведь сам-то он сбежал! Словом, я приказываю вам сдать, Франц! А ты как старший на вилле передай мой приказ Паулю.

— Ладно,—после паузы ответил голос.— Я согласен... Но... как Пауль... Кроме того... Я позвоню ему...

Окончание следует.

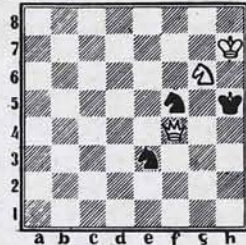
27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПЕРЕМЕНА ИГРЫ

В наше время в композиции широкое распространение получил принцип перемены игры. Он позволяет не только усложнить решение задачи, но и умножить само ее содержание. Суть этого принципа состоит в том, что варианты, содержащиеся в начальной позиции задачи, в решении заменяются другими. А ложные следы не ограничиваются одним лишь первым ходом, а содержат игру, равноценную той, которая заключена в самом решении. Решателю как бы ставятся хорошо замаскированные ловушки, которые он обязан обойти.

Участники наших олимпиад уже встречались с темой перемены в задачах-блоках. Вот еще один такой пример.

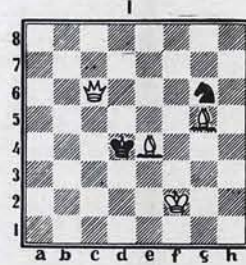
Мат в 2 хода

Нетрудно заметить, что черные находятся в цугцванге: 1... Кe~2. Ф:f5x, 1... Кf~2. Фh4x. Достаточно сделать любой выжидательный ход, и задача решена. Но белые сами находятся в цугцванге. Они

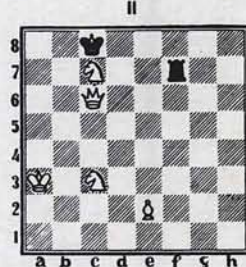
вынуждены разрушить готовую игру и создать новую., 1. Ke5! с новыми матами на отходы черных коней: 1... Ke~2. Фg4x, 1... Кf~2. Фh6x.

Тематика перемены игры дала новый толчок развитию современной шахматной миниатюры.

Седьмой тур

Белые: Крf2, Фс6, Се4, Сg5 (4)
Черные: Крд4, Кг6 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

Белые: Кра3, Фс6, Кс3, Кс7, п. е2 (5)
Черные: Крс8, Лf7 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 7-й тур». В заданиях сегодняшнего тура необходимо указать все ходы решения, а также ложные следы и их опровержения. Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю)—1 июня.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Седьмой тур

А. Щелохов, Калининград
Московской обл. Публикуется
впервые.

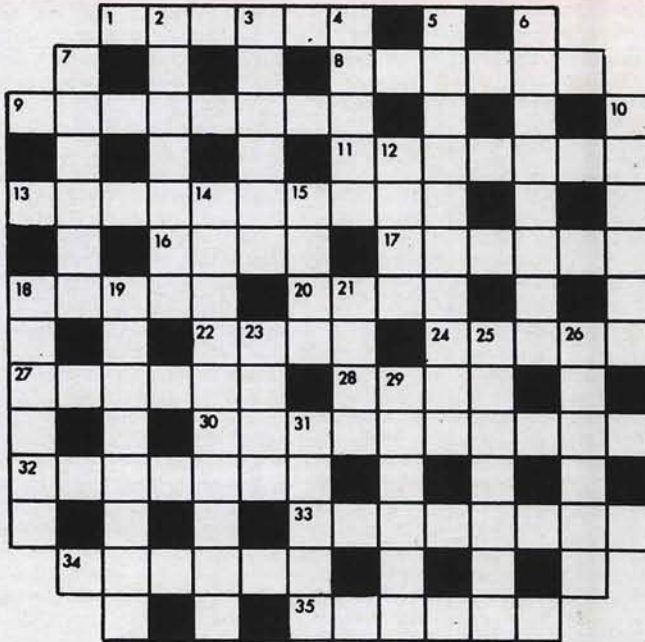

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых. (4 балла.)

Ответы на задания седьмого тура присылайте не позже 1 июня (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил
В. БОРИСОВ, г. Ковров
Владимирской области

По горизонтали:

- Морская бездна.
- Соль одной из слабых кислот.
- Музыкант.
- Озеро на Кольском полуострове.
- Один из видов диапроектора.
- Румынская разменная монета.
- Съедобный гриб.
- Техническая культура.
- Пэма Д. Байрона.
- Фольклорный жанр.
- Английский физик, открывший вместе с У. Рамзаем аргон.
- Расстановка людей по росту в одну шеренгу.
- Крутой склон.
- Государство на северо-западе Африки.
- Защитные боевые действия.
- Птица с плоским, расширенным на конце клювом.
- Сатирический киножурнал.
- Город в Молдавии.

По вертикали:

- Дом вместе с примыкающим к нему участком.
- Высокочувствительная телевизионная трубка.
- Произведение древнегреческой или римской скульптуры.
- Геодезический прибор.
- Американская певчая птица.
- Овощное или декоративное растение.
- Герой комедии А. Грибоедова «Горе от ума».
- Советский художник-график.
- Русский ботаник и путешественник, исследователь флоры Дальнего Востока.
- Одна из важнейших физических величин.
- Хлопчатобумажная ткань.
- Известный советский киноактер.
- Синий краситель.
- Грузоподъемный механизм.
- Синтетическая нить.
- Сумчатое австралийское животное.
- Советский историк искусства.
- Бальный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

- Ерошка.
- Яблоко.
- Чулан.
- Нубец.
- Ярото.
- Рембрандт.
- Шкаф.
- Бюро.
- Зиган.
- Голем.
- Жила.
- Ижица.
- Анис.
- Томат.
- Базен.
- Леса.
- Рондо.
- Эфес.
- Локва.
- Нерис.
- Эльф.
- Сцеп.
- Щецинский.
- Диомед.
- Корнер.
- Ситец.
- Раттен.
- Эллинг.

По вертикали:

- Черныш.
- Сообразительность.
- Эклер.
- Оберт.
- Фотолоуминесценция.
- Золото.
- Тумба.
- «Даная».
- Цена.
- Ядро.
- Философ.
- Бенефис.
- Гамак.
- Нитра.
- Минни.
- Габон.
- Лазер.
- Вред.
- Ерик.
- Эндерс.
- Химия.
- Успех.
- Пирог.
- Щебет.
- Иодль.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 19.02.85. Подписано к печати 14.03.85. А 04537. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 837. Заказ № 310. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОСМИЧЕСКАЯ ГАВАНЬ В ОСТАНКИНЕ

Алексей ВОРОБЬЕВ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

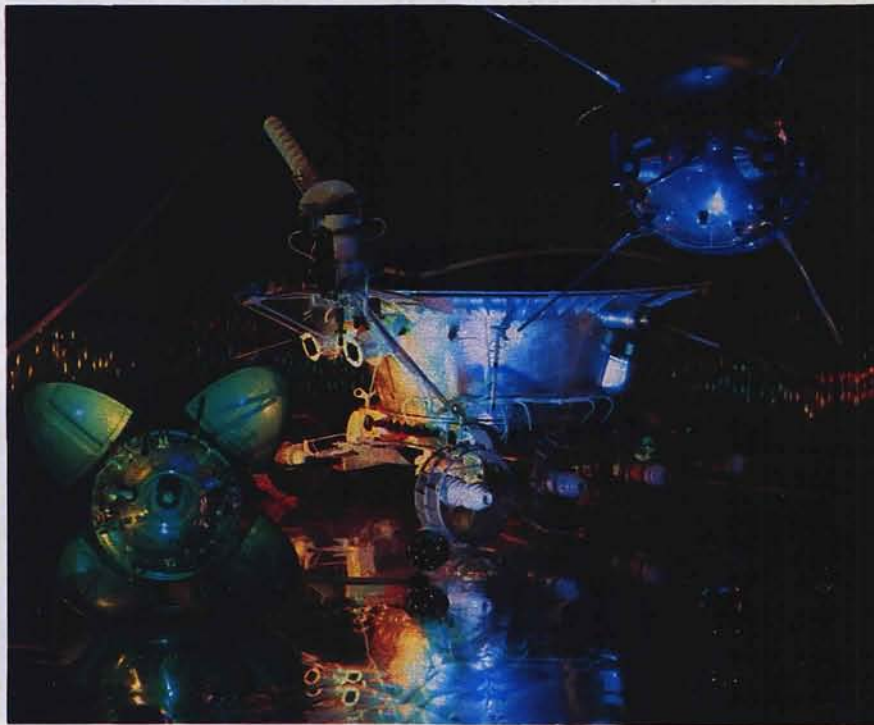
Звездный рейс заканчивается, когда с короткой вспышкой пламени срабатывают двигатели мягкой посадки и спускаемый аппарат принимает в свои запыленные ладони Земля. Когда откидывается обугленный люк и ветер степи врывается в пилотскую кабину.

Москва. Район ВДНХ. Аллея Героев Космоса, проспект Королева, высотная гостиница в форме подковы и стометровый монумент с устремившейся к небу ракетой — район поистине космический. Место для монумента выбрал живший

неподалеку Генеральный Конструктор. Он же предложил устроить под «стартовой площадкой» символической ракеты-памятника Мемориальный музей космонавтики.

Попав через просторную шлюзовую камеру в полутемный зал, кажется, сам ощущаешь, что же это такое — объятия космоса. Звезды, бесконечная синева под ногами, в просветах огромных иллюминаторов застыли космические корабли. Словно по-прежнему висят там, в вечном холоде и пустоте пространства. Корабли, хранящие память о звездных рейсах.

Вот он, оранжевый скафандр, рядом с

голубыми открытки с портретами первого звездного пилота. А мальчишки, захлебываясь от волнения и роняя кляксы, прямо на уроке писали на тетрадных листках заявления в отряд космонавтов...

Вселенная возвращает нам лишь малую часть запущенных аппаратов. На Земле остаются их братья, так называемые рабочие варианты, каждый из которых тоже мог бы отправиться в рейс. Вон в иллюминаторе проплывает брат того самого лунохода, который уже немало лет покоится где-нибудь на дне холодного кратера пустынной соседки Земли.

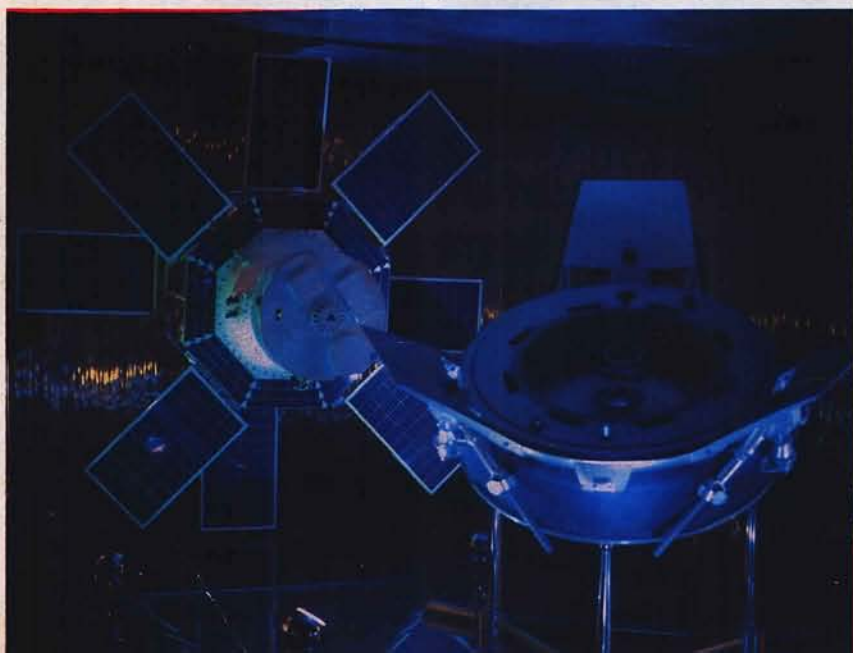
«Венеры» и «Марсы», спутники связи, могучие современные «Союзы»... Кажется, они вовсе не ощущают себя списанными «на берег» и лишь ждут часа, когда снова придет в рабочее

**СПУСКАЕМЫЕ
АППАРАТЫ.**

**В ПАМЯТЬ
О 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА.**

**ДУБЛЕРЫ
КОСМИЧЕСКИХ
СТАНЦИЙ.**

**ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ —
СТРОКИ
КОСМИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ.**

**КОСМОНАВТ
ГЕОРГИЙ ГРЕЧКО.**

положение стартовый ключ, вроде вот этого, под стеклом, от «Союза-27».

...Приходят в музей сегодняшние мальчишки и, застыв перед гигантскими иллюминаторами, всматриваясь новыми глазами в то, что они не раз видели на фотографиях, начинают понимать, почему их отцы так стремились удрать с уроков прямо в космос.

обгорелой капсулой. Вспомним светлые мгновения счастья, когда мчалась широкими проспектами открытая машина с двадцатисемилетним майором Гагариным, и откуда-то сверху летели белыми